



ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

**4(56)
2025**

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Редакционная коллегия:

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин, *д.ф.н., г.н.с.*

Главный редактор

А. Н. Чумаков, *д.ф.н., проф.*

Алешковский И. А., *к.э.н., доц. (Россия)*; Ивахнюк И. В., *д.э.н., проф. (Россия)*; Калачёв Б. Ф., *к.ю.н. (Россия)*; Калининченко П. А., *д.ю.н., проф. (Россия)*; Кацура А. В., *к.ф.н. (Россия)*; Кефели И. Ф., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Лось В. А., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Мамедов Н. М., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Махаматов Т. М., *д.ф.н., проф.; (Россия)*; Митрофанова А. В., *д. полит. н., проф. (Россия)*; Режабек Б. Г., *к.б.н. (Россия)*; Рыбальский Н. Г., *д.б.н., проф. (Россия)*; Снакин В. В., *д.б.н., проф. (Россия)*; Стычинский М. С., *к.ф.н. (Россия)*; Шестова Т. Л., *д.ф.н., проф. (Россия)*.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И., *д.и.н., проф. (Россия)*; Акаев А. А., *д. физ.-мат. н., акад. РАН (Киргизия)*; Ань Цинянь, *Ph.D., Prof. (Китай)*; Ближковский П., *Dr.Sc. (Бельгия)*; Бурьянов С. А., *к.ю.н. (Россия)*; Грачев В. А., *д.т.н., чл.-корр. РАН (Москва)*; Гэй У., *Ph.D., Prof. (США)*; Данилов-Данильян В. И., *д.э.н., чл.-корр. РАН (Россия)*; Дафферн Т., *Ph.D. (Великобритания)*; Ильин И. В., *д. полит. н., проф. (Россия)*; Киш Э., *Ph.D., Prof. (Венгрия)*; Коппула В. Б., *Ph.D., Prof. (Индия)*; Коротаев А. В., *д.и.н., проф. (Россия)*; Кучуради И., *Ph.D., Prof. (Турция)*; Лисеев И. К., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Мазур И. И., *д.т.н., проф. (Россия)*; Сабден О. С., *д.э.н. (Казахстан)*; Сергеев М. Ю., *Ph.D., Prof. (США)*; Теймури В., *Ph.D., Prof. (Иран)*

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А,
МГУ, факультет глобальных процессов.
Тел.: 8(495) 939-43-23. E-mail: chumakov5@yandex.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru. Сайт: www.socionauki.ru

DOI: 10.30884/vglob/2025.04.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Акаев А. А., Мусиева Д. М. Усиление противостояния США и КНР и его последствия для мирового развития 3

Антонов В. И. Категория пространства в евразийском дискурсе. Особенности ее идентификации в традиционном мировосприятии монголов 16

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

Петрова С. И., Петров И. Ф. Культурный релятивизм как фактор преодоления этноцентризма и утверждения идеалов толерантности 29

Стычинский М. С. Глобальные проблемы человечества и этика патриотизма 39

Киселев С. Г. Метод геочивилизационного анализа в международных, глобальных и региональных исследованиях 48

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Леонова О. Г. Глобальный Юг как феномен процесса глобализации 58

Липоватая М. С. Декларация Рио-де-Жанейро 2025 г. и управление международной безопасностью 71

Тарко А. М. Об экономико-демографическом развитии стран Европы и ее окружения 82

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Борисоглебская Л. Н., Сергеев С. М., Снимщикова И. А., Фирсова О. А. Прогноз устойчивости качества жизни на основе экологических предикторов в странах БРИКС 107

Сугаков Г. К. Глобальная роль ресурсов мирового океана: философско-экологическая интерпретация 116

Ильин В. В., Ильин К. В., Родин П. Н., Кяримов З. Х. О. Философия глобального мира: метафизика жизнестроения XXI в. 125

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Воронкова Л. П. «Слово» и «цифра» на службе дипломатии 139

Нуруллин Р. А. Искусственный интеллект – первый шаг к целостному существованию человечества 151

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Герасимов В. И., Коданева С. И. Перспективы сотрудничества незападных стран на евразийском пространстве и в рамках БРИКС+ 162

ПРОЕКТЫ И ПРОГНОЗЫ

Глазьев С. Ю. Управление развитием России и ЕАЭС в формирующейся новой Мир-Системе 173

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Выявление особенностей развития капитализма в будущем в африканских странах и отличие этого развития от будущего капитализма в странах Запада 188

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ

Буровский А. М. Мировой порядок и его будущее. Размышления над книгой А. Л. Гринина 203

Alexander N. Chumakov. An Unmanaged World: A Philosophical Study of Global Dynamics. Leiden; Boston : Brill, 2026 220

ЮБИЛЕИ

Александр Николаевич Чумакову – 75 лет 223

ТЕОРИЯ

УСИЛЕНИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ США И КНР И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ*

Акаев А. А., Мусиева Д. М.**

В работе дана кратчайшая история взаимоотношений Китая и США, которые за 40 лет прошли путь от экономического сотрудничества до глобального противостояния. Проведен анализ современного экономико-технологического и социально-политического состояния данных стран, показавший, что Китай как восходящая держава и США, находящиеся на нисходящей траектории, сегодня являются примерно равновеликими по совокупной мощи. Делается вывод о том, что нынешнее геополитическое противостояние США с Россией и Китаем постепенно завершится установлением на некоторый переходный период (2025–2035 гг.) трехполюсной системы международных отношений с тремя центрами силы в Москве, Пекине и Вашингтоне, которая будет играть ключевую роль в решении глобальных проблем человечества. Затем к ним может присоединиться Индия, образуя четырехполюсный мир. Однако подлинное равноправное и справедливое многополярное мироустройство будет формироваться в рамках БРИКС+. Нынешний коллективный Запад распадается на три-четыре центра силы и в новом многополярном мире будет вынужден адаптироваться к развитию в условиях нового справедливого международного права.

Ключевые слова: технологическое лидерство, торгово-тарифная война, геополитическое противостояние, многополярное мироустройство, устойчивое развитие.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Акаев А. А., Мусиева Д. М. Усиление противостояния США и КНР и его последствия для мирового развития // Век глобализации. 2025. № 4. С. 3–15. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.01.

For citation: Akaev A. A., Musieva J. M. The Growing Confrontation between the USA and China and Its Consequences for Global Development // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 3–15. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.01 (in Russian).

** Акаев Аскар Акаевич – д. т. н., профессор кафедры глобалистики факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН. E-mail: askarakaev@mail.ru.

Askar A. Akaev – Doctor of Engineering Sciences, Professor of the Department of Globalistics of the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences. E-mail: askarakaev@mail.ru.

Мусиева Джамиля Маллаевна – н. с. факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: Musdjam@mail.ru.

Jameelah M. Musieva – Researcher of the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: Musdjam@mail.ru.

THE GROWING CONFRONTATION BETWEEN THE USA AND CHINA AND ITS CONSEQUENCES FOR GLOBAL DEVELOPMENT

The paper provides a brief history of relations between China and the United States, which over 40 years have gone from economic cooperation to global confrontation. An analysis of the current economic, technological and socio-political state of these countries has been conducted, showing that China, as a rising power, and the United States, which are on a downward trajectory, are today approximately equal in total power. It is concluded that the current geopolitical confrontation between the United States and Russia and China will gradually end with the establishment of a tripolar system of international relations with three centers of power in Moscow, Beijing and Washington for a certain transitional period (2025–2035), which will play a key role in solving the global problems of humanity. Then India may join them, forming a four-polar world. However, a truly equal and fair multipolar world order will be formed within the framework of BRICS+. The current collective West is disintegrating into 3–4 centers of power and in the new multipolar world will be forced to adapt to development under the conditions of a new fair international law.

Keywords: *technological leadership, proxy war, trade and tariff war, geopolitical confrontation, multipolar world order, sustainable development.*

История двусторонних отношений Китая и США за последние полвека лаконично отражена в книге [Зуенко 2024: 226]. Стратегия США 1980-х гг., основанная на включении Китая в торгово-экономическое сотрудничество и гуманитарные обмены, преследовала цель трансформации китайского общества по западному образцу и обеспечения проамериканской ориентации его внешней политики. Китай эффективно использовал предоставленные возможности для модернизации своей экономики, но отклонился от следования политике США, что привело к разочарованию американских стратегов. С приходом к власти в КНР председателя Си Цзиньпина и началом курса на реализацию «китайской мечты» о великом возрождении нации [Там же: 43] Китай окончательно обозначил особый путь развития, которого страна будет придерживаться. Тогда, в середине 2010-х гг., и начался разлад между двумя державами, а точкой отсчета «декаплинга», то есть экономического и технологического разрыва, обозначают 2018 г. – начало торговой войны Д. Трампа против Китая, которая окончилась пирровой победой США [Там же: 230].

В свою очередь Китай продолжает проводить суверенную международную политику на основе своих национальных интересов. Ключевым элементом адаптации стала перестройка экономики по модели «двойной циркуляции», нацеленной на стимулирование внутреннего спроса при сохранении высокого уровня экспорта. Одновременно в рамках концепции «сообщества единой судьбы человечества» Китай не отказывается от взаимовыгодного экономического и технологического взаимодействия с США. Следствием является формирование парадоксальной ситуации: при сохранении глубокой экономической взаимозависимости наблюдается прогрессирующее расхождение позиций в геополитической и идеологической сферах экзистенциального характера [Там же: 227]. США воспринимают возвышение Китая как прямую угрозу своему глобальному лидерству,

тогда как Китай видит в действиях США политику несправедливого сдерживания.

Действительно, стратегическая цель США состоит в том, чтобы ограничить развитие Китая в достижении технологического лидерства в ключевых направлениях развития. Сохранив за Китаем статус «фабрики мира» по производству дешевых товаров широкого потребления, как это было в 1990–2010-е гг., не допустить конкуренции с США в области высоких технологий, как это стало происходить в конце 2010-х гг. [Зуенко 2024: 226]. В этой связи Си Цзиньпин впервые поставил задачу достижения Китаем независимости в ключевых высоких технологиях. В 2015 г. правительство КНР приняло стратегию «Сделано в Китае 2025», основной целью которой стало превращение страны в мирового лидера в высокотехнологичных отраслях, таких как биотехнологии, инновационные материалы, робототехника, искусственный интеллект, наночипы, квантовые вычисления и др. Сегодня, когда 2025 г. уже в разгаре, можно говорить о блестящих результатах указанной стратегии: Китай не только догнал развитые страны, включая США, в ряде ключевых направлений он стал уже опережать их. Поэтому торговая война США против Китая теперь дополнилась битвой в области высоких технологий. В совокупности с геополитическим давлением, оказываемым на Китай со стороны США и его союзников, нынешнее состояние китайско-американских отношений можно характеризовать как глобальное противостояние.

В настоящей работе мы проводим анализ текущего баланса сил между США и КНР, а также его изменения в предстоящем десятилетии. Показано, как торговая война США с Китаем повлияет на мировую торговлю и экономику. Будут рассмотрены последствия дальнейшего усиления геополитического давления США и их союзников на Китай для глобальной безопасности.

Современное состояние США и направление их геополитики

Военные интервенции США после распада СССР в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии демонстрировали пренебрежение нормами международного права, обусловленное уверенностью в военном, технологическом и экономическом превосходстве и стремлением к глобальному доминированию. Первым признаком утраты статуса единственной сверхдержавы стал вывод войск из Афганистана в 2021 г., который, однако, спровоцировал еще более агрессивную внешнюю политику. Коллективный Запад в лице США и их союзников оказывает беспрецедентное давление на Россию и Китай, видя в них потенциальных противников, что выразилось в развязанной на Украине прокси-войне против России и постоянных провокациях вокруг Тайваня, в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Успехи России в этом конфликте вынуждают администрацию США искать пути к переговорам во избежание полного разгрома снабжаемых НАТО Вооруженных сил Украины.

Экономическая деградация США проявилась в деиндустриализации: доля материального производства упала с 15 % в 2000 г. до 11 % в 2022 г., тогда как в Японии и Германии она стабильно держится на уровне 20 %, в Китае – около 30 %, а в Южной Корее – 25 % [World Development Indicators 2025]. Перенос транснациональными компаниями производств в развивающиеся страны в погоне за дешевой рабочей силой и сверхприбылями привел к оттоку капитала и техно-

логий, сделав экономику США уязвимой и зависимой от мирового рынка, что ярко показал кризис 2008–2009 гг. Это также усугубило дефицит торгового баланса, бюджета и рост госдолга, который достиг 122,3 % ВВП (34 трлн долларов при ВВП в 27,8 трлн долларов) в 2023 г. против 56 % в 2000 г. и 36 % в 1980 г. [World Development Indicators 2025]. При сохранении этой тенденции к 2028 г. долг может достичь 150 %, что превышает критический уровень в 80 %, поэтому одной из приоритетных задач администрации Д. Трампа является сокращение долга.

К тому же в 2020 г. впервые ясно проявился глубокий раскол в политической системе США – противоборство Республиканской и Демократической партий. В условиях предвыборной компании 2024 г. возрастали риски гражданской войны, что было нивелировано победой Д. Трампа на завершающем этапе. Также нарастают тенденции сепаратизма в политике отдельных штатов, которые проводят самостоятельную политику и все меньше признают первенство федеральной власти. Государственно-политическое единство и могущество США традиционно достигались за счет сильной государственной власти при широких полномочиях полиции для поддержания внутреннего порядка.

Д. Трамп сделал политику высоких импортных пошлин краеугольным камнем своей экономической программы, рассматривая ее как инструмент для реиндустриализации американской экономики, сокращения дефицита бюджета и госдолга, а также снижения внутренних налогов. Для стимулирования реиндустриализации за счет дешевых энергоносителей он пересмотрел энергетическую политику администрации Дж. Байдена, добившись резкого увеличения добычи нефти, газа и угля в США. Одним из первых своих указов Трамп отменил экологические нормы Байдена, выйдя из Парижского климатического соглашения. С 1 февраля 2025 г. были введены 25-процентные пошлины на товары из Канады и Мексики и дополнительные 10 % на китайские товары, в результате чего общие тарифы для Китая достигли почти заградительных 60 %. Эти односторонние действия стали серьезным нарушением правил ВТО и норм торгового сотрудничества, что вызвало резкий протест Пекина с предупреждением о контрмерах. Спустя месяц, 4 марта, дополнительные пошлины на китайские товары были повышены до 20 %, а Трамп публично обвинил Китай в деиндустриализации США и потере высокооплачиваемых рабочих мест. В ответ Китай ввел пошлины в 10–15 % на американский уголь, газ, транспортные средства и сельхозпродукцию, а также ужесточил экспортный контроль над редкоземельными металлами, критически важными для новой индустрии США, тем самым начав полномасштабную торговую войну между двумя сверхдержавами [Кожемякин 2025].

Новая администрация президента США Д. Трампа рассматривает Китай как единственную страну, обладающую всеми необходимыми ресурсами и потенциалом для вызова глобальному доминированию США и западной цивилизации, что обусловило переориентацию ее внимания с украинского конфликта на «сдерживание Китая» с концентрацией всех ресурсов и усилий союзников для этой цели. Окончательная ясность в стратегии наступила после «Диалога Шангри-Ла» в Сингапуре 1 июня 2025 г., где министр обороны США Пит Хэгсет в воинственном тоне заявил, что Китай как держава, стремящаяся к доминированию, опасен для мировой стабильности. Он призвал союзников к укреплению взаимодействия для противодействия его попыткам захвата спорных территорий, включая Тайвань, подчеркнув неизменность обязательств США перед партнерами в Индо-Тихооке-

анском регионе [Скосырев 2025a]. В ответ официальный представитель минобороны КНР Чжан Сяоган в тот же день выразил решительный протест, заявив, что высказывания Хегсета пронизаны гегемонистской логикой, посягают на суверенитет Китая и искажают его политику, указав, что именно США, наращивая военное присутствие и создавая враждебные блоки, являются фактором дестабилизации в АТР. Китай также категорически отклонил проведение аналогий между Тайванем и Украиной, напомнив, что Тайвань является неотъемлемой частью КНР [Его же 2025б].

В последние десятилетия США проводят системную политику сдерживания Китая в Индо-Тихоокеанском регионе и снижения его влияния в Восточной Азии, активно формируя для этого стратегические альянсы. Это прежде всего военно-политический блок AUKUS, созданный США совместно с Австралией и Великобританией, а также JAROKUS – пакт о безопасности между США, Японией и Южной Кореей. Особняком стоит «Четырехсторонний диалог по безопасности» – QUAD, стратегическая платформа, в которой участвуют США, Австралия, Япония и Индия, привлечение которой стало значительным успехом американской дипломатии. При этом, несмотря на активные попытки США привлечь на свою сторону страны АСЕАН, большинство государств этого объединения сохраняют дружественные отношения и чрезвычайно выгодное торгово-экономическое сотрудничество с Китаем.

Знаковым событием стала встреча министров иностранных дел QUAD в день инаугурации Д. Трампа. Участники договорились укреплять взаимодействие в сфере безопасности и подтвердили «решительное неприятие односторонних попыток изменить статус-кво» в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей [Joint... 2025]. Тогда же была запущена подготовка к саммиту глав государств QUAD в Индии. Помимо многосторонних объединений США активно используют и двусторонние союзы. В феврале состоялась встреча Д. Трампа с премьер-министром Японии Сигэру Исибу, по итогам которой принято жесткое антикитайское совместное заявление [United States-Japan... 2025]. Китай обвиняется в дестабилизирующем поведении в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а также в Тайваньском проливе, чему стороны вознамерились противопоставить «стратегию расширенного сдерживания» с применением всего арсенала вооруженных сил, включая ядерные, а также расширение совместного присутствия на архипелаге Рюкю. Как известно, составная часть последнего – острова Сенкаку (Дяоюйдао) – является предметом территориального спора КНР и Японии. Двусторонний союз также сформирован с Филиппинами, которые уже несколько десятков лет превращаются в антикитайский форпост. США имеют доступ к десятку военных баз Филиппин. В 2024 г. на острове Лусон были размещены ударные ракетные системы «Тайфун», способные запускать крылатые ракеты «Томагавк», что ставит под угрозу весь Южный Китай, включая Шанхай и Гуанчжоу. Военные самолеты США и Филиппин совершали провокационные полеты над рифом Хуанцзянь (Скарборо), который Китай считает частью своей территории. Более того, в Филиппинах уже обратились к США с призывом поставить дополнительные установки для запуска ракет средней дальности, а также боевые корабли, истребители и другое вооружение.

Таким образом, США обладают геополитическими рычагами, позволяющими подорвать региональное влияние Китая в АТР, что может привести к прямому столкновению двух великих держав [Atiq *et al.* 2025: 180]. Поводом для столкновения может стать регулярное пребывание американских военных кораблей в акватории островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях под предлогом поддержки союзников и партнеров. Ссылаясь на весомые исторические документы и результаты археологических раскопок, КНР утверждает, что почти все острова должны находиться под его юрисдикцией.

Наиболее опасной точкой потенциального военного столкновения между Китаем и США остается Тайваньский пролив. До недавнего времени ключевым сдерживающим фактором было официальное признание США принципа одного Китая. Однако эта основа была поставлена под сомнение, когда в начале текущего года группой конгрессменов в Палату представителей был внесен проект резолюции [S.Res.633... 2024] с критикой политики одного Китая и призывом возобновить официальные дипломатические отношения с Тайбэем, заключить с ним соглашение о свободной торговле, поддержать вступление Тайваня в ООН и другие международные организации. Действующие власти Тайваня, в свою очередь, полностью поддерживают эту инициативу. Хотя рассмотрение резолюции пока отложено, ее потенциальное принятие будет расценено Китаем как акт, равносильный объявлению войны. Подобный шаг неминуемо спровоцирует самый серьезный кризис в американо-китайских отношениях за все время их существования.

Серьезность подобных опасений обусловлена также тем, что ускорены поставки оружия Тайваню, – в марте текущего года Вашингтоном был подписан контракт на поставку трех комплексов ПВО NASAMS стоимостью 761 млн долларов [Taiwan... 2025]. США сосредоточили до 2/3 корабельного состава ВМС США на тихоокеанском направлении. К имеющимся на базе ВМФ на Гуаме четырём атомным подлодкам добавили новую самую мощную атомную подлодку Minnesota. В феврале в Южно-Китайском море прошли крупные учения ВМС США, Филиппин, Японии и Австралии.

Как видно из всего вышеизложенного, США окружили Китай со всех сторон нацеленными на него стратегическими вооружениями, расположенными на военных базах, находящихся на территориях их азиатских союзников. Единственное безопасное направление для Китая – это северное, где расположена дружественная ему держава – Россия. Таким образом, нет сомнений в том, что политика США в АТР и Южной Азии сосредоточена на подготовке к войне с Китаем.

Китай сегодня

Китай максимально эффективно использовал преимущества глобализации, адаптируя ее под национальные интересы: в 1980–2010 гг. страна стала главным центром размещения производственных мощностей западных ТНК, что позволило привлечь капитал и технологии и превратиться в «фабрику мира». Сегодня Китай обеспечивает около 1/3 глобального производства товаров и услуг, а его доля в мировом ВВП по паритету покупательной способности (ППС), по данным МВФ, выросла с 4 % в 1990 г. до 18,6 % в 2022 г. и продолжает увеличиваться, тогда как доля США за тот же период снизилась с 20 % до 16 % и в ближайшем десятилетии вряд ли улучшится. По номинальному ВВП в 2022 г. Китай (17,45 трлн

долларов) и США (20,89 трлн долларов) практически сравнялись, однако по ППС Китай уже значительно опережает США. Объем промышленного производства Китая по итогам 2023 г. составил 5 трлн долларов, что превышает суммарный показатель стран G7 [China... 2025]. Китай лидирует в ключевых отраслях: телекоммуникациях, автомобилестроении (особенно в производстве электромобилей), высокоскоростных железных дорогах, создании современной инфраструктуры и технологиях безуглеродного энергетического перехода, включая производство аккумуляторов для электроавтомобилей.

Динамика роста подтверждает преимущество: ВВП Китая в 2023–2024 гг. рос на 5–5,4 % против 2,8–2,9 % в США, а промышленность – на 6 % (высокотехнологичный сектор – на 9 %), в то время как в США наблюдался застой [World Economic Outlook 2025].

Китай контролирует 90 % добычи редкоземельных металлов и 80 % сырья для солнечных батарей, но сталкивается с вызовами: экспортно ориентированная модель, которую США и ЕС целенаправленно ограничивают; попадание в «ловушку среднего дохода» (ВВП на душу населения по ППС превысил 22 тыс. долларов в международных долларах 2021 г. [GDP... 2025]); а также слабый рост производительности труда, требующий реформ и развития человеческого капитала.

Для решения этих проблем реализуется стратегия «Двойная циркуляция» с акцентом на внутренний рынок, рост доходов населения, стимулирование потребления и инвестиций в человеческий капитал, а также ставка на технологический прорыв [Kwong 2025: 147]. Ключевой основой развития остается «социализм с китайской спецификой» – сочетание плановой экономики с частным сектором под управлением КПК.

США пытаются сдерживать Китай через ограничение доступа к передовым технологиям, особенно микрочипам (3–7 нм), которые производит только тайваньская TSMC (лицензия США), а оборудование – Нидерланды (ASML) и Япония (Canon, Nikon). Это привело к росту цен на чипы на 25 % и их дефициту для автомобильной промышленности [Vyas 2025: 4; A Sudden... 2025]. Однако Китай уже сейчас способен производить чипы по технологии 13,5 нм, чего достаточно для военных нужд, а в ближайшем будущем планирует освоить и более передовые нормы. Китайские ученые разработали альтернативный метод литографии, который может обеспечить прорыв вплоть до 2 нм и вывести страну в лидеры в области цифровых технологий и ИИ.

Национальная система НИОКР Китая – крупнейшая в мире: в ней занято 1,8 млн ученых и инженеров (против 1,6 млн в США), а объем финансирования в 2022 г. составил 456 млрд долларов (у США – 650 млрд). Ключевым преимуществом стала планомерная подготовка кадров в сфере STEM (естественные науки, технологии, инженерия, математика): ежегодно выпускается свыше 5 млн специалистов – больше, чем во всех странах G7, вместе взятых [Chinese... 2025]. Это создало большую когорту высококвалифицированных специалистов, обеспечивающих эффективность НИОКР, генерацию инноваций и модернизацию производства для высокотехнологичного развития экономики [Malta-Kira *et al.* 2025].

По данным Австралийского института стратегической политики (ASPI), Китай лидирует в 44 критических технологиях в сфере обороны, космоса, энергетики, биотехнологий, робототехники, умных материалов и ИИ [ASPI's... 2025].

Ученые Китайской академии наук лидируют в 84 % этих направлений, что не оставляет сомнений в становлении КНР полномасштабным технологическим лидером мира к 2030 г. Китай с каждым годом увеличивает расходы на замену технологий западного производства на отечественные альтернативы. Только в 2022 г. он потратил свыше 190 млрд долларов на замену иностранного оборудования и программного обеспечения, что на 16 % превышает аналогичные затраты в 2021 г. Сегодня Китай, как никакая другая держава в истории человечества, близок к достижению технологического суверенитета. Хотя США наращивают инвестиции в НИОКР для возвращения лидерства, эксперты отмечают, что фрагментация инноваций и создание параллельных экосистем ведет к дублированию усилий и снижению эффективности, и в этой конкуренции пока побеждает Китай [Vyas 2025]. На Третьем пленуме ЦК КПК (июль 2024 г.) утверждены реформы для создания «высокоуровневой социалистической рыночной экономики к 2035 году» и модернизации управления [Цзун Хэ 2024: 7].

В ответ на геополитическое сдерживание Китай наращивает военно-технический потенциал, включая ядерные силы, ракетные войска и ВМФ, планируя к 2027 г. создать силы «глобального уровня». Таким образом, несмотря на то что в данном противоборстве пока отсутствует очевидный победитель, Китай находится на траектории устойчивого подъема, тогда как США – на нисходящей траектории, при этом разрыв будет только увеличиваться.

Мировая торгово-тарифная война, инициированная президентом США Д. Трампом, и ее последствия

3 апреля 2025 г. президент США Д. Трамп объявил о введении повышающих тарифов (от 10 до 50 %) на товары из 185 стран, мотивируя это борьбой с торговым дефицитом, что положило начало глобальной торговой войне. Немедленными последствиями стали обвал мировых фондовых рынков, включая американские, падение цен на нефть на 25 % и паника среди потребителей и бизнеса США из-за ожиданий роста цен и дефицита товаров, что вынудило Всемирный банк снизить прогноз роста ВВП США с 2,3 % до 1,4 % [World Development Report 2025].

Эскалация торгового противостояния США и КНР привела к запретительным тарифам – более 100 % (125 % со стороны США и 104 % со стороны КНР), что было отмечено в ВТО. Эксперты сразу привели мрачные оценки последствий фактической остановки 80 % поставок китайских товаров, весьма востребованных на американском рынке, а также невозможность заместить их в приемлемое время и в сопоставимом объеме. Это вынудило Д. Трампа объявить 90-дневную паузу в торговом противостоянии в отношении 75 стран для поиска альтернативных источников товаров. За семь лет с начала первой торговой войны китайские компании существенно диверсифицировали цепочки поставок, снизив долю США в экспорте с 19 % (2017 г.) до 15 % (2025 г.), что позволит смягчить последствия новых пошлин – прогнозируемое снижение темпов роста составит менее 1 %.

Стремление США ослабить Китай более всего отразилось на развивающихся странах, экономики которых могли войти в рецессию, а ВБ и МВФ прогнозировали значительное замедление роста мировой торговли и экономики в целом. США требуют от 70 стран запретить китайским компаниям базироваться на их террито-

риях и поставлять через них товары, а также перестать «поглощать дешевые промтовары из Китая» в обмен на снижение пошлин, заявил министр финансов США Скотт Бессент [Городецкая 2025]. Таким образом, для многих стран новые тарифы США являются не долгосрочным решением, а, скорее всего, агрессивным требованием уступок в рамках будущих переговоров.

Несмотря на попытки избежать эскалации, Китай был вынужден дать асимметричный ответ, заняв твердую и принципиальную позицию и выразив готовность к переговорам исключительно на условиях равноправия и взаимного уважения. Были активизированы дипломатические усилия по формированию единой коалиции против протекционистской политики США с призывом сплотиться для построения «сообщества единой судьбы человечества» с долгосрочной целью создания стабильной и инклюзивной системы международной торговли, альтернативной американской гегемонии, в рамках таких форматов, как ШОС и БРИКС.

США критически зависят от китайских поставок стратегических материалов: редкоземельных металлов (более 50 %), постоянных магнитов (более 75 %) и лития, без которых невозможна работа оборонных систем. Эта зависимость вынудила их уже 23 апреля 2025 г. заявить о возможном снижении тарифов и начать поиск компромисса. Действительно, острая зависимость американской промышленности и строительной отрасли от китайских поставок критически важных минералов, большинства комплектующих элементов и специального оборудования заставила пойти США на попятную, что эксперты характеризуют как «коопетицию»¹ [Malta-Kira 2025].

Так, по инициативе США в Женеве 10–11 мая 2025 г. состоялись официальные переговоры, на которых Китай согласился на деэскалацию при условии равноправного диалога. Стороны договорились о временном снижении тарифов: США – со 145 % до 30 %, Китай – со 125 % до 10 % на 90 дней для выработки механизмов урегулирования [Сергеев 2025]. Этот шаг подтвердил, что даже в условиях острого противостояния обе стороны вынуждены учитывать стратегическую взаимозависимость.

Несмотря на то что китайская сторона строго придерживалась положений женеvских договоренностей, США ввели дополнительные дискриминационные ограничительные меры в отношении Китая, что серьезно подорвало достигнутый консенсус. Эти меры включали в себя чувствительный для КНР контроль за экспортом наночипов для искусственного интеллекта (ИИ) и прекращение продаж в КНР программного обеспечения (ПО) для проектирования наночипов, а также отзыв виз у китайских студентов американских университетов, обучающихся в этой сфере. В ответ Китай ужесточил контроль за экспортом редкоземельных металлов (РЗМ) и лития, а также постоянных магнитов, что оказало значительное воздействие на оборонно-промышленный комплекс США, вызвав рост цен на 40 % [Pfister 2025].

Эта ситуация вынудила администрацию Д. Трампа вновь инициировать диалог с китайским руководством. Личная инициатива американского президента выразилась в телефонном разговоре с Си Цзиньпином 5 июня 2025 г., который создал позитивный импульс для нормализации отношений. В ходе переговоров

¹ Слияние двух английских слов *cooperation* (сотрудничество) и *competition* (конкуренция).

была достигнута договоренность о смягчении экспортных ограничений со стороны Китая в обмен на исключение из тарифных ограничений критически важных для КНР товаров, включая авиационные двигатели и комплектующие. Одновременно китайская сторона подчеркнула необходимость отмены ограничительных мер и соблюдения осторожности в тайваньском вопросе [Токарева 2025].

Последующие переговоры на высоком уровне в Лондоне 9–10 июня позволили сторонам согласовать рамочные основы для дальнейшего диалога [Скосырев 2025a]. Ключевым приоритетом США оставалось снятие экспортных ограничений на стратегические материалы, что подчеркивает глубокую зависимость американской промышленности от китайских поставок.

В ходе всего торгового противоборства следует отметить, что китайская экономика продемонстрировала заметную устойчивость. Как отметил премьер Госсовета КНР Ли Цян в Джакарте 25 мая 2025 г., правительство проводит эффективную антициклическую политику, сочетающую активную фискальную и умеренно либеральную денежно-кредитную политику [Ли Цян 2025].

Успех Китая в преодолении торговых вызовов обусловлен также последовательной многосторонней политикой, включая развитие инициативы «Один пояс – один путь», которая позволяет диверсифицировать экономические связи со странами Евразии, Африки и Латинской Америки. Несмотря на отдельные сложности, такие как выход Панамы из проекта под давлением США, китайские компании продолжают успешно интегрироваться в глобальные экономические процессы, демонстрируя адаптивность и соблюдение социальных обязательств в странах-партнерах.

На сегодняшний день товарооборот между странами достиг рекордных 760 млрд долларов. Однако стороны, будучи тесно связанными в экономическом плане, в геополитическом и идеологическом аспектах расходятся все дальше, причем для обеих стран это расхождение имеет экзистенциальный характер [Зуенко 2024: 228].

Заключение

Активизация политики США по защите своей гегемонии за счет ослабления таких конкурентов, как Китай и Россия, носит весьма агрессивный и рискованный характер. Американские стратеги предполагали, что возможный конфликт с Китаем развернется в акватории Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей с целью блокирования важных морских коммуникаций Китая. Однако наличие дружественной России на севере гарантировало бы Китаю энергетическую и продовольственную безопасность, а также военную поддержку, что делало такой сценарий проигрышным для США. Поэтому США и их европейские союзники по НАТО навязали прокси-войну России на Украине, предварительно вооружив украинскую армию передовым натовским оружием. Целью было военное поражение России, дестабилизация общества и смена власти на прозападную. Однако российская армия и ВПК доказали свою эффективность, что привело к истощению запасов вооружения в странах НАТО.

Новая администрация Д. Трампа, признав неудачу этого сценария, предприняла шаги для выхода из конфликта. При этом США не против продолжения войны силами европейских союзников по НАТО, хотя и опасается эскалации до прямого конфликта с Россией, несущего риск применения ядерного оружия, где Рос-

сийская Федерация имеет превосходство. Это заставляет Трампа занимать более примирительную позицию в отношении России.

В то же время в отношении КНР в контексте лозунга «Сделаем Америку снова великой» начался новый этап борьбы за звание единственной модернизационной сверхдержавы. Очевидно, что США стараются извлечь максимальную выгоду из своего нынешнего положения «лидера свободного мира» и лучше подготовиться к возможному столкновению с Китаем в индо-тихоокеанском театре военных действий. Однако, несмотря на агрессивную риторику, Д. Трамп вряд ли пойдет на эскалацию холодной войны до горячей фазы, учитывая, что Китай превратился в равную по мощи сверхдержаву. Поражение США в таком конфликте окончательно подорвало бы миф об американском глобальном доминировании и символизировало бы возвышение Востока над Западом. В этой связи китайская сторона сравнивает сложившуюся ситуацию с «ловушкой Фукидида», имея в виду соперничество между древними Афинами и Спартой, приведшее к затяжной войне между ними, которое резко ослабило оба государства. Китайская сторона считает, что США и КНР должны найти формулу мирного сосуществования двух цивилизаций, избегая взаимного ослабления в конфронтации.

Сложившийся баланс сил на мировой арене указывает на формирование переходной трехполюсной системы с центрами влияния в России, КНР и США, которая будет определять решение глобальных проблем в период 2025–2035 гг. Китай стремится реформировать глобальный порядок, чтобы закрепить за собой статус ведущей сверхдержавы. Россия поддерживает создание многополярной системы международных отношений, основанной на суверенном равенстве. В современных условиях Москве, Пекину и Вашингтону выгоднее мирное сосуществование, поскольку глобальный конфликт с высокой вероятностью приведет к ядерной катастрофе без победителей. В новой внешнеполитической концепции РФ подчеркивается необходимость углубления стратегического партнерства с Китаем и Индией, при этом США впервые обозначены как основной проводник антироссийской политики [Концепция... 2023]. В перспективе к этому полюсу может присоединиться Индия, что ознаменует переход к четырехполюсной архитектуре мирового порядка.

Почти 20 лет назад Россия, Китай, Индия и Бразилия создали межцивилизационное объединение БРИК, которое после включения ЮАР трансформировалось в БРИКС. Изначально эта организация задумывалась как центр формирования нового многополярного миропорядка под эгидой ООН. Сегодня БРИКС+ стал полноценной платформой для создания справедливой системы глобального управления [Акаев, Мусиева 2025: 55]. Как глобальное геополитическое объединение БРИКС предлагает развивающимся странам три ключевых преимущества: во-первых, доступ к крупным растущим рынкам стран-участниц; во-вторых, возможность торговли в национальных валютах, что особенно важно в условиях использования доллара и евро в качестве инструментов давления; в-третьих, справедливые условия торговли без санкций и ограничений.

Указанные преимущества превращают БРИКС+ в мощный геополитический магнит, привлекающий развивающиеся страны Глобального Юга, пострадавшие от торговых войн Д. Трампа. Это объясняет взрывной рост числа государств, стремящихся присоединиться к объединению. Именно в рамках БРИКС+ теперь формируются подлинно справедливые глобализационные процессы. Большинство

стран мира сегодня поддерживают Россию и Китай, против которых направлена политика сдерживания США и их союзников, руководствуясь при этом собственными национальными интересами. К 2040-м гг. у России, Китая, Индии и Бразилии есть реальный шанс сформировать новое справедливое многополярное мироустройство, обеспечивающее устойчивое развитие человечества. Таким образом, БРИКС+ станет основной консолидирующей силой мирового большинства, способной эффективно противостоять дестабилизирующим вызовам. Коллективный Запад в новых условиях распадется на несколько центров силы и будет вынужден адаптироваться к реалиям нового международного права.

Литература

Акаев А. А., Мусиева Дж. М. БРИКС – платформенная модель для ускоренного формирования нового равноправного мироустройства и справедливой глобальной системы управления // Век глобализации. 2025. № 1(52). С. 50–62.

Городецкая В. Министр финансов США пообещал Европе «перерезанное горло» за торговлю с Китаем [Электронный ресурс] : ЦентрАзия. 2025. 10 апреля. URL: <http://centrasia.org/newsA.php?st=1744238460> (дата обращения: 24.06.2025).

Зуенко И. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М. : АСТ, 2024.

Жожемякин С. Внешняя политика Трампа: агрессия начинается с Китая [Электронный ресурс] : ЦентрАзия. 2025. 8 марта. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1741439400> (дата обращения: 24.06.2025).

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 26.06.2025).

Ли Цян. Китай полностью готов к внешним потрясениям [Электронный ресурс]: Синьхуа Новости. 2025. 26 мая. URL: <https://russian.news.cn/20250526/f0accac84c7419c86d628fb6d6559f5/c.html> (дата обращения: 24.06.2025).

Сергеев М. Мировой торговый конфликт затухает [Электронный ресурс] : Независимая газета. 2025. 11 мая. URL: https://www.ng.ru/week/2025-05-11/7_9249_week2.html (дата обращения: 24.06.2025).

Скосырев В. Китай требует, чтобы США его уважали [Электронный ресурс] : Независимая газета. 2025а. 9 июня. URL: https://www.ng.ru/world/2025-06-08/1_9269_london.html (дата обращения: 24.06.2025).

Скосырев В. Пекин возмущен сравнением Тайваня с Украиной. Глава Пентагона заявил о готовности США и союзников противостоять Китаю [Электронный ресурс] : Независимая газета. 2025б. 1 июня. URL: https://www.ng.ru/world/2025-06-01/1_9264_pentagon.html (дата обращения: 24.06.2025).

Токарева А. О чем говорили по телефону Дональд Трамп и Си Цзиньпин. Главное [Электронный ресурс] : Коммерсант. 2025. 5 июня (дата обращения: 26.06.2025).

Цзун Хэ. Вливание мощной движущей силы в продвижение китайской модернизации // Китай. 2024. № 7–8. С. 6–9.

A Sudden Decoupling as China Pushes Back [Электронный ресурс] : Hinrich Foundation. 2025. URL: <https://www.hinrichfoundation.com/research/what-we-are-reading/a-sudden-decoupling-as-china-pushes-back/> (дата обращения: 24.06.2025).

ASPI's Critical Technology Tracker – AUKUS Updates. 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aspi.org.au/report/critical-technologytracker> (дата обращения: 26.05.2025).

Atiq A., Zafar H., Mustafa G. Analyzing the Evolution of China-Taiwan Relations: US as a Factor // *Pakistan Social Sciences Review*. 2025. Vol. 9. No. 1. Pp. 172–181.

China is the World's Manufacturing Superpower [Электронный ресурс] : Statista. 2025. URL: <https://www.statista.com/chart/20858/top-10-countries-by-share-of-global-manufacturing-output/> (дата обращения: 26.06.2025).

Chinese Education and the Plan for Technology Dominance [Электронный ресурс] : King's College London. 2025. URL: <https://www.kcl.ac.uk/news/chinese-education-and-the-plan-for-technology-dominance> (дата обращения: 24.06.2025).

GDP per capita, PPP (Constant 2021 International \$) – China [Электронный ресурс] : World Bank. 2025. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?locations=CN> (дата обращения: 24.06.2025).

Joint Statement by the Quad Foreign Ministers [Электронный ресурс] : Minister for Foreign Affairs. 2025. URL: https://www.foreignminister.gov.au/minister/penny-wong/media-release/joint-statement-quad-foreign-ministers?_gl=1*dtkr58*_ga*OTA5NDA5NDI1LjE3NTA3NjQxMjg.*_ga_8Z18QMQG8V*cZE3NTA3NjQxMjckbzEkZzAkdDE3NTA3NjQxODIkaJUkbDAkaDA (дата обращения: 24.06.2025).

Kwong C. C. L. China's 14th Five Year Plan: Unsolved Issues and Possible Way Out // *The Chinese Economy*. 2025. Vol. 58. No. 2. Pp. 144–158.

Malta-Kira T., Fu X., Shi L. The Internationalization of Science Parks in China from a Realist International Relations Perspective // *Science and Public Policy*. 2025. P. scae090.

Pfister A.-K. US-China Trade Framework Agreed and Other International Trade Stories to Know This Month [Электронный ресурс] : World Economic Forum. 2025. URL: <https://www.weforum.org/stories/2025/06/us-china-deal-and-other-international-trade-stories-to-know-this-month/> (дата обращения: 24.06.2025).

S.Res.633 – A Resolution Reaffirming the United States' Commitment to Taiwan and Recognizing the 45th Anniversary of the Enactment of the Taiwan Relations Act [Электронный ресурс] : US Congress. 2024. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-resolution/633/text> (дата обращения: 24.06.2025).

Taiwan Signs US\$761 Million Deal for US NASAMS Defence Package [Электронный ресурс] : South China Morning Post. 2025. April 16. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3298261/taiwan-signs-us761-million-deal-us-nasams-defence-package> (дата обращения: 24.06.2025).

United States-Japan Joint Leaders' Statement [Электронный ресурс] : White House. 2025. February 7. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/2025/02/united-states-japan-joint-leaders-statement/> (дата обращения: 24.06.2025).

Vyas A. US-China Economic Standoff in 2025: Decoupling, Disruption, and Global Macroeconomic Spillovers // *Disruption, and Global Macroeconomic Spillovers*. 2025. April 17.

World Development Indicators [Электронный ресурс] : World Bank. 2025. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=N.V.IND.MANF.ZS&country=#> (дата обращения: 24.06.2025).

World Development Report 2025: Standards for Development [Электронный ресурс] : World Bank. 2025. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2025> (дата обращения: 24.06.2025).

World Economic Outlook. A Critical Juncture amid Policy Shifts. 2025. April [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/04/22/world-economic-outlook-april-2025> (дата обращения: 24.06.2025).

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА В ЕВРАЗИЙСКОМ ДИСКУРСЕ. ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОСПРИЯТИИ МОНГОЛОВ*

Антонов В. И.**

В статье исследуются значение и роль категории пространства в евразийском дискурсе. Это базируется на соответствующем рассмотрении и определении социокультурного пространства. Оно зарождается и генерируется в деятельности человека в качестве социокультурного субъекта, характеризующегося как активное и созидательное порождение общества и культуры. В неразрывной и естественной связи с социокультурным пространством автором анализируется геополитическое пространство, по-особому актуализированное в современных глобализационных процессах. На основе их последовательного рассмотрения раскрываются содержательно-смысловое единство и многообразие указанных двух понятий, сфокусированных в евразийском контексте, где выделена особая роль и миссия России в успешном противостоянии современному евроатлантическому глобализму, причем как агрессивному европоцентризму, так и неоглобализму воинствующего панамериканизма. В связи с этим также обосновывается категоризация пространства в аспекте традиционной культуры монгольских этносов, представляющей важный этнокультурный пласт в евразийском мире. Это автором дается в ракурсе двуединого измерения: космизм пространства как высшая духовная субстанция и освоенное пространство как экзистенциально-функциональная основа жизнедеятельности монголов.

Ключевые слова: пространство, глобализация, евразийский мир, Россия, социокультурное пространство, геополитическое пространство, монгольский этнос.

THE CATEGORY OF SPACE IN EURASIAN DISCOURSE. PECULIARITIES OF ITS IDENTIFICATION IN THE TRADITIONAL WORLDVIEW OF THE MONGOLS

The article explores the meaning and role of the category of space in Eurasian discourse. This is based on an appropriate consideration and definition of the so-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-03004, <https://rscf.ru/project/24-48-03-004>.

Для цитирования: Антонов В. И. Категория пространства в евразийском дискурсе. Особенности ее идентификации в традиционном мировосприятии монголов // Век глобализации. 2025. № 4. С. 16–28. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.02.

For citation: Antonov V. I. The Category of Space in Eurasian Discourse. Peculiarities of Its Identification in the Traditional Worldview of the Mongols // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 16–28. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.02 (in Russian).

** Антонов Владимир Иосифович – д. ф. н., проф., в. н. с. Южного научного центра РАН. E-mail: wlanto50@mail.ru.

Vladimir I. Antonov – Dr. Phil., Professor, Leading Researcher at the Southern Scientific Center of the RAS. E-mail: wlanto50@mail.ru.

cio-cultural space. It originates and is generated in human activity as a socio-cultural subject, characterized as an active and creative product of society and culture. In an inseparable and natural connection with the socio-cultural space, the author analyzes the geopolitical space, which is especially actualized in modern globalization processes. Based on their consistent consideration, the author reveals the meaningful unity and diversity of these two concepts, focused in the Eurasian context, which highlights Russia's special role and mission in successfully countering modern Euro-Atlantic globalism, both aggressive Eurocentrism and the neo-globalism of militant pan-Americanism. In this regard, the categorization of space in the aspect of the traditional culture of the Mongolian ethnic groups, which represents an important ethnocultural stratum in the Eurasian world, is also justified. This is given by the author from the perspective of two dimensions: the cosmism of space as the highest spiritual substance and the mastered space as the existential and functional basis of the Mongols' life activity.

Keywords: *space, globalization, Eurasian world, Russia, socio-cultural, geopolitical space, Mongolian ethnic group.*

Категоризация пространства в философии как одного из важнейших, обретших в ее рамках статус всеобщности, понятий, безусловно, не подлежит никакому сомнению. Это понятие, так или иначе, каждый раз выдвигаясь, утверждаясь, актуализируясь в истории философии в различных воззрениях, концепциях, школах на протяжении многих веков, давным-давно состоялось и устоялось в ней на категориальном уровне.

В историческом плане на эволюцию понимания пространства как фундаментального понятия, то есть как категории, наибольшее влияние, безусловно, оказывали собственно европейские начиная с античных времен, или же европоцентристски ориентированные философские и культурные традиции. Это вполне очевидно, например, если обратиться к средневековой арабо-мусульманской философии. «Арабоязычные перипатетики против атомизма мутакаллимов выдвигают аристотелевскую континуалистскую теорию пространства. Они считают, что пространство потенциально делимо до бесконечности, но актуально деление всегда имеет предел. Тело понимается как имеющее три измерения, существование объектов в меньших измерениях не признается» [Смирнов 2010: 373].

В дальнейшем развитии понимания пространства доминирующее значение и роль в большей степени обретает, что вполне понятно, позитивистское и сциентистское мировоззрение. В последнем как раз все процессы (включая пространственно-временные) в мире рассматриваются в приоритетном фокусе науки вообще и естественных наук в особенности [Никулин 2010].

Социокультурное пространство

Оно выступает особым, во многом иным уровнем осмысления и утверждения категории пространства. На этом уровне возникает и исторически развивается такой тип пространственных отношений, в котором воспроизводится и активизируется деятельность человека, взятого не только как конкретный индивидуум, но и как этническая, социальная группа, нация, народ, общество и государство и, следовательно, идентифицируемого с целостным социокультурным субъектом. Поэтому социокультурное пространство, вписанное в пространственные структуры

биосферы и космоса, всегда наделено тем или иным человеческим смыслом. В то же время, если рассмотреть его с другой стороны, то оно вполне может определяться как своеобразный пространственный микроаналог (микромодель) Вселенной, космического пространства.

Такое понимание социокультурного пространства в целом как раз характерно, более того, актуализировано в масштабах всего евразийского (внутренне многообразного, разноликого) мира, придающих ему, несомненно, глобальный характер. В указанном мире становым хребтом, объединяющей, синтезирующей основой выступает Россия, российская цивилизация. Это – цивилизация, которая стыкует Запад и Восток, Европу и Азию. Это – Евразия, или Азиопа, в зависимости от того, с какой стороны ее созерцать. Россия является уникальной цивилизацией. Ее можно рассматривать и как «межцивилизационную цивилизацию». В этом отношении вполне оправданной и обоснованной представляется развернутая характеристика России-Евразии как целостной системы [Горяев 2003].

В то же время весь евразийский мир пространственно, разумеется, далеко выходит за пределы России-Евразии. Он, как известно, простирается от Британских островов на Западе до Японских на Востоке. При этом, что естественно, пространство, идентифицируемое в социокультурной реальности евразийского человека, может быть функционально разграниченным на соответствующий ряд подпространств (локализованных структур), имеющих, тем не менее, глобальный характер.

В данном контексте можно привести один характерный пример, где в качестве основополагающего символа социокультурного пространства закодирована идея центра, императора, иерархизированного правления. Имеются в виду два важнейших памятника из другого (дальневосточного) пласта культуры евразийского мира – японского. Речь идет о норито, ритуально-молитвенных текстах в их позднейшей записи; о сэмме, собраниях указов VII–X вв. [Норито... 1991]. Объединяющая эти памятники особенность состоит как раз в том, что в них задано такое понимание социокосмического пространства, где идентифицируемая в нем вертикальная ось построена на сквозной сакральной идее – идее императора, правителя, непосредственно связанного с богом.

«Кстати, социокосмическое пространство, отображенное в норито и сэмме, весьма неоднородно, отличается крайней “разноуплотненностью”. Особой точкой пространства, где оно наиболее “спрессовано”, является скрещение дорог, перекрестие путей с вертикальными проходами между двумя мирами. В этом “средоточии” символизируется как нечто возвышенно-сакральное сама обитель императора, пронизывающая буквально все уровни вертикальной оси пространства от “корней подземных скал” до “Равнины Высокого Неба”» [Антонов 1992: 8–9].

Естественно, что рождение норито и сэмме в лоне японской культуры, представлявшей тогда важный пласт в едином культурно-цивилизационном развитии Восточной Азии, никак не могло обойтись без мощного влияния континентального Китая. Поэтому «построение социокультурного пространства с четко выраженной ориентацией на китайскую модель Поднебесной с правителем в ее центре характерно для норито и сэмме такого периода японского общества как “Асука-Нара” (VII–VIII вв.). Император олицетворяет собой “сердце” исторического процесса: все “кровотоки” исходят от него. В то же время он как сакральный символ

всегда должен быть за его пределами. Тем не менее любой поворот в социокультурных процессах (во времени и пространстве) задается самим императором, ибо только он – живой потомок богов, единственный, кто распоряжается божественными указами, кто получает божественные блага и распределяет их» [Антонов 1993: 29]. Кстати, здесь вполне резонным представляется проведение (разумеется, не без учета конкретной специфики) некоторой параллели с историческими формами централизованного (персонифицированного, монархического) правления в России: царь, император. При этом последнее, то есть централизованная (персонифицированная) форма управления российским государством, с соответствующими метаморфозами и модификациями своего времени также сохраняется в советском и постсоветском пространстве: генеральный секретарь ЦК КПСС, президент [Его же 2008].

Однако сказанное выше совершенно не означает, что идея центра, централизованного правления, имевшая глобальную историческую (прежде всего функционально-смысловую) общность в многообразном евразийском мире и реализованная в самых различных формах и модификациях, якобы должна в обязательном порядке представляться или же трансформироваться в некий «культ единого и непререкаемого центра» в мировом пространстве. Такого рода культ, так или иначе диктовавшийся на протяжении прошедших трех десятилетий западным (евроатлантическим) сообществом во главе с одним-единственным центром в Вашингтоне всему остальному миру и в первую очередь таким гигантам в евразийском пространстве, как Россия и Китай, все более показывает свою неприемлемость в современных условиях. Нынешнее развитие Евразии реально подтверждает бесперспективность и конечную несостоятельность глобалистского моноцентризма, навязываемого вплоть до последнего времени из Запада. Это развитие убедительно демонстрирует в противовес ему, моноцентризму в целом, и его моноцентрическим порождениям – Евросоюзу, НАТО – полицентрический характер эволюции евразийского мира в лице ЕАЭС, ШОС, БРИКС+, в деятельности которых первостепенную основу как раз составляют императивные идеи взаимного уважения, равноправия, признания самостоятельности и независимости стран-участниц, непреложные принципы, предусматривающие их национальную идентичность.

И вообще необходимо подчеркнуть как важную позитивную тенденцию: последовательное сокрушение мирового доминирования евроатлантизма, включая резко наметившуюся ныне и открыто демонстрируемую в крайне воинственной форме американоцентричную модель развития, благодаря утверждению полицентризма в евразийском мире неминуемо будет способствовать элиминации диктата западного единообразия и унификации, культа чрезмерной стандартизации и вестернизации всего и вся. Это, несомненно, обуславливает необходимость полноценного возрождения цивилизационно-культурного многообразия не только в евразийском, но и во всем мировом пространстве. А это невозможно без кровной защиты и сохранения традиционных (духовно-исторических, религиозных, национально-культурных, родовых, семейных и др.) ценностей. Ведь их непреходящее значение проверено, подтверждено временем, то есть на протяжении многих веков.

Идеи полицентризма можно подтвердить даже в том случае, если обратиться к пространственной архитектонике различных городов евразийского мира в исто-

рическом аспекте: она всегда развивалась под заметным воздействием соответствующей (исторически конкретной) социокультурной среды. Каждая из них по своей пространственной композиции несет на себе печать своего времени, отражая особенности производственной жизни и быта жителей этих городов, специфику их социокультурных связей, включая непосредственное влияние уникальных этнических и национальных традиций, на тех или иных этапах истории общества.

Поэтому многие философские, включая мифологические, представления о пространстве с самого начала своего зарождения и формирования в той или иной мере отличались полицентричностью его видений и толкований. Ведь каждая цивилизация, каждое общество, культура, каждый народ и этнос в евразийском мире в соответствии с природно-климатическими условиями, типом хозяйствования, укладом жизни, традициями закладывали свое понимание и видение в представление о пространстве. Причем наглядно откликались в практическом плане, вносили с их учетом свои коррективы, характерные им черты и особенности в пространственное построение мира.

Геополитическое пространство

Евразийский мир следует рассматривать не только как целостное социокультурное (внутренне многообразное) пространство. Это, безусловно, является глобальной пространственной структурой, где в современных условиях весьма значительной стала роль такого фактора, как геополитический. Здесь по существу речь идет о геополитическом пространстве.

«В качестве предпосылки оно, – отмечает Г. Ю. Семигин, – определяет территориальные размеры и границы политической системы, характеризует влияние эколого-географических условий на организацию политической жизни, на степень управляемости ею со стороны исполнительной власти, на механизм связи центра с властью на местах и др.» [Семигин 2010: 374].

Евразийский мир как единое геополитическое пространство (в то же время весьма многоликое, многомерное, нередко неоднозначное и противоречивое с точки зрения его внутреннего структурирования, на уровне конкретных его локаций) – это достаточно динамичное образование. При этом оно непременно предполагает исходную «равновесность» по своей значимости двух основополагающих, имеющих глобальный характер структурных компонентов (всегда глубоко взаимодействующих и взаимопроникающих) – социальной и природной составляющих. По мнению Н. А. Комлевой, «геополитическое пространство формируется на индустриальной стадии существования цивилизации как совокупности взаимодействий наций-государств с природными и неприродными объектами системного характера в борьбе за ресурс выживания и развития» [Комлева 2014: 8].

В условиях современности евразийское пространство превратилось в развитое коммуникационное сообщество множества стран, входящих в него. Это становится возможным благодаря мощному росту экономики, бурному технологическому развитию, высоким достижениям науки и техники на континенте. Евразийское геополитическое пространство, безусловно, выражается в конкретных формах (моделях) существования. Эти формы ныне определяются границами распростра-

нения военно-политической, экономической и технологической мощи, территориально-географических возможностей, а также степенью социального, природно-ресурсного, экологического, политико-дипломатического, духовно-культурного и языкового влияния государств или союза государств, которые входят в данное пространство.

В современном развитии евразийского мира особая геополитическая роль и миссия, вне сомнения, принадлежит России. Она заслужила этого по праву, самой историей, самим фактом существования, самим нынешним состоянием и местом в нем. И эти роль и миссия успешно подкрепляются глубоко обоснованным тактическим и стратегическим геополитическим курсом, проводимым страной за прошедшую четверть века. Ее геополитика зиждется на торжестве разума, здравомыслия, такта и выдержки, на трезвых, всесторонне продуманных и взвешенных подходах к решению назревших вопросов, на системном и перспективном видении глобальных проблем, на взаимном доверии и уважении, на строгом учете, балансе и защите национальных интересов, на признании национальных идентичностей и соблюдении национальных суверенитетов. Основанная на открытом и сбалансированном курсе (международном, экономическом, технологическом, военно-политическом), суверенная и субъектная геополитика России, а также Китая в нынешних условиях делает вполне действенным их противостояние глобализму западного образца с его всевозможными (многотысячными) санкциями (прежде всего – против РФ).

Следует, однако, сказать, что начавшийся явный раскол евроатлантизма на старый, но по-прежнему агрессивный европоцентризм и новый наступательный панамериканизм неоглобалистского толка вовсе не предполагает назревания какого-то заката глобализма как такового. Ведь глобализация в современном высокотехнологичном мировом сообществе – явление вполне естественное, закономерное и всегда актуальное. Причем необходимо подчеркнуть, что всестороннему, глубоко обоснованному научному исследованию данного феномена как одной из фундаментальных проблем XXI в. посвящены многочисленные труды российских ученых. И это прежде всего относится к фундаментальным работам А. Н. Чумакова, в том числе к его известной трилогии [Чумаков 2017; 2018; 2022].

И здесь речь нами ведется, необходимо еще раз подчеркнуть, в строго определенном функционально-смысловом русле: глобализационные процессы в современном мире принципиально несводимы к одному-единственному основанию, исходящему из диктата их западного (европоцентристского и панамериканского) понимания и толкования. Напротив, эти процессы отнюдь не должны исключать полицентрического (многополярного, мультилатерального) характера развития в евразийском и в целом мировом геополитическом пространстве. Опыт последних десятилетий в этом направлении, завоеванный Россией, Китаем, Индией и другими странами евразийского мира, убедительно и наглядно доказывает вышесказанное.

Однако в данном контексте вызывают недоумение, более того, серьезное возмущение рассуждения и выводы относительно геополитического пространства в современном мире упомянутого нами Г. Ю. Семигина, который пишет: «Так, одной из предпосылок победы демократии в Западной Европе была пространственная открытость границ европейских государств. В качестве цели политиче-

ской жизни политическое пространство предстает как важный фактор “геополитики”, которая долгое время осуществлялась под имперскими лозунгами и принимала военные формы. Так, геополитика царской России осуществлялась как военная экспансия и колонизация других народов». В то же время, в противовес сказанному относительно прошлого России, он утверждает: «Величие государства заключается не в увеличении размеров своей территории силовыми методами, а в расширении демократического политического пространства с помощью повышения уровня и качества жизни...» [Семигин 2010: 374]. При этом автором констатируется факт формирования на стыке двух тысячелетий некоего мирового геополитического пространства, становления даже мирового содружества, что на самом деле очень мало соответствовало объективным реалиям того времени.

В действительности же в тот период имел место факт тотального утверждения и господства американско-западноевропейского моноцентризма в мировом геополитическом пространстве. А что же касается геополитики царской России, характеризующейся им как военная экспансия и колонизация народов, то это является далеко и совсем не однозначной, более того, спорной констатацией. Возникает законный вопрос: как же тогда так получилось, что после свержения царизма Россия по-прежнему осталась столь многонациональной и многоконфессиональной, сохранила так много народов и этносов в своем составе? Между тем правильнее было бы автору написать: военная экспансия и колонизация народов в наибольшей степени присущи Западу. Где теперь исконно индейская Северная Америка? Нет ее. Она, то есть в облики США и Канады, стала тотально англосаксонской. Индейцы как коренные жители североамериканского континента были подвергнуты англосаксами массовому истреблению, а оставшиеся их жалкие крохи загнаны в резервации. А рабство, работорговля в США, по существу в разных видах и формах, сохранялись вплоть до конца XIX столетия. Расизм как официальная государственная политика США реально функционировал до конца 60-х гг. прошлого столетия, а в практическом плане продолжал открыто действовать и в последующие десятилетия.

При этом определение автором пространственной открытости границ европейских государств как одной из предпосылок победы демократии в Западной Европе и его видение величия государства в расширении демократического политического пространства также несостоятельны ввиду их, мягко говоря, несоответствия объективной истине. «Расширение демократического политического пространства» по-западному, по-американски – это перманентно осуществляемые США военные экспансии, провоцируемые конфликты по всему миру, агрессивные действия и насильственное свержение неугодных им политических режимов. Разгул западной демократии в американской политике в своей яви всегда означал прежде всего навязывание цветных революций, сопровождаемых управляемым хаосом и масштабными разрушениями, большим кровопролитием и страданиями незападных народов.

Ныне в самой Америке налицо усиление идеологии идентитаризма, представляющей собой «правое политическое движение за сохранение идентичности (прежде всего белой, англосаксонской) и против этнических чужаков» [Турчин 2024: 34]. При этом американско-западноевропейский моноцентризм в мировом геополитическом пространстве во все истекшие времена был направлен своим

агрессивно-звериным оскалом в первую очередь против российской цивилизации. В основе такого моноцентризма лежала ставшая зловещей традицией тысячелетняя русофобия, изначально развязанная Западом в отношении Российского государства еще в годы правления Карла Великого [Меттан 2023].

Воинствующая русофобия на протяжении последнего десятилетия по существу превратилась в некий аналог жестко диктуемой наднациональной идентичности в рамках военного блока НАТО. В результате национальный суверенитет, национальная идентичность большинства стран, входящих в него, оказались во многом задвинутыми на второстепенные «задворки». Вот почему глобалистский западный курс до сих пор представляет серьезную угрозу национальной независимости всех незападных стран. Причем евроатлантический моноцентризм в нынешних условиях, как уже выше отмечалось, начал претерпевать серьезные трансформации в пользу оголтелой американоцентричной политики во всем: «Америка – прежде всего!», «Америка превыше всего!», то есть Америка, только Америка – непререкаемый мегацентр мира! Зловещий характер сказанному как раз придают предпринятые в последнее время бывшим 45-м, нынешним 47-м президентом США Д. Трампом попытки вдохнуть сильную и опасную дозу агрессивности в панамериканизм. Они нашли отражение в ряде, например, внешне эпатажных, неоднократно повторяемых им заявлений с угрозами о якобы исторической необходимости и естественности, следовательно, вполне «реализуемой реальности» присоединения к его стране Канады (наподобие гитлеровского аншлюса), Панамского канала (как бы возвращения его в лоно «исконной родины») и Гренландии (по существу новой формы американской колонизации).

Отсюда вполне очевидны целесообразность и жизненная востребованность построения мирового, в том числе евразийского, геополитического пространства на полицентричной основе. Ведь только последовательно осуществляемая геополитика современной России, а также Китая, Индии, арабских и некоторых других стран в евразийском и иных регионах мира будет в конечном счете способствовать процессу демополизации американоцентризма в мировой политике. От этого, несомненно, выиграют или может выиграть немало стран, входящих в евразийское геополитическое пространство, в том числе такая страна, как Монголия. Будучи расположенной в географическом окружении между гигантской Россией на севере и крупнейшим Китаем на юге, тем не менее, она успешно развивается, пользуясь плодами полицентрической политики с их стороны в данном регионе. Поскольку эта политика в практическом плане означает взаимное уважение, равноправие, плюралистическое сосуществование разных культур, образов жизни, моделей социально-экономического развития, добрососедство и дружественный характер взаимоотношений. Тем самым становятся возможными обеспечение современной Монголией необходимой суверенности и субъектности в международных отношениях и сохранение ею национальной идентичности, традиционной культуры и менталитета, что, естественно, имеет очень мало общего с нарочитым сепаратизмом, национальной обособленностью и замкнутостью. В этой связи безусловный интерес как раз представляют особенности пространственного мировоззрения монголов (халха-монголов, а также бурят), взятые в фокусе их традиционной культуры и с некоторым учетом компаративистики.

Категоризация пространства в традиционном мировосприятии монголов

Это можно рельефно проследить на основе конкретного анализа традиционного мировосприятия монгольских этносов, составляющих в совокупности важный этнокультурный пласт в евразийском мире. Категория пространства здесь отличается свойственным им специфическим уровнем понятийного обобщения и осуществляется прежде всего в двуедином вертикальном измерении. В своем высшем измерении, имеющем глобальный характер, это идентифицируется с Вселенной (по-монгольски – *ертэни*, по-бурятски – *юртэмсэ*, *замбуулин*), космическим пространством (по-монгольски – *сансрын огторгуй*, по-бурятски – *сансарын огторгой*). Пространство у монголов даже на обыденном уровне восприятия представляется идентичным небу, небосводу (*огторгуй*, *огторгой*), целой стране (*орон*). В этом смысле пространство для монголов издревле имеет духовное начало, олицетворяет собой духовную субстанцию [Антонов, Очирова 2022]. Отсюда во многом проистекает мифологизация пространства, несущего в себе высшую сущность. И здесь уместно будет провести общесмысловую параллель с тем, что категория пространства в индийской философской мысли также вырабатывалась «через трансформацию “событийного” пространства мифа и ритуала» [Лысенко 2010: 373].

«Мифологические характеристики пространства следующие: одухотворенность, конкретность (насыщенность материальными предметами), неразрывная слитность со временем, организованность, то есть членение на составляющие, основанное на двоичной классификации (север – юг, правое – левое, верх – низ и др.), взаимосвязанность с числом, идентичность его освоенной части Вселенной (космосу) и противостояние неосвоенному пространству (хаосу); оно осмысливается как территория первотворения, на которой совершают свои поступки, деяния, создают разные вещи первые боги, первые люди...» [Жуковская 2015: 75].

Категория пространства в своем вертикальном двуедином измерении имеет и другую имманентную сторону, идентифицируемую с конкретной (лежащей вокруг, более или менее соприкасаемой и доступной) реальностью, выступающей непосредственно экзистенциальной основой жизнедеятельности монголов, то есть тем, как возможно их существование в пространстве окружающего мира. Речь идет об историческом способе их выживания в природной среде, о традиционных формах и моделях обустройства, обживания ими пространства. В этих экзистенциальных условиях закономерными становятся процессы «приземления», «одомашнивания» монголами внешнего мира в границах освоенной ими конкретной части пространства. Строительство экзистенциальной модели пространства, очерчиваемой границами реальных (реализуемых) возможностей в жизнедеятельности монголов, осуществляется в строгом соответствии с их представлениями и пониманием того особого пространства, что задано свыше, то есть Вселенной, космосом, которые как раз несут для них сакральный смысл и, следовательно, имеют духовно-мифологическое значение. Отсюда экзистенциальная основа жизни и быта монгольских этносов не только неразрывно связана, но и жестко детерминирована пространственной структурой (строением) мироздания, космоса. В этом состоит одна из особенностей двуединого измерения у монгольских этносов пространства (высшее – низшее, верх – низ).

И здесь, что интересно, вполне допустима некоторая (до известной степени) сравнительная параллель между мировосприятием монгольских этносов и мировоззрением средневекового европейца. Как подчеркивал признанный отечественный историк и культуролог, крупный специалист по средневековой культуре Западной Европы А. Я. Гуревич, «оппозиция “земля – небо” имела в сознании средневекового человека религиозно-этическое значение. Небо было местом возвышенной, вечной, идеальной жизни, в противоположность земле – юдоли греховного и временного пребывания человека» [Гуревич 1972: 67].

Другая особенность мирозерцания монголов связана с горизонтальным измерением пространства, которое у них издревле наделено латеральными характеристиками, учитывающими его многосторонность, наличие множества сторон света. «Латеральная символика связана с многомерностью пространства» [Сэндэнжавын 1997: 31]. В этом смысле пространство в мировосприятии монгольских этносов представляется не только как билатеральное (в рамках двоичной классификации, основанной на бинарных оппозициях), но и как мультилатеральное явление, отражающее в бинарном соотношении нередко «боковые», «стыкующиеся», «угловые» стороны света (наряду с основными).

В монгольском эпосе «наиболее часто употребимы бинарные оппозиции: восток – запад; северо-запад – юго-восток; юго-запад – юго-восток. В системе латеральной символики юго-запад встречается редко и образует параллелизм с юго-востоком, обозначая направление новых приключений и деяний героев. ...В прежнее время халхаские шаманы имели две коновязи: одна находилась на юго-западе от юрты и была предназначена для людей, а другая – на юго-востоке для духов-хозяев или божеств-*тэнгриев* (то есть небес, небесных. – В. А.)» [Там же: 33].

Пространство, в котором протекает традиционная жизнь монголов, с латеральной точки зрения характеризуется наполненностью различными божествами, одни из которых призваны защищать, обезопасить их, а другие могут представить угрозу для них. При этом, как уже нами отмечалось, духовно-сакральный характер окружающей среды, отражающей в целом структуру Вселенной, космического пространства, в немалой степени экстраполируется на сам быт и жизнь монголов.

Ярким тому подтверждением служит жилище монголов – юрта (по-монгольски – *гэр*, по-бурятски – *модон* или *һэеы гэр*, то есть деревянная или войлочная юрта). Это жилище до сих пор остается не только актуальным в функционально-экзистенциальном плане, но и не менее востребованным в духовно-культурном аспекте во всей территориально огромной степи современной Монголии. Юрта в мировосприятии монголов выступает, прежде всего, как некая микромодель, идентифицируемая с Вселенной. Это настоящий микрокосм кочевника, строго ориентированный на само мироздание, космическое пространство. Причем в установлении связи между представлением о мироздании и выбором места расположения и установки юрты нередко срабатывал фактор спонтанной геометризации, требовавший от монгольского кочевника всегда быстроты и оперативности в силу климатических, временных и иных обстоятельств и условий. Поэтому юрту кочевник в соответствии со своим (традиционным) мировоззрением выносил в некий центр обживаемого пространства. А остальной окружающий мир он «скла-

дывал» несколькими орбитальными кругами вокруг этого центра. Центральный круг олицетворяла собой сама юрта; второй по значимости круг ассоциировался с хозяйственно-бытовым пространством; третий, четвертый круги следовали уже за пределами коновязи, в более отдаленных (пастбищном, охотничьем) пространствах. В таком пространственном рассредоточении основных объектов жизнедеятельности монголов несложно усмотреть некоторые характерные черты нашей солнечно-планетарной системы. Отсюда становится вполне понятной соответствующая сакрализация (наряду с повседневным экзистенциально-практическим отношением) юрты в монгольском мирознании.

Определенную сопричастность юрты универсуму можно обнаружить и в другом отношении. Если, восседаая в юрте, посмотреть наверх, то благодаря ее куполообразному строению создается естественное ощущение образа небосвода (*огторгуй*), связанного с космическим пространством. Такого рода восприятие визуально усиливается внутри деревянной юрты (*модон гэр*), которая как жилище в большей степени характерна для западных (предбайкальских) бурят-монголов.

Юрта, будучи микромоделью мира, на своем внутреннем небосводе смыкается в сердцевинной точке, называемой *тооно*, *уняар*, дымовым отверстием. Через него проходит ее внутриосевое (вертикальное) направление от очага (*голомт*, *гуламта*) через дым (*утаа*) к небу (*огторгуй*), к космосу (*ертэнцэ*, *юртэмсэ*). В этом, по традиционному представлению монголов, также заложена важная символическая связь с внешним небесным миром.

Традиционная особенность монгольской юрты обнаруживается и в самом входе в нее. Расположение в ней двери (то есть то, где, с какой стороны она установлена) имеет глубоко символическое значение. Она традиционно должна быть обращена к югу, чтобы противоположная от входа часть юрты, определяемая как почетная, статусная (*хоймор*), непременно находилась на севере (*хойт*, *хойно*), в задней ее части. Тем самым достигается четкое разграничение по оси восток – запад, делящее пространство юрты на две части: южную – профанную, примыкающую к входу, предназначенную для хозяйственно-бытовых предметов, и северную – сакральную, где могут быть установлены семейный алтарь и прочие важнейшие для семьи предметы и атрибуты. Но если, неукоснительно придерживаясь разграничительной линии по оси север – юг, стать спиной к северу, то получится так, что пространство юрты будет поделено на иные две половины: западную – правую и восточную – левую. При этом западная часть определяется как сугубо мужская, а восточная – как женская.

Таким образом, юрта внутренне, по внутреннему убранству строго согласована по горизонтали и вертикали, статусному положению гендерным началам. Поэтому она четко подразделена на соответствующие семантически-функциональные *сегменты*: правый – левый, северный – южный, верх – низ, почетный – непочетный, мужской – женский и т. п.

В данном ракурсе интересными представляются суждения известного российского литературоведа и культуролога Г. Д. Гачева относительно бинарных оппозиций в индийском образе жизни: правое – левое; мужское – женское; западное – восточное. При этом понятия «запад» и «восток» у него удивительным образом семантически смещены из полагаемых мест и раздвинуты в противоположные полюсы по сравнению с двумя первыми оппозициями [Гачев 1993].

Вместе с тем, по признанию некоторых авторов еще советского периода, в научной литературе с давних пор имеет место такая путаница в определении бинарных соотношений: правая – левая; западная – восточная. Это касалось и пространственного деления бурят-монгольской юрты [Басаева 1984]. Все дело тут, видимо, заключается в том, как и откуда исходят точка и вектор созерцания пространства юрты. Если этот вектор будет направлен изнутри в сторону двери юрты, то правая половина ее пространства будет совпадать с западной, мужской частью, соответственно, левая – с восточной, женской, что как раз характерно для традиционного монгольского взгляда и понимания. Но если же пространственный обзор юрты осуществить, наоборот, от двери, то неминуемо смешение ее правой половины с восточной, женской частью, а левой – с западной, мужской. Отсюда неизбежно возникает некоторое противоречие.

Как видим, выявление значения и роли категории пространства в мирозерцании монгольских этносов на примере традиционной юрты убедительно подтверждает то, что данная категория наделена особым практическим смыслом, актуализирована в повседневной жизни монголов. В то же время юрта в их представлениях идентифицируется как некая микромодель мироздания, как подлинный микрокосм кочевника, константно ориентированный на небесный мир, космическое пространство.

Таким образом, обобщая вышесказанное, следует подчеркнуть: категория пространства, взятая в глобальном евразийском контексте (где очевидны особая роль и миссия России, а также Китая, Индии и других стран), определяется общими глубинными смыслами, в то же время отличается содержательным многообразием и многомерностью. Это раскрывается на основе последовательного рассмотрения и определения природы и сущности социокультурного и геополитического пространства, выявления актуального характера их значения и роли в современных условиях. В связи с этим проанализированы необычные черты и особенности мировосприятия, традиционных представлений монгольских этносов о пространстве, показана специфика его категоризации, причем она обосновывается в ракурсе его двуединого измерения: космизм пространства как высшая духовная субстанция и освоенное пространство как экзистенциально-функциональная основа жизнедеятельности монголов.

Литература

- Антонов В. И. Символ как культурологическая категория. М. : Луч, 1992.
- Антонов В. И. Символ, условность, культура // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 3. С. 26–37.
- Антонов В. И. Имена в мировой политике: мозаика портретов и образов: в 2 ч. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Ч. I.
- Антонов В. И., Очирова О. А. Пространство как духовно-экзистенциальная модель мироздания в фокусе представлений монгольских этносов // Философия в полицентричном мире. Дополнения и стендовые доклады Восьмого Российского философского конгресса. М. : Логос, 2022. Т. 5. С. 56–59.
- Басаева К. Д. Традиционное бурятское жилище и его членение // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии / под ред. Т. М Михайлова, Д. Д. Ни-
маева, В. И. Рассадина. Улан-Удэ : Бурятский филиал СО АН СССР, 1984. С. 109–124.

Гачев Г. Д. Образы Индии. Опыт экзистенциальной культурологии. М. : Наука, 1993.

Горяев А. Т. Евразийская идея и проблема самоидентификации России. М. : Тов-во науч. изд. КМК, 2003.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1972.

Жуковская Н. Л. Традиции монгольской культуры в контексте представлений о пространстве и времени // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура). Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. С. 75–91.

Комлева Н. А. Геполитическое пространство: сущность и типология [Электронный ресурс] : Вестник МГОУ. 2014. № 1. С. 1–26. URL: vestnik-mgou.ru/jour/article/download/925/922 (дата обращения: 17.04.2025).

Лысенко В. Г. Пространство в индийской философии // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 3. С. 373–374.

Меттан Г. Запад – Россия. Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М. : АСТ, 2023.

Никулин Д. В. Пространство // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 3. С. 370–372.

Норито. Сэмме. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1991.

Семигин Г. Ю. Пространство политическое // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 3. С. 374.

Смирнов А. В. Пространство в арабо-мусульманской философии // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 3. С. 373.

Сэндэнжавын Д. Система символик в монгольском фольклоре и литературе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1997.

Турчин П. В. Конец времен. Элиты, контрэлиты и путь политического распада. М. : АСТ, 2024.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М. : Проспект, 2017.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. : Проспект, 2018.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновения интересов. М. : Проспект, 2022.

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

КУЛЬТУРНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭТНОЦЕНТРИЗМА И УТВЕРЖДЕНИЯ ИДЕАЛОВ ТОЛЕРАНТНОСТИ*

Петрова С. И., Петров И. Ф.**

Глобализация и интенсивное межкультурное взаимодействие в современном мире размывают границы локальных культур и формируют общее пространство взаимовлияний и универсальных ценностей. Культуры становятся все более открытыми, изменчивыми и внутренне разнообразными. В этих условиях строгий культурный релятивизм теряет свою актуальность, уступая место более гибким подходам, учитывающим как культурную специфику, так и кросс-культурные закономерности, и глобальные процессы. В статье показывается, что признание равноценности и самобытности всех культур, отказ от этноцентризма и идеи превосходства одних народов над другими способствовали утверждению идеалов толерантности, уважения к чужим традициям и образу жизни. Современная социальная мысль ищет баланс между признанием культурного многообразия и утверждением некоторых общечеловеческих принципов и прав. Уважение к самобытности разных традиций должно сочетаться с критическим подходом, с открытым обсуждением спорных и проблемных аспектов. Культуры не изолированы, они взаимодействуют и влияют друг на друга, могут меняться и развиваться, отказываясь от одних обычаев и перенимая другие. Диалог и взаимопонимание между представителями разных культур возможны и необ-

* **Для цитирования:** Петрова С. И., Петров И. Ф. Культурный релятивизм как фактор преодоления этноцентризма и утверждения идеалов толерантности // Век глобализации. 2025. № 4. С. 29–38. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.03.

For citation: Petrova S. I., Petrov I. F. Cultural Relativism as a Factor Overcoming Ethnocentrism and Affirmation of the Ideals of Tolerance // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 29–38. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.03 (in Russian).

**Петрова Софья Игоревна – кандидат культурологии, доцент кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций НАН ЧОУ ВО «Академия ИМСИТ» РФ. E-mail: Sofya8888@yandex.ru.

Sofya I. Petrova – Ph.D. in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Intercultural Communications of NAS CHOU VO “Academy of IMSIT” of the Russian Federation. E-mail: Sofya8888@yandex.ru.

Петров Игорь Федорович – д. ф. н., профессор кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций НАН ЧОУ ВО «Академия ИМСИТ» РФ. E-mail: IgorPetroff@yandex.ru.

Igor F. Petrov – Dr. Phil., Professor of the Department of Pedagogy and Intercultural Communications of NAS CHOU VO “Academy of IMSIT” of the Russian Federation. E-mail: IgorPetroff@yandex.ru.

ходимы, но для этого требуется выработка некоей общей системы координат, своего рода нравственного эсперанто современного мира.

Ключевые слова: культура, релятивизм, паттерны, различия, самобытность, ценность, этноцентризм.

CULTURAL RELATIVISM AS A FACTOR OVERCOMING ETHNOCENTRISM AND AFFIRMATION OF THE IDEALS OF TOLERANCE

Globalization and intensive intercultural interaction in the modern world blur the boundaries of local cultures and create a common space of mutual influences and universal values. Cultures are becoming increasingly open, flexible, and internally diverse. In this context, strict cultural relativism loses its relevance, giving way to more flexible approaches that take into account both cultural specificity and cross-cultural patterns and global processes. The article shows that the recognition of the equivalence and identity of all cultures, the rejection of ethnocentrism and the idea of the superiority of some peoples over others contributed to the establishment of the ideals of tolerance, respect for other people's traditions and way of life. Modern social thought seeks a balance between the recognition of cultural diversity and the affirmation of certain universal principles and rights. Respect for the identity of different traditions should be combined with a critical approach, with an open discussion of controversial and problematic aspects. Cultures are not isolated, they interact and influence each other, they can change and develop, abandoning some customs and adopting others. Dialogue and mutual understanding between representatives of different cultures are possible and necessary, but this requires the development of a common coordinate system, a kind of moral Esperanto of the modern world.

Keywords: culture, relativism, patterns, differences, identity, value, ethnocentrism.

Введение

Релятивизм – это философское течение, которое утверждает, что истина, моральные ценности и знания являются относительными и зависят от конкретного контекста, культуры, эпохи или индивидуального восприятия. Согласно релятивизму, не существует абсолютных и универсальных истин, применимых ко всем людям и ситуациям. Вместо этого истина и знания рассматриваются как социальные конструкты, формирующиеся под влиянием исторических, культурных и личностных факторов. Релятивизм ставит под сомнение идею объективной реальности и возможность получения достоверного знания о мире. Сторонники релятивизма утверждают, что наше восприятие и понимание реальности всегда опосредовано языком, концептуальными схемами и социальными практиками. Таким образом, то, что мы считаем истинным или ложным, хорошим или плохим, зависит от нашей точки зрения и культурного контекста.

В этике релятивизм проявляется в идее о том, что моральные нормы и ценности являются относительными и варьируются от культуры к культуре. То, что считается правильным в одном обществе, может рассматриваться как неприемлемое в другом. Релятивисты утверждают, что не существует универсальных моральных принципов, применимых ко всем людям, и что мораль является продуктом социальных конвенций и соглашений.

В эпистемологии релятивизм ставит под сомнение возможность получения объективного знания и достижения истины. Согласно релятивистской точке зрения, знания всегда обусловлены нашей перспективой, интересами и предубеждениями. Даже научные теории и методы рассматриваются как продукты определенного исторического и культурного контекста и не могут претендовать на абсолютную истинность.

Критики релятивизма указывают на его внутреннюю противоречивость и практические последствия. Если все истины относительны, то и само утверждение о релятивности истины становится относительным, что ведет к логическому парадоксу. Кроме того, радикальный релятивизм может привести к отрицанию возможности рационального диалога, поскольку любые аргументы и доказательства будут считаться лишь выражением частной точки зрения. Несмотря на критику, релятивизм остается влиятельным направлением в современной философии и общественной мысли. Он побуждает критически осмысливать наши убеждения, признавать многообразие человеческого опыта и учитывать роль социокультурных факторов в формировании знаний и ценностей. В то же время умеренные формы релятивизма стремятся найти баланс между признанием относительности истин и возможностью конструктивного диалога и взаимопонимания между людьми и культурами.

Основная часть

Релятивизм в культуре проявляется в признании того, что культурные ценности, нормы, практики и верования являются относительными и зависят от конкретного социально-исторического контекста. Согласно культурному релятивизму, не существует универсальных стандартов или критериев для оценки и сравнения различных культур. Каждая культура рассматривается как уникальная и самобытная система, которую следует понимать и оценивать с точки зрения ее собственных внутренних логик и смыслов. Культурные релятивисты призывают к уважению культурного разнообразия и воздержанию от этноцентризма – склонности судить о других культурах с позиции своей собственной, рассматривая ее как эталон или норму. Релятивизм в культуре имеет важные методологические следствия для антропологии и других социальных наук, изучающих культуры. Он требует от исследователя временно отказаться от своих культурных предубеждений и постараться понять изучаемую культуру «изнутри», с точки зрения ее носителей. Только так можно раскрыть подлинные смыслы культурных явлений и избежать их неверной интерпретации в свете чуждых культурных схем.

Однако у культурного релятивизма есть и критики, указывающие на его слабые стороны. Признание относительности культурных норм может вести к морально-этическому релятивизму и оправданию неприемлемых с общечеловеческой точки зрения практик, например рабства, геноцида, ущемления прав женщин и меньшинств. Сведение всего к культурным особенностям лишает нас универсальных гуманистических и правовых принципов, позволяющих критиковать и пресекать подобные явления. Кроме того, глобализация и интенсивное межкультурное взаимодействие в современном мире размывают границы локальных культур и формируют общее пространство взаимовлияний и универсальных ценностей. Культуры становятся все более открытыми, изменчивыми и внутренне

разнообразными. В этих условиях строгий культурный релятивизм теряет свою актуальность, уступая место более гибким подходам, учитывающим как культурную специфику, так и кросс-культурные закономерности и глобальные процессы.

Проблема культурного релятивизма актуальна в современном мире по целому ряду причин. Во-первых, процессы глобализации привели к невиданному ранее соприкосновению и взаимодействию разных культур и образов жизни. Люди сталкиваются с культурными различиями буквально на каждом шагу – будь то поездки за границу, общение в Интернете или даже повседневная жизнь в многонациональных мегаполисах. В этих условиях принципиально важно выработать непредвзятый, уважительный подход к культурному многообразию, не считая нормы своей культуры единственно правильными. Во-вторых, культурный релятивизм тесно связан с проблемами толерантности, преодоления ксенофобии и налаживания диалога между представителями разных народов, религий, субкультур. Только относясь к чужой культуре как к самоценной, а не сравнивая ее со своей, можно наладить полноценную коммуникацию и избежать конфликтов на почве непонимания. Культурный релятивизм учит не спешить с оценками, а сначала постараться вникнуть во внутреннюю логику иной культуры.

В настоящее время дискуссии вокруг культурного релятивизма не утихают, поскольку, доведенный до крайности, он может обернуться всеядностью и моральной индифферентностью, отказом от базовых человеческих ценностей. Сейчас актуален поиск золотой середины – между признанием самобытности культур и приверженностью универсальным этическим принципам. Так, многие указывают, что при всем многообразии у культур есть общие точки пересечения, связанные с базовыми потребностями человека. Методология культурного релятивизма активно используется для критического анализа концепций евроцентризма, ориентализма, колониализма. С ее помощью вскрывается ограниченность западных представлений о «цивилизованности», обнажается их культурная обусловленность. В эпоху постколониализма и переоценки наследия модерна этот критический потенциал культурного релятивизма более чем востребован.

Одним из ярких примеров культурного релятивизма является отношение к многоженству или полигамии. В большинстве западных культур, основанных на христианской традиции, многоженство осуждается и считается неприемлемым. Однако во многих традиционных культурах Африки, Ближнего Востока, Южной Азии полигамия является социально признанным и даже престижным институтом. Культурные релятивисты призывают не спешить с моральными оценками этой практики, а попытаться понять ее социальные функции и культурные смыслы в конкретном контексте. Другой пример – различное отношение культур к публичному проявлению эмоций, особенно негативных. Во многих западных культурах открытое выражение гнева, раздражения, недовольства, особенно в профессиональной сфере, считается нежелательным, признаком невоспитанности. В то же время в некоторых ближневосточных культурах бурное проявление эмоций, громкий разговор на повышенных тонах – норма коммуникации, которая не обязательно указывает на серьезный конфликт.

Еще один пример культурного релятивизма – разное понимание личного пространства и допустимой дистанции в общении. В западных индивидуалистических культурах люди обычно предпочитают сохранять довольно большую ди-

станцию при разговоре, особенно с малознакомыми людьми. Прикосновения, объятия, поцелуи при встрече ограничены близким кругом семьи и друзей. Но во многих культурах Латинской Америки, Южной Европы, Ближнего Востока физический контакт, прикосновения, близкая дистанция – неотъемлемая часть нормальной дружеской коммуникации даже между малознакомыми людьми. Эти и многие другие примеры показывают, как привычные представления о должном и недопустимом, вежливом и грубом, нормальном и ненормальном меняются от культуры к культуре. Культурный релятивизм призывает осознать эту относительность и не подходить к другим культурам со своими готовыми мерками и оценками. Однако он не означает полного отказа от моральной оценки и требования уважать любые, даже «негуманные» культурные практики. Потому баланс между релятивизмом и универсальными ценностями – сложный вопрос, вызывающий споры среди ученых и мыслителей.

Истоки культурного релятивизма можно проследить еще в античной философии, например у софистов. Протагор утверждал, что человек есть мера всех вещей [Аристотель 1983]. Однако как осознанная методологическая установка в науке культурный релятивизм начинает формироваться в конце XIX – начале XX в., с зарождением культурной антропологии как самостоятельной дисциплины. Важную роль здесь сыграли работы Франца Боаса, призывавшего изучать каждую культуру в ее собственных терминах и ценностных категориях, не навязывая ей чуждые стандарты. Его ученики, такие как Рут Бенедикт и Маргарет Мид, развили эти идеи, исследуя культурные паттерны разных народов. Р. Бенедикт, в частности, ввела понятие культурной конфигурации, уникального стиля каждого общества. Философскую трактовку релятивизма дал Уильям Грэм Самнер, утверждавший, что моральные нормы относительны и определяются культурой. В более позднее время к проблеме обращались Клиффорд Гирц, Дэвид Бидни и многие другие антропологи.

Однако наиболее последовательно принципы культурного релятивизма были сформулированы американским антропологом Мелвиллом Херсковичем. Он доказывал, что ценности и суждения каждого человека неизбежно обусловлены культурой, в которой он воспитан. Поэтому нельзя судить об одной культуре с позиций другой, для каждой нужно подбирать ее собственные критерии оценки.

Во второй половине XX в. установка культурного релятивизма стала общепринятой в культурной антропологии и распространилась на социальные и гуманитарные науки. Ее влияние прослеживается в постмодернистской философии, критикующей саму возможность универсального знания (например, у Ричарда Рорти [1997], Жан-Франсуа Лиотара [1998], Жака Деррида [2000]), в теории литературы, в гендерных исследованиях и современной политической теории, подчеркивающей право культур на самобытность и предостерегающей от навязывания всем универсальных ценностей западной цивилизации. В целом релятивистская парадигма является одной из основополагающих для современной культурной антропологии.

Франц Боас, один из основоположников американской культурной антропологии, был убежденным сторонником идеи культурного релятивизма. Он утверждал, что каждая культура уникальна и должна пониматься в своих собственных терминах, исходя из ее специфического исторического развития [Боас 2024].

Ф. Боас критиковал эволюционистские теории, пытавшиеся выстроить единую линию развития культур от «примитивных» к «цивилизованным». Вместо этого он предлагал изучать конкретные культурные факты в их взаимосвязи, не прибегая к внешним оценочным критериям. По его мнению, культуры нельзя сравнивать как «высшие» и «низшие» – они просто разные, и задача антрополога – понять внутреннюю логику каждой из них. Ф. Боас подчеркивал роль культурных паттернов, определяющих нормы мышления и поведения людей. То, что кажется странным и «нецивилизованным» внешнему наблюдателю, на самом деле глубоко укоренено в культурной традиции и имеет собственный смысл. Поэтому Ф. Боас призывал проявлять терпимость и уважение к культурным различиям, не навязывая другим свои ценности и мировоззрение. Идеи Ф. Боаса оказали огромное влияние на последующее развитие антропологии и сделали релятивизм одной из центральных парадигм в изучении культур.

Рут Бенедикт, ученица и последовательница Ф. Боаса, развила идеи культурного релятивизма в своих трудах. Она утверждала, что каждое общество обладает уникальным, целостным и внутренне согласованным культурным паттерном. Этот паттерн пронизывает все аспекты жизни людей – от хозяйства и социальной организации до религии и искусства. Р. Бенедикт сравнивала культуры с индивидуальными личностями, обладающими своим неповторимым характером. Она полагала, что любые элементы культуры – обычаи, верования, ценности – могут быть поняты только в контексте этого общего паттерна. То, что в одной культуре считается нормальным и естественным, в другой может выглядеть странно и даже отталкивающе. Но это не повод считать какую-то культуру «лучше» или «хуже» – они просто устроены по-разному. В книге «Модели культуры» [Бенедикт 2023] Р. Бенедикт показала, насколько непохожими могут быть жизненные установки разных народов. Так, если одни культуры делают акцент на соперничестве и индивидуальных достижениях, то другие, напротив, на кооперации и примирении. Бенедикт призывала с уважением относиться к чужим обычаям и ценностям, какими бы экзотическими они ни казались. Вслед за Ф. Боасом она утверждала, что европейские стандарты не являются универсальной нормой и ни одна культура не вправе навязывать другим свой образ жизни. Хотя идеи Р. Бенедикт вызвали немало критики, они способствовали становлению культурной антропологии как науки и утверждению релятивистской перспективы в западной мысли XX в.

Маргарет Мид, как и ее учитель Рут Бенедикт, была сторонницей культурного релятивизма. Она считала, что поведение и ценности людей нужно рассматривать и оценивать в контексте их собственной культуры, а не с точки зрения внешнего наблюдателя [Мид 1988]. В своих полевых исследованиях на островах Океании М. Мид обнаружила поразительное разнообразие в том, как разные народы устрояют свою жизнь – как растят детей, как строят отношения между полами, как относятся к сексу и смерти. То, что европейцам казалось естественным и неизменным, на поверку оказывалось лишь одним из множества культурных вариантов. Например, переходный возраст, который в западных обществах часто бывает периодом стресса и конфликтов, на Самоа протекал совершенно безболезненно – потому что там к подросткам относились иначе. Или институт брака – казалось бы, универсальный, но в разных культурах он принимает совершенно разные формы. М. Мид полагала, что, если мы хотим понять людей другой культуры,

то должны постараться взглянуть на мир их глазами, принять их собственную систему ценностей и координат. Навязывать всем народам единые, якобы «передовые» стандарты – это культурный империализм, который ни к чему хорошему не приведет. Напротив, культурное многообразие – это величайшее богатство человечества, которое нужно всячески оберегать. При этом М. Мид не призывала слепо восхищаться экзотическими обычаями. Она считала, что антрополог может и должен выносить моральные суждения. Но делать это нужно осторожно, не впадая в этноцентризм и помня о культурной обусловленности наших представлений о добре и зле.

Уильям Грэм Самнер, как и М. Мид, был одним из основоположников культурного релятивизма в антропологии. В книге «Folkways» [Sumner 1906] он утверждал, что моральные нормы и обычаи любого общества являются продуктами его исторического развития. То, что считается правильным и неправильным, добром и злом в одной культуре, может быть совершенно иначе оценено в другой. У. Самнер призывал отказаться от этноцентризма – от привычки судить другие народы по меркам собственной культуры, которая кажется нам единственно нормальной и разумной. Чтобы постичь обычаи и верования людей, живущих в иных обществах, нужно попытаться понять внутреннюю логику их образа жизни, а не просто называть все непривычное «дикостью» и «невежеством». В то же время У. Самнер, в отличие от М. Мид, не идеализировал «примитивные» культуры. Он полагал, что во всех обществах, наряду с полезными и благотворными обычаями, существуют и дисфункциональные, тормозящие развитие. Задача ученого – объективно, беспристрастно изучать и те и другие, показывая, как они возникли и что ими движет. У. Самнер был одним из пионеров научного подхода к культуре, свободного от морализаторства и предвзятых оценок.

Клиффорд Гирц, один из самых влиятельных антропологов второй половины XX в., развивал идеи культурного релятивизма, опираясь на подход, известный как «интерпретативная антропология» [Гирц 2004]. По мнению К. Гирца, задача исследователя состоит не просто в объективной фиксации обычаев, ритуалов и верований изучаемого общества, а в постижении тех смыслов, которые сами носители культуры в них вкладывают. Чтобы понять образ жизни и мировоззрение другого народа, нужно истолковать его культуру как своего рода текст, состоящий из множества символов и значений. При этом интерпретация неизбежно ограничена собственным культурным опытом исследователя. Полностью абстрагироваться от него и достичь «абсолютной объективности» не представляется возможным. К. Гирц полагал, что любое антропологическое описание есть «интерпретация интерпретаций», то есть истолкование тех толкований, которые люди дают собственной культуре. А так как возможны разные интерпретации одних и тех же культурных феноменов, антропология должна быть открыта для альтернативных точек зрения и подходов. К. Гирц подчеркивал, что культуры – это не застывшие, неизменные системы, а динамичные, текучие образования, постоянно трансформирующиеся и взаимодействующие друг с другом. В современном мире практически не осталось изолированных сообществ, и любое общество испытывает влияние соседних и даже далеких культур. Поэтому бессмысленно говорить о культурах как о чем-то обособленном и однородном. К. Гирц призывает изучать не столько отдельные культуры, сколько процессы их взаимодействия, обмена

и гибридации. При этом антрополог не должен претендовать на обладание единственно верной и исчерпывающей интерпретацией. Его задача – предложить убедительное и информативное истолкование, помогающее лучше понять смыслы и логику незнакомой культуры, но отнюдь не последнее слово в ее постижении.

Дэвид Бидни, американский антрополог и философ, критически относился к идеям культурного релятивизма. Он признавал, что каждая культура уникальна и должна рассматриваться в своем собственном контексте. Однако, по мнению Д. Бидни, существуют некоторые универсальные ценности и критерии, позволяющие сравнивать и оценивать разные культуры [Бидни 1997]. Полный релятивизм ведет к невозможности составить объективное суждение и отличить истину от лжи, добро от зла. Д. Бидни опасался, что акцент на относительности всех ценностей и норм может привести к нравственному нигилизму и безразличию. Он призывал искать в разнообразии культур то общее, что их объединяет, – некие базовые представления о человеческом достоинстве, справедливости, свободе. По мысли Д. Бидни, антропология должна не только фиксировать культурные различия, но и выявлять кросс-культурные универсалии, видеть за многообразием частных форм всеобщие основания человечности. Философ выступал за «критический релятивизм», признающий равноценность культур, но не отрицающий возможности их оценки с позиций гуманизма и общечеловеческих ценностей. Таким образом, Д. Бидни стремился найти золотую середину между крайностями абсолютизма и релятивизма, между универсализмом и партикуляризмом в понимании культуры.

Мелвилл Херсковиц, один из основоположников культурной антропологии в США, был сторонником культурного релятивизма. Он считал, что каждая культура представляет собой уникальную систему ценностей, верований, традиций и должна рассматриваться и оцениваться изнутри, с точки зрения ее собственных критериев и стандартов, а не через призму чужих представлений [Herskovits 1972]. По мнению М. Херсковица, не существует абсолютных и универсальных норм, которые были бы справедливы для всех культур. То, что считается правильным и нормальным в одном обществе, может быть неприемлемо в другом. Культурный релятивизм призывает воздерживаться от оценочных суждений при столкновении с иными традициями и образом жизни. М. Херсковиц полагал, что этноцентризм и убежденность в превосходстве собственной культуры мешают объективному научному изучению культурного многообразия человечества. Антрополог должен стремиться понять каждую культуру в ее собственном контексте, выявить ее внутреннюю логику и связность, а не сравнивать со своими привычными мерками. В то же время М. Херсковиц не впадал в крайний релятивизм и не считал, что культурные различия непреодолимы. Он признавал наличие некоторых общих универсалий и возможность кросс-культурной коммуникации. Однако для него было важно подчеркнуть самобытность и равноценность всех культур, недопустимость навязывания чужих ценностей и образа жизни.

Культурный релятивизм, провозглашенный М. Херсковицем и другими антропологами, оказал значительное влияние не только на науку, но и на общественное сознание. Признание равноценности и самобытности всех культур, отказ от этноцентризма и идеи превосходства одних народов над другими способствовали утверждению идеалов толерантности, уважения к чужим традициям и образу

жизни. Культурный релятивизм стал одним из истоков мультикультурализма – концепции гармоничного сосуществования разных этнических и культурных групп в рамках одного общества. В то же время распространение релятивистских идей в массовом сознании имело и некоторые проблемные последствия. Релятивизм нередко понимался упрощенно, как признание полной равноценности и одинаковой приемлемости любых культурных норм и практик. Но ведь далеко не все традиции одинаково хороши с гуманистической точки зрения. Существуют обычаи, несовместимые с идеями прав человека и достоинства личности, наносящие ущерб здоровью людей. Женское обрезание, кровная месть, принудительные браки, детский труд – признавать ли эти явления нормальными только на том основании, что в каких-то культурах они считаются приемлемыми? Получалось, что культурный релятивизм подрывает универсальные нравственные нормы и ценности, лишает критериев оценки те или иные обычаи. Кроме того, абсолютизация культурных различий может вести к разобщенности и сегрегации этнических групп, когда каждая замыкается в своей идентичности. Поэтому современная социальная мысль ищет баланс между признанием культурного многообразия и утверждением некоторых общечеловеческих принципов и прав. Уважение к самобытности разных традиций должно сочетаться с критическим подходом, с открытым обсуждением спорных и проблемных аспектов. Культуры не изолированы, они взаимодействуют и влияют друг на друга, могут меняться и развиваться, отказываясь от одних обычаев и перенимая другие. Диалог и взаимопонимание между представителями разных культур возможны и необходимы, но для этого требуется выработка некоей общей системы координат, своего рода нравственно-го эсперанто современного мира.

Заключение

Таким образом, культурный релятивизм, несомненно, сыграл важную роль в преодолении этноцентризма и утверждении идеалов толерантности. Благодаря ему в общественном сознании утвердилась мысль о самоценности и равноправии всех культур, недопустимости навязывания одними народами своих норм и ценностей другим. Это способствовало росту межкультурного взаимопонимания и уважения. В то же время распространение релятивистских идей имело и некоторые негативные последствия. Порой из тезиса о равноценности культур делался ошибочный вывод о том, что любые культурные практики должны признаваться нормальными и допустимыми, даже если они противоречат универсальным гуманистическим ценностям и правам человека. Культурное многообразие – это, безусловно, ценность и богатство человечества. Но оно не должно означать этического релятивизма и признания любых норм и обычаев одинаково приемлемыми. Существуют некоторые общечеловеческие ценности (такие как право на жизнь, свободу, достоинство личности), которые должны рассматриваться как приоритетные по отношению к культурным традициям. Таким образом, культурный релятивизм сыграл неоднозначную роль. С одной стороны, он способствовал росту толерантности и уважения к культурным различиям. С другой – в своих крайних формах он мог вести к этическому релятивизму и оправданию негуманных практик. Современное общество стоит перед задачей найти разумный баланс между признанием ценности культурного многообразия и защитой фундаментальных прав человека.

Литература

Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983.

Бенедикт Р. Модели культуры. М. : Альма-Матер, 2023.

Бидни Д. Концепция культуры и некоторые ошибки в ее изучении // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры / сост. С. Я. Левит. СПб. : Университетская книга, 1997. С. 57–90.

Боас Ф. Антропология и современность. М. : Альма-Матер, 2024.

Гирц Г. Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004.

Деррида Ж. О грамματοлогии. М. : Ad Marginem, 2000.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Ин-т экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1998.

Мид М. Культура и мир детства: Избр. произведения. М. : Наука, 1988.

Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.

Herskovits M. J. Cultural Relativism. Perspectives in Cultural Pluralism. New York : Random House, 1972.

Sumner W. G. Folkways: A Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores, and Morals. Boston : Ginn, 1906.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ЭТИКА ПАТРИОТИЗМА*

Стычинский М. С.**

Статья посвящена исследованию роли патриотизма в контексте глобальных вызовов современности, таких как экологический кризис, угроза военных конфликтов и социальное неравенство. Автор анализирует этические и философские аспекты патриотизма, рассматривая его потенциал как основы для решения общечеловеческих проблем или, напротив, как фактора, усугубляющего разобщенность. В работе исследуются классические и современные концепции – от республиканского патриотизма Руссо до конституционного патриотизма Хабермаса, а также критикуется крайний национализм и абстрактный космополитизм. Предлагается синтетический подход, объединяющий национальную идентичность с глобальной ответственностью через идеи глокализации и умеренного патриотизма. Делается вывод, что переосмысленный патриотизм, основанный на демократических ценностях и открытости к международному сотрудничеству, может стать ключевым ресурсом для преодоления глобальных кризисов.

Ключевые слова: патриотизм, глобализация, глобальные проблемы, этика, космополитизм, конституционный патриотизм, межкультурная коммуникация.

GLOBAL PROBLEMS OF HUMANITY AND THE ETHICS OF PATRIOTISM

The article is devoted to the study of the role of patriotism in the context of global challenges of our time, such as the environmental crisis, the threat of military conflicts and social inequality. The author analyzes the ethical and philosophical aspects of patriotism, considering its potential as a basis for solving universal human problems or, conversely, as a factor exacerbating disunity. The work explores classical and modern concepts, from Rousseau's republican patriotism to Habermas' constitutional patriotism, and also criticizes extreme nationalism and

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»).

Для цитирования: Стычинский М. С. Глобальные проблемы человечества и этика патриотизма // Век глобализации. 2025. № 4. С. 39–47. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.04.

For citation: Stychinsky M. S. Global Problems of Humanity and the Ethics of Patriotism // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 39–47. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.04 (in Russian).

** Стычинский Максим Сергеевич – к. ф. н., доцент исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. E-mail: stichinsky@gmail.com.

Maxim S. Stychinsky – Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Faculty of History, State Academic University for the Humanities. E-mail: stichinsky@gmail.com.

abstract cosmopolitanism. A synthetic approach is proposed that combines national identity with global responsibility through the ideas of glocalization and moderate patriotism. It is concluded that a rethought patriotism based on democratic values and openness to international cooperation can become a key resource for overcoming global crises.

Keywords: *patriotism, globalization, global issues, ethics, cosmopolitanism, constitutional patriotism, intercultural communication.*

Введение

Исторически патриотизм как этическая категория восходит к античным представлениям о долге перед полисом, однако его современные интерпретации варьируются от гражданско-политических (приверженность демократическим институтам) до этнокультурных (защита «почвы и крови»). В эпоху Просвещения патриотизм мыслился как рациональная привязанность к республиканским идеалам, тогда как романтизм связал его с органицистской метафизикой народа. Эта двойственность сохраняется и сегодня: является ли патриотизм производным от политического выбора или же врожденным чувством, укорененным в языке и традиции?

Сторонники патриотизма подчеркивают его роль в поддержании социальной кохезии. В условиях атомизации общества обращение к общей истории и ценностям, по мнению А. Макинтайра, создает «пространство признания», без которого невозможна солидарность [Дмитриев 2005]. Кроме того, патриотизм, ограничивая моральные обязательства рамками национального сообщества, делает их практически реализуемыми – в отличие от абстрактного гуманизма, который, как отмечал Р. Рорти, часто оборачивается равнодушием к конкретным страданиям [Рорти 2004]. Наконец, именно национальные государства, а не наднациональные структуры остаются основными акторами в решении экологических и экономических проблем, что требует ответственного участия граждан в их судьбе.

Актуальность этой темы обусловлена парадоксальностью самого феномена патриотизма. С одной стороны, любовь к Родине традиционно рассматривается как добродетель, укрепляющая социальную солидарность и ответственность за судьбу своего народа. С другой – в условиях глобализации ригористичный патриотизм рискует превратиться в инструмент изоляционизма, препятствующий международному сотрудничеству, без которого невозможно преодоление трансграничных кризисов. Именно поэтому необходимо подвергнуть патриотизм философской рефлексии, выявив его этический потенциал и границы [Стычинский 2024].

Цель данной статьи – исследовать, может ли патриотизм, переосмысленный в рамках новой этики, стать основой для ответа на глобальные вызовы. Для этого требуется решить несколько задач: во-первых, проанализировать аргументы сторонников патриотизма, видящих в нем источник гражданской доблести и культурной идентичности; во-вторых, рассмотреть критику патриотизма со стороны космополитизма, акцентирующего приоритет общечеловеческих ценностей; в-третьих, предложить синтетический подход, преодолевающий дихотомию «национализм vs глобализм».

1. Глобальные проблемы как вызов человечеству

Современное человечество столкнулось с комплексом глобальных проблем, масштаб и интенсивность которых не имеют аналогов в истории. Среди ключевых угроз, определяющих контуры глобального кризиса, выделяются экологическая дестабилизация, перманентная угроза крупномасштабных военных конфликтов и усугубляющееся социально-экономическое неравенство [Чумаков 2018]. Каждая из этих проблем обладает трансграничной природой, что делает их преодоление невозможным в рамках изолированных действий отдельных государств. Однако именно на уровне национальных политик чаще всего предпринимаются попытки решения, что неизбежно приводит к противоречиям между локальными интересами и общечеловеческими потребностями.

Экологический кризис, проявляющийся в климатических изменениях, истощении природных ресурсов и утрате биоразнообразия, давно перестал быть предметом академических дискуссий, превратившись в повседневную реальность. Таяние ледников, учащение экстремальных погодных явлений и деградация почв – это не отдаленные сценарии, а процессы, уже влияющие на экономику, миграцию и геополитику. Принципиальная сложность заключается в том, что экология не признает государственных границ: выбросы углекислого газа в одной стране ускоряют опустынивание в другой, а пластиковое загрязнение океанов становится общей проблемой для всех прибрежных государств. Однако меры по снижению антропогенного воздействия зачастую воспринимаются через призму национальных экономических интересов и стремления переложить ответственность на других. Парижское соглашение по климату (2015) продемонстрировало как потенциал международного сотрудничества, так и его уязвимость: выход США, медленные темпы реализации обязательств и различия в подходах между развитыми и развивающимися странами показали, что даже осознание общей угрозы не отменяет конфликта интересов.

Не менее серьезным вызовом остается угроза военных конфликтов, включая риск применения ядерного оружия. Несмотря на относительную стабильность периода холодной войны, современная геополитическая ситуация свидетельствует о хрупкости системы международной безопасности. Ядерное сдерживание, долгое время считавшееся гарантом мира, сегодня выглядит все более ненадежным: рост числа государств, обладающих ядерными технологиями, эрозия договорной базы (например, выход США из Договора о РСМД) и появление новых форм гибридных войн повышают вероятность катастрофы. При этом гонка вооружений продолжает поглощать ресурсы, которые могли бы быть направлены на решение социальных и экологических проблем.

Социально-экономическое неравенство, третья ключевая угроза, усугубляется на фоне глобализации. Разрыв между богатейшими и беднейшими слоями населения растет как внутри стран, так и в международном масштабе. По данным Oxfam, 1 % населения Земли владеет более чем 40 % мирового богатства, тогда как почти половина человечества живет менее чем на 5,5 доллара в день [Oxfam 2023]. Это неравенство не только подрывает социальную стабильность, но и напрямую связано с другими глобальными проблемами: бедность ускоряет экологическую деградацию (вырубка лесов, браконьерство), а отчаяние маргинализированных групп питает экстремизм и миграционные кризисы. Пандемия COVID-19

стала наглядным примером того, как неравенство усиливает уязвимость: в то время как развитые страны обеспечили себя вакцинами, многие регионы Африки и Южной Азии остались без доступа к лекарствам.

Главная проблема в преодолении глобальных угроз – несовпадение масштаба вызовов и институциональных возможностей национальных государств. Суверенитет, остающийся краеугольным камнем современной международной системы, предполагает приоритет национальных интересов, которые далеко не всегда совпадают с общечеловеческими. Например, страны, экономика которых зависит от экспорта нефти, сопротивляются декарбонизации, даже осознавая долгосрочные климатические риски. Аналогично производство вооружений остается прибыльным бизнесом, несмотря на его разрушительные последствия.

Международные институты, созданные для координации действий (ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ), сталкиваются с двумя ключевыми ограничениями: недостатком полномочий и зависимостью от воли государств-членов. Совет Безопасности ООН, где пять стран обладают правом вето, часто оказывается парализованным из-за геополитических противоречий. Финансирование программ по борьбе с бедностью или изменением климата остается добровольным, что приводит к хроническому недофинансированию. Кроме того, глобальное управление часто критикуют за «демократический дефицит» – решения принимаются узким кругом элит без учета мнения гражданского общества.

В этом контексте возникает вопрос: может ли патриотизм, традиционно ассоциирующийся с национальной замкнутостью, стать основой для ответа на глобальные проблемы? Критики утверждают, что акцент на национальной исключительности ведет к протекционизму и изоляционизму, подрывая международное сотрудничество. Однако альтернативный подход предлагает концепция «конституционного патриотизма» (Ю. Хабермас), где лояльность направлена не на этническую или культурную идентичность, а на демократические ценности и институты [Хабермас 2005]. В такой интерпретации патриотизм может мотивировать граждан к активному участию в решении как локальных, так и глобальных проблем – например, через поддержку «зеленых» инициатив или давление на правительства с целью соблюдения международных обязательств.

Таким образом, преодоление глобальных угроз требует переосмысления патриотизма не как антитезы космополитизму, а как его дополнения – этики, сочетающей ответственность за свою страну с осознанием взаимозависимости мира. Как подчеркивал философ К. Ясперс, человечество сегодня может спастись только как целое [Ясперс 1994]. Но это целое должно быть не механической суммой наций, а органическим единством, в котором патриотизм становится не барьером, а мостом к общепланетарной солидарности.

2. Патриотизм: сущность и этические аспекты

Феномен патриотизма, занимающий центральное место в дискурсе о коллективной идентичности и политической этике, требует тщательного философского осмысления, особенно в контексте глобальных вызовов современности. Его сущность неоднозначна: с одной стороны, он выступает как моральная основа гражданской солидарности, с другой – рискует превратиться в инструмент исключения «другого». Философская рефлексия патриотизма восходит к эпохе Просвеще-

ния, где он приобретал различные интерпретации – от республиканского идеала Руссо до космополитического проекта Канта. Жан-Жак Руссо в работе «Рассуждение о политической экономии» рассматривал патриотизм как «добродетель, соединяющую частные интересы с общим благом», подчеркивая его роль в создании социального единства [Руссо 2013]. В его понимании любовь к отечеству была неотделима от преданности общему благу, что предполагало активное гражданское участие. Иммануил Кант, напротив, в работе «К вечному миру» предлагал более универсалистскую перспективу, где патриотизм должен был согласовываться с космополитическими принципами [Кант 2018]. Для Канта подлинная любовь к родине не могла противоречить идее всемирного гражданства, так как нравственный закон по своей природе универсален.

Современные философские дискуссии значительно усложнили понимание патриотизма, введя важные концептуальные различия. Особенно значимым стало отделение патриотизма от национализма и шовинизма. Если патриотизм в своей здоровой форме представляет собой привязанность к культурным и политическим традициям своей страны, то национализм часто предполагает убеждение в превосходстве своей нации над другими. Шовинизм же представляет собой крайнюю форму национализма, граничащую с ксенофобией и агрессивным неприятием инаковости. Как отмечает философ М. Нуссбаум, патриотизм становится проблематичным именно тогда, когда перестает быть «любовью к своему» и превращается в «ненависть к чужому» [Нуссбаум 2006: 114].

Этический аспект патриотизма порождает серьезную философскую дилемму: как согласовать обязанности перед своей страной с ответственностью перед человечеством в целом? Эта проблема особенно остро проявляется в ситуациях, когда национальные интересы вступают в противоречие с общечеловеческими ценностями. Классический пример – экологическая политика: должен ли патриот поддерживать промышленные проекты, обеспечивающие экономический рост его страны, но наносящие ущерб глобальной экосистеме? Философ А. Макинтайр утверждал, что моральные обязательства всегда конкретны и укоренены в определенных традициях, что делает патриотизм естественной формой нравственности [MacIntyre 1984]. Однако его оппоненты, такие как П. Сингер, настаивают, что в условиях глобальной взаимозависимости этика должна преодолевать национальные границы, так как моральный горизонт не может быть ограничен случайностью рождения [Singer 2002].

Философский анализ показывает, что патриотизм как этический феномен находится в постоянном напряжении между партикуляризмом и универсализмом. С одной стороны, он выражает естественную человеческую потребность в принадлежности к конкретному сообществу с его уникальной историей и традициями. С другой – в условиях глобализации он должен учитывать взаимосвязь всех народов перед лицом общих угроз. Разрешение этого противоречия возможно через переосмысление патриотизма не как закрытой системы ценностей, а как открытой этики ответственности, где забота о своем сообществе становится частью заботы о человечестве в целом.

Таким образом, этика патриотизма в современном мире требует тонкого баланса между национальной идентичностью и глобальной ответственностью. Классические концепции, подчеркивающие значение гражданской добродетели,

должны быть дополнены пониманием взаимозависимости всех народов. Конституционный патриотизм предлагает перспективную модель такого синтеза, однако его реализация требует серьезной работы по преодолению как националистических предрассудков, так и абстрактного космополитизма, игнорирующего значение локальных традиций. В конечном счете подлинный патриотизм в глобализирующемся мире должен измеряться не только готовностью служить своей стране, но и способностью видеть ее роль в решении общечеловеческих проблем.

3. Патриотизм как ресурс или препятствие для решения глобальных проблем?

Современная эпоха, характеризующаяся нарастанием глобальных кризисов, требует переосмысления традиционных этико-политических концепций, среди которых патриотизм занимает особое место. С одной стороны, патриотизм как форма коллективной идентичности может мобилизовать общество на решение локальных задач, которые в совокупности способствуют преодолению глобальных вызовов. С другой – гипертрофированный национализм, часто маскирующийся под патриотизм, ведет к усилению протекционизма и конфликтов, подрывая основы международного сотрудничества. В этом контексте особую актуальность приобретают срединные позиции, предлагающие синтез локальной идентичности и глобальной ответственности.

Исторический опыт демонстрирует, что здоровые формы патриотизма могут служить мощным стимулом для решения как локальных, так и глобальных проблем. Экологические движения, возникающие на национальной почве, часто оказываются более эффективными, чем абстрактные призывы к «спасению планеты». Например, немецкий энергетический переход, начавшийся как гражданская инициатива, сочетает заботу о национальной экологической безопасности с вкладом в глобальную борьбу с изменением климата. Аналогично Скандинавские страны успешно реализуют социальные программы, основанные на идее солидарности внутри национального сообщества, которые одновременно служат моделями для снижения глобального неравенства.

Важным аргументом в пользу патриотизма является его потенциал в преодолении исторических конфликтов и построении международного сотрудничества. Послевоенное примирение Франции и Германии, ставшее основой европейской интеграции, зиждилось не на отрицании национальной идентичности, а на ее переосмыслении через призму общих ценностей. Этот пример показывает, что патриотизм, лишенный агрессивного национализма, может стать основой для создания наднациональных институтов, необходимых для решения глобальных проблем.

Однако патриотизм несет в себе серьезные риски, когда превращается в идеологическое обоснование национального эгоизма. Современные международные отношения демонстрируют множество примеров того, как апелляция к «национальным интересам» блокирует решение глобальных проблем. Преодоление дихотомии «патриотизм vs глобализм» требует разработки концепций, способных интегрировать позитивные аспекты обеих парадигм. Одним из наиболее продуктивных подходов является идея «глокализации» – синтеза глобального мышления и локального действия [Чумаков 2023: 131]. Эта концепция предполагает, что ре-

шение глобальных проблем должно начинаться с конкретных территорий, но при этом учитывать их взаимосвязь с мировыми процессами.

Философский анализ показывает, что патриотизм не является однозначным препятствием для решения глобальных проблем, – все зависит от его содержания и направленности. «Закрытый» патриотизм, основанный на противопоставлении «своих» и «чужих», действительно усугубляет мировые кризисы. Однако «открытый» патриотизм, осознающий взаимозависимость современного мира, может стать важным ресурсом для их преодоления.

4. Альтернативы: космополитизм vs патриотизм?

В условиях нарастания глобальных кризисов философская дискуссия о соотношении патриотизма и космополитизма приобретает особую актуальность. Эти два подхода традиционно рассматриваются как противоположные: если патриотизм акцентирует ценность национальной принадлежности и локальной солидарности, то космополитизм утверждает приоритет общечеловеческих ценностей и всемирного гражданства. Однако современные вызовы требуют пересмотра этой дихотомии и поиска путей их продуктивного синтеза.

Истоки космополитического подхода восходят к философии Просвещения. Идея «всемирного гражданства» И. Канта предполагала, что каждый человек обладает моральным статусом, не ограниченным национальными границами. Кантовский космополитизм не отрицал полностью национальную идентичность, но подчинял ее универсальным этическим принципам. Современные последователи этой традиции, такие как Питер Сингер, развивают идеи глобальной справедливости, утверждая, что в условиях взаимозависимости мира моральные обязательства должны распространяться на всех людей независимо от их гражданства. В работе «Один мир: этика глобализации» Сингер доказывает, что принцип «равного учета интересов» требует от богатых стран существенно увеличить помощь развивающимся государствам [Singer 2002].

Космополитический подход особенно важен при решении проблем, которые по своей природе транснациональны: изменение климата, пандемии, миграционные кризисы. Ни одно государство не может самостоятельно справиться с этими вызовами, что подтверждает необходимость наднациональных институтов и солидарности. Однако критики космополитизма отмечают, что абстрактный гуманизм часто оказывается слишком слабым мотиватором для конкретных действий, тогда как патриотизм мобилизует людей через эмоциональную связь с конкретным сообществом [Акопов 2015].

Традиционный патриотизм, основанный на идее безусловного приоритета национальных интересов, действительно вступает в противоречие с необходимостью глобального сотрудничества. Однако философская мысль предлагает более гибкие интерпретации этого понятия. Концепция «умеренного патриотизма» предполагает, что привязанность к своей стране не должна исключать признания моральных обязательств перед человечеством в целом [Nathanson 1989]. Такой патриотизм совместим с глобальной этикой, если он признает равное достоинство всех народов; готов к диалогу и компромиссам в международных отношениях; рассматривает национальные достижения как вклад в общечеловеческую культуру.

Международные коалиции, такие как коалиция по защите озонового слоя (Монреальский протокол 1987) или Глобальный фонд для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией, демонстрируют, что сотрудничество возможно именно на основе общих ценностей, а не вопреки национальным интересам. Эти примеры подтверждают, что патриотизм и космополитизм не являются взаимоисключающими парадигмами, – их можно согласовать через многоуровневую систему идентичностей, где национальная принадлежность дополняется осознанием глобальной взаимозависимости.

Заключение

Современная эпоха глобальных вызовов требует переосмысления традиционных этико-политических концепций, среди которых патриотизм занимает особое место. Проведенное исследование позволяет сделать ряд принципиальных выводов о роли патриотизма в условиях общепланетарных кризисов. Патриотизм как форма коллективной идентичности и социальной солидарности может стать значимым ресурсом для решения глобальных проблем, но лишь при условии его трансформации из замкнутой национальной идеологии в открытую этическую позицию.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что для преодоления глобальных кризисов необходима новая этическая парадигма, способная объединить национальную и общечеловеческую идентичность. Традиционная дихотомия «патриотизм vs космополитизм» оказывается бесплодной в условиях, когда экологические катастрофы, пандемии и экономические кризисы не признают государственных границ. Концепция конституционного патриотизма Ю. Хабермаса, идея глокализации, модель умеренного патриотизма – все эти теоретические разработки указывают на возможность и необходимость синтеза.

Перспективы дальнейших исследований в данной области видятся в нескольких направлениях. Во-первых, требует разработки новая модель гражданственности, соответствующая вызовам антропоцена. Эта модель должна учитывать многоуровневую идентичность современного человека, одновременно принадлежащего к локальному сообществу, национальному государству и глобальному миру. Во-вторых, актуальной задачей является философское осмысление феномена «ответственного патриотизма», который измеряется не только готовностью служить своей стране, но и способностью видеть ее роль в глобальном контексте. В-третьих, необходимо дальнейшее изучение институциональных механизмов, позволяющих согласовывать национальные интересы с общечеловеческими задачами, – от реформирования международных организаций до создания новых форматов глобального управления.

Особое значение приобретает исследование психологических и культурных оснований новой этики патриотизма. Как показала практика, рационального осознания глобальной взаимозависимости недостаточно для мотивации людей к действиям – необходима эмоциональная составляющая. В этом контексте перспективным направлением представляется изучение того, как традиционные патриотические чувства могут быть перенаправлены на решение глобальных проблем.

Формирование этики, которая бы органично сочетала национальную идентичность с глобальной ответственностью, становится условием выживания чело-

чечества в XXI в. Как показывает исследование, подлинный патриотизм в современном мире должен проявляться не в противопоставлении «своих» и «чужих», а в способности видеть свою страну как часть единого человечества, столкнувшегося с общими угрозами. Только открытый, рефлексивный и ответственный патриотизм может стать адекватным ответом на вызовы нашей эпохи.

Литература

Акопов С. В. «Мировое гражданство» глазами его критиков (пять аргументов против «насыщенного» космополитизма М. Нуссбаум) // Управленческое консультирование. 2015. № 2(74). С. 107–114.

Дмитриев Т. А. Аласдер Макинтайр: мораль после добродетели // История философии. 2005. № 12. С. 89–123.

Кант И. К вечному миру. М. : Рипол-Классик, 2018.

Нуссбаум М. Патриотизм и космополитизм // Логос. 2006. № 2. С. 110–119.

Рорти Р. Универсализм, романтизм, гуманизм: лекция. М. : РГГУ, 2004.

Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб. : Росток, 2013.

Стычинский М. С. Эволюция понятия «патриотизм» в исторической ретроспективе: культур-философский анализ [Электронный ресурс] : Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 1(135). URL: <https://history.jes.su/s207987840030002-1-1/> (дата обращения: 09.06.2025).

Хабермас Ю. Политические работы. М. : Практика, 2005.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 3-е изд. М. : Проспект, 2018.

Чумаков А. Н. Роланд Робертсон и его вклад в глобальные исследования // Век глобализации. 2023. № 1(45). С. 128–141.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1994.

MacIntyre A. Is Patriotism a Virtue? 1984 [Электронный ресурс]. URL: <https://kuscholarworks.ku.edu/bitstreams/a8bca1d1-3c6c-443f-81e7-745d09ddc158/download> (дата обращения: 09.06.2025).

Nathanson S. In Defense of “Moderate Patriotism” [Электронный ресурс] : Ethics. 1989. URL: https://www.researchgate.net/publication/249147395_In_Defense_of_Moderate_Patriotism (дата обращения: 09.06.2025).

Singer P. One World: The Ethics of Globalization. New Haven : Yale University Press, 2002.

МЕТОД ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОГО АНАЛИЗА В МЕЖДУНАРОДНЫХ, ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

Киселев С. Г.**

В статье рассматривается метод геоцивилизационного анализа, его применение в глобальных и региональных исследованиях, прежде всего относящихся к изучению сложных международных, геополитических процессов и явлений, связанных с учетом множества факторов, в том числе глубинных фундаментально-ценностных, обуславливающих рост цивилизационно-культурного сознания. Автор обосновывает целесообразность применения данного метода в исследованиях различных аспектов международных отношений, мирового глобального процесса, межцивилизационного взаимодействия, определения перспектив развития геоцивилизаций как субъектов глобальных процессов, выявления наличия / отсутствия предпосылок к возможной экспансии по отношению к соседним геоцивилизациям. Данный метод является частью методологии цивилизационной геополитики как отдельной научной дисциплины, формирующейся в рамках геополитики и глобалистики. Метод способствует изучению природы российской цивилизации, ее системообразующих признаков, места и значения в глобальной системе мировых цивилизаций, особенностей межцивилизационного взаимодействия.

Ключевые слова: глобальные процессы, геоцивилизация, метод геоцивилизационного анализа, цивилизационная геополитика, российская цивилизация.

THE METHOD OF GEOCIVILIZATIONAL ANALYSIS IN INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL STUDIES

The article examines the method of geocivilizational analysis, its application in global and regional studies, primarily related to the study of complex international, geopolitical processes and phenomena related to a variety of factors, including deep, fundamental and valuable ones that determine the growth of civilizational and cultural consciousness. The author substantiates the expediency of using this

* **Для цитирования:** Киселев С. Г. Метод геоцивилизационного анализа в международных, глобальных и региональных исследованиях // Век глобализации. 2025. № 4. С. 48–57. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.05.

For citation: Kiselev S. G. The Method of Geocivilizational Analysis in International, Global and Regional Studies // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 48–57. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.05 (in Russian).

** Киселев Сергей Георгиевич – д. ф. н., профессор Московского государственного лингвистического университета, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: ksg56@mail.ru.

Sergey G. Kiselev – Dr. Phil., Professor of Moscow State Linguistic University, Professor of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail: ksg56@mail.ru.

method in the studies of various aspects of international relations, the global process, intercivilizational interaction, determining the prospects for the development of geocivilizations as subjects of global processes, identifying the presence/absence of prerequisites for possible expansion in relation to neighboring geocivilizations. This method is part of the methodology of civilizational geopolitics as a separate scientific discipline that is being formed within the framework of geopolitics and global studies. The method contributes to the study of the nature of Russian civilization, its system-forming features, place and importance in the global system of world civilizations, and features of intercivilizational interaction.

Keywords: *global processes, geocivilization, method of geocivilizational analysis, civilizational geopolitics, Russian civilization.*

Введение

Актуальность исследования вопроса, поставленного в название статьи, обусловлена нарастанием внимания к исследованию геочивилизаций как субъектов глобальных процессов, что вызвано ростом цивилизационно-культурного сознания в разных регионах, возрастанием влияния цивилизационного фактора на глобальные и региональные процессы. Геочивилизационная матрица современных международных отношений (глобальная система мировых цивилизаций, цивилизационная принадлежность, цивилизационная идентичность) все чаще становится основанием процессов поляризации, фрагментации, регионализации, формирования альянсов, региональных союзов, ассоциаций и иных подобных образований. Не случайно один из классиков цивилизационной теории А. Тойнби отмечал, что «современная мировая политика – это состязание цивилизаций: политическое, экономическое, идеологическое» [Тойнби 1991: 15]. И данный тренд нарастает, что нашло отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г., в которой, в частности, обращено внимание на то, что в мире наблюдается «рост национального самосознания, культурно-цивилизационное разнообразие» [Концепция... 2023].

Одним из инструментов исследования непростых для понимания цивилизационных процессов и явлений предстает метод геочивилизационного анализа (геочивилизационный метод пространственно-временного анализа), который выводится автором из положений классической цивилизационной теории, включающей прежде всего труды Н. Я. Данилевского («Россия и Европа»), О. Шпенглера («Закат Европы»), А. Тойнби («Постижение истории»), С. Хантингтона («Столкновение цивилизаций?», «Запад и столкновение цивилизаций, «If Not Civilization? What? Paradigms of the Post-Cold War World»), Н. Н. Моисеева («Экологический кризис и цивилизационные конфликты»).

Понятие «геочивилизация»

Прежде всего, в качестве предварительного замечания следует отметить, что автор использует локально-культурный подход к пониманию термина «цивилизация». Надо сказать, наличие разных подходов к пониманию этого понятия (другой основной подход – стадийный или формационный) создает определенные методологические сложности. Как справедливо отмечает М. М. Мчедлова в работе «Понятие “цивилизация”: история и методология», «в общественном сознании бывают

ситуации, когда понятия и категории, не будучи синонимами, все же имеют в известной мере совпадающее содержание. Рассматривая одну и ту же социальную реальность, эти понятия, однако, отражают ее с разных сторон, «схватывают» разные аспекты и срезы, поэтому у них различная познавательная функция, различная смысловая и эвристическая нагруженность. Так, один и тот же социальный объект может быть рассмотрен и как общество (то есть вся совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей), и как государство (акцент в таком случае смещен в сторону властных отношений), и как гражданское общество (акцент уже на самостоятельности граждан, гражданских групп), и как формация (то есть внимание сосредоточивается на социально-экономическом строе, существующих классовых отношениях), и как цивилизация...» [Мчедлова 1999: 139].

Эту методологическую сложность, связанную с различиями в понимании термина «цивилизация», позволяет преодолеть, как нам представляется, геоцивилизационный метод. Два десятилетия назад автором было сформулировано понятие «геоцивилизация», которое в определенной степени разрешает данное методологическое противоречие в понимании термина «цивилизация», связанное с наличием двух подходов, обозначенных выше. Это было сделано автором при помощи префикса «гео», который, как известно, указывает на связь с землей, географическим расположением (от древнегреч. γῆ [гэ] – Земля, относящийся к Земле). Термин «геоцивилизация» был введен в научный оборот [Киселев 2000: 2; 2002: 5; 2003] и широко применяется по отношению к локально-культурным общностям, расположенным на планете Земля, составляющим все человечество и являющимися общностями наиболее высокого уровня, выше, чем государство (на протяжении эволюции человечества существовали многие сотни государств, а цивилизаций / геоцивилизаций / локальных цивилизаций, или культурно-исторических типов (по Н. Данилевскому), насчитывается лишь несколько десятков – больше всего (21) насчитал А. Тойнби. А если брать какой-либо отдельный исторический период/этап, то геоцивилизаций существует порядка десяти. Понятие «геоцивилизация» успешно и без споров интегрировалось в отечественный научный дискурс и с успехом применяется учеными, аналитиками и экспертами, использующими геоцивилизационный метод к анализу глобальной реальности, геополитических процессов и фундаментально-ценностных аспектов человеческого существования.

Геоцивилизационный метод пространственно-временного анализа

Пожалуй, трудно спорить с тем, что усложнение явлений и процессов окружающей действительности, в том числе глобальных процессов, требует развития методологии их исследования. Х.-Г. Гадамер [1988: 59] подчеркивал, что «современное понятие науки и подчиненное ему понятие метода для нас недостаточны» и требуют развития. Говоря о важности метода вообще, правильности его выбора, полезно вспомнить совет Гадамера, сформулированный в фундаментальном труде «Истина и метод», который заключается в том, что идеал понимания коренится не в том, чтобы познать, «как вообще развиваются люди, народы, государства, а в том, чтобы понять, каковы этот человек, этот народ, это государство, каково было их становление и т. д.» [Там же: 10]. Не случайно классики цивилизационной теории ввели понятие возраста локальной цивилизации и выводили этапы возникновения

и существования цивилизаций, экстраполируя алгоритм общей периодизации жизни человека: рождение – детство – юность – зрелость – умирание. Видимо, для того чтобы более качественно изучить особенности их эволюционного развития в длительном историческом периоде, изучить в динамике, исследовать их влияние на современное положение дел, включая фундаментально-ценностные аспекты цивилизационного и междивилизационного развития, истоки взаимодействия, взаимовлияния, конфликтности и экспансии. Уместно напомнить, что два столетия назад А. С. Хомяков подчеркивал: «Выньте христианство из истории Европы и буддизм из Азии, и вы уже ничего не поймете ни в Европе, ни в Азии» [Хомяков 1902: 131].

Если говорить применительно к предмету нашего исследования, отметим, что методологическая ценность геочивилизационного метода заключается как в широком охвате аспектов предмета исследования, каковым является крупная локализованная культурно-цивилизационная общность, так и в глубине погружения в материал, в том числе во временном плане. Геочивилизационный метод анализа позволяет предметно изучать геочивилизационный «срез» международных отношений, геополитических процессов, конфликтов и войн, фундаментально-ценностные основания, глубинные геополитические противоречия, «внутренние пружины» событий, явлений, конфликтов, происходящих, прежде всего, на границах цивилизаций (особенно в местах цивилизационных разломов), а также на использовании цивилизационно-контекстного метода, который подразумевает, что явление развивается и изучается не само по себе, а в контексте последовательного развития цивилизации / системы геочивилизаций, разнесенных во времени и пространстве, что позволяет глубже и полнее познать исследуемый феномен, причины изучаемых событий, с возможностью более глубокого проникновения в их суть, а также достаточно достоверного прогнозирования» [Киселев 2023: 41]. Предметное применение данного инструмента позволяет получить ответы на многие вопросы усложняющихся глобальных процессов и международных отношений.

На наш взгляд, автором геочивилизационного метода по праву можно считать нашего соотечественника Н. Я. Данилевского, которого в 1964 г. на заседании Международного общества сравнительного изучения цивилизаций торжественно объявили «пионером методологического подхода пространственно-временной локализации явлений культуры», то есть, иначе говоря, основоположником цивилизационно-культурного подхода к анализу явлений и процессов мирового эволюционного развития.

Геочивилизационный метод пространственно-временного анализа является составной частью методологии цивилизационной геополитики – новой научной дисциплины, изучающей фундаментально-ценностные основания и закономерности становления и развития человечества в формате составляющих его наиболее крупных локальных образований – цивилизаций (геочивилизаций), познающей сложные многофакторные процессы междивилизационного взаимовлияния, взаимодействия/противодействия, диалога и столкновения геочивилизаций [Там же: 24].

Если рассуждать шире, то есть вести речь о методике геочивилизационного анализа, то ее составной частью также является геочивилизационно-прогностический метод. На наш взгляд, он начал применяться в XIX в. в отечественной науке. Примерами его применения можно назвать прогнозы Н. Я. Данилевского

на мировую войну [Данилевский 1991: 75] и В. С. Соловьева на грядущее глобальное столкновение мировых начал – цивилизаций («Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», 1897) [Соловьев 1988]. Через столетие после отечественных мыслителей его применил С. Хантингтон при создании теории столкновения цивилизаций [Huntington 1993: 186–194; Хантингтон 1994: 33–48, 1997: 3–29].

В условиях насущной потребности в прогнозировании развития геочивилизаций, потенциалов и стратегий их стержневых государств-лидеров, реализующих геочивилизационный потенциал, данный метод является необходимым инструментом выявления геочивилизационных вызовов для России и выработки мер адекватного ответа на них. В этом контексте целесообразно также учитывать механизм вызова и ответа, разработанный А. Тойнби.

В комплексе с геочивилизационным методом возможно применение метафизического метода, способствующего пониманию фундаментально-ценностных оснований построения и функционирования человеческого мироустройства, высшими единицами которого являются локальные цивилизации, а проявлением – цивилизационно-культурная матрица глобальных процессов и международных отношений. А также символического метода, который помогает рассмотреть в современных событиях, явлениях и процессах проявления многотысячелетнего поступательного хода мировой истории и ее геочивилизационного контента. Родоначальником символического метода считается русский философ В. С. Соловьев, который признавал важность понимания символов в научном познании и которому принадлежит глубокая по содержанию фраза: «Все видимое нами – только отблеск, только тени от незримого очами» [Соловьев 1990: 75].

Достоинством геочивилизационного метода представляется его способствование выявлению фундаментальных конструктивных особенностей межгосударственных (в том числе военно-политических) союзов и ассоциаций, позволяющих в значительной степени обеспечивать их жизнестойкость и прочность. Речь идет о применении на практике положения, выработанного Н. Я. Данилевским и заключающегося в желательности единой геочивилизационной основы (он именно таковую имел в виду) при создании межгосударственных объединений: «Более-менее тесная связь, будет ли то федерация или только политическая система государств, может и должна существовать только между членами одного культурно-исторического типа – и лишь искусственно и не иначе как к общему вреду может распространяться далее пределов того же типа; ибо общественная связь требует как необходимого своего условия подчинения частных интересов (личных, общественных, областных, даже государственных) более общим интересам высшей группы; и, следовательно, если связь переходит за границу культурно-исторического типа – высшей исторической единицы, то лишает его должной самостоятельности в достижении его целей» [Данилевский 1991: 103].

В качестве практического примера долговечности альянсов на таковой локально-цивилизационной основе можно назвать Североатлантический альянс (НАТО), существующий более 75 лет, в уставе которого (в преамбуле) записано: «Договаривающиеся стороны преисполнены решимости защищать свободу, общее наследие и цивилизацию своих народов» [НАТО... 1995: 223]. В случае с НАТО также

просматривается реализация идеи У. Черчилля, сформулированной им в знаменитой фултонской речи, а именно: «защита западно-христианской цивилизации от растущей угрозы» [Черчилль 2007: 163–170].

Кстати, создаваемый сейчас в Индо-Тихоокеанском мегарегионе блок *AUKUS* (США, Великобритания, Австралия) формируется на единой субцивилизационной англо-саксонской основе. (Автор выделяет несколько субцивилизаций в рамках западной геочивилизации – западноевропейскую, североамериканскую, австрало-новозеландскую – и допускает выделение отдельной англосаксонской субцивилизации.) Контент-анализ фултонской речи Черчилля показывает, что первоначальной его идеей формирования западного военно-политического блока (будущего НАТО) было объединение только англосаксонских стран [Киселев и др. 2022: 27].

Вполне возможно, что на наших глазах формируется тренд реконфигурации, переформатирования политических и иных союзов и объединений с упором на геочивилизационную матрицу. Еще один пример в данном контексте – создание *СЕЛАК*, объединяющего 33 страны латиноамериканской цивилизации и активно позиционирующего свою цивилизационную самобытность и идентичность. К проявлениям данного тренда можно отнести формирование цивилизационных проектов, как региональных (их немало), так и глобальных (например, глобальный китайский проект «единой судьбы человечества», активно позиционируемый начиная с 2012 г.), проект «Россия – самобытное государство-цивилизация» и др.

Геочивилизационный метод и динамика функционирования геочивилизаций

Применение геочивилизационного метода позволяет изучить/проследить динамику функционирования геочивилизаций, определить, на какой стадии своего развития она находится – подъема или спада. Это важно, поскольку с точки зрения классической локально-цивилизационной теории данный параметр характеризует ее возможную перспективу, так как история цивилизаций знает примеры трансформации – когда одна общность становится основой другой/других, поглощения одной цивилизации другой, гибели, превращения ее, по выражению Н. Я. Данилевского, «в этнографический материал для другой цивилизации». И чаще всего данные процессы тесно увязаны с состояниями подъема/спада в развитии данной человеческой общности. Обратим еще раз внимание на то обстоятельство, что изначально, 5 тыс. лет назад, сформировалось менее десяти цивилизаций, в том числе известные «речные» цивилизации. И сейчас их примерно такое же число, то есть около десяти (кто-то называет число семь, кто-то – восемь, кто-то – девять). И опять же в течение всей истории «организованного» человечества их было примерно столько же в каждый конкретный период. Из тех первых до нас дошли только две – китайская (конфуцианско-буддистская) и индийская (индуистская), остальные трансформировались или исчезли, а на их место пришли другие. Использование геочивилизационного метода обязательно учитывает данную особенность, в том числе для определения перспектив существования и развития.

Геоцивилизационный метод и геоцивилизационные вызовы

Исследование глобальных геополитических и иных международных процессов при помощи геоцивилизационного метода позволяет учитывать характерное свойство, имманентно присущее любой геоцивилизации, которое можно считать ее «основным инстинктом» [Киселев 2003]. Это свойство естественное, имманентно присущее, оно формируется на глубинном уровне и проявляется двуедино. С одной стороны, оно изначально реализуется в стремлении к самосохранению и приумножению своих ценностей – духовно-культурных (прежде всего) и материальных, а также к сохранению общности как единого целого. А с другой – проявляется в стремлении к возможно максимальному расширению вовне, которое осуществляется посредством экспансии, направленной на расширение территории, границ или же влияния и контроля над жизненными благами и ресурсами соседей, осуществления давления и ударов, в разных формах, а также на распространение на них своих культурных ценностей (это действие Тойнби образно назвал «культурной радиацией», «культурным облучением»). Можно констатировать, что данное свойство представляется весьма значимым стимулом геоцивилизационной активности и эволюции, поскольку эволюция в реальности происходит в конкуренции и противоборстве разных сил с различными целями и интересами, и не всегда обоюдовыгодно, а нередко – в пользу одних и в ущерб другим. И если геоцивилизация почувствует, что соседняя слабее ее, – она, как правило, экспандирует по отношению к ней в той или иной форме. В этом смысле можно констатировать, что слабость провоцирует цивилизационных соседей на активные действия.

Для аналитиков и экспертов геоцивилизационный метод полезен тем, что лежит в основе применения методики определения предпосылок/признаков возможных экспансионистских действий одной какой-либо геоцивилизации по отношению к другой, то есть определения геоцивилизационных вызовов. Данная методика исходит из принципа экспансии цивилизации, первоначально сформулированного Данилевским и развитого Шпенглером, который, собственно, ввел сам термин «принцип экспансии» [Шпенглер 1993: 234], а также Тойнби и Хантингтоном. Как подчеркивал Данилевский, «народы, которые принадлежат к одному культурно-историческому типу, имеют естественную склонность расширять свою деятельность и свое влияние, насколько хватит сил и средств, как это делает и всякий отдельный человек. Это естественное честолюбие необходимо приводит в столкновение народы одного культурного типа с народами другого, независимо от того, совпадают ли их границы с отчасти произвольно проведенными географическими границами частей света (что, конечно, иногда может случиться) или нет» [Данилевский 1991: 306–307].

Согласно данной методике, к основным предпосылкам возможных экспансионистских действий одной какой-либо геоцивилизации (составляющих ее государств или ее лидера/лидеров/стержневых государств) относятся: 1) высокая динамика роста народонаселения, особенно демографический взрыв; 2) высокая динамика экономического роста, особенно экономический бум; 3) усиление военной мощи, значительное увеличение военных расходов, закупок вооружения и военной техники; 4) активные внешнеполитические устремления, притязания, агрессивные стратегии и доктрины.

Из выявленных предпосылок формируются соответствующие признаки, позволяющие определять геочивилизационные вызовы, степень вероятности их реализации, формирование вариантных сценарных прогнозов и т. д., что весьма важно в условиях усложняющейся глобальной картины мира, в определенной степени формирующейся (отметим еще раз) на геочивилизационной матрице.

Определение системообразующего признака российской цивилизации

В современной политической науке имеет место не в полной мере решенный вопрос формулирования понятия «российская цивилизация», как, впрочем, и ее существования, принадлежности к глобальной цивилизационной структуре – системе геочивилизаций. На наш взгляд, проблемные вопросы проистекают в том числе ввиду нечеткой сформулированности системообразующего признака российской цивилизации. Нельзя сомневаться в существовании российской цивилизации, ссылаясь, например, на отсутствие в России единой религии и прямолинейно опираясь при этом на авторитетное мнение Тойнби о том, что системообразующим признаком цивилизации является именно религия. Да, действительно, нельзя не признать определяющей роли религии / единой религии, но прежде всего именно на начальном этапе становления цивилизации. Отметим, что сам Тойнби расширил понимание этого вопроса на завершающем этапе своего творчества за счет иных признаков цивилизации, формирующихся в процессе эволюции. Кстати, Тойнби, написавший 12 томов «Постижения истории» и составивший несколько классификаций цивилизаций, в последнем томе своего фундаментального труда включил Россию в систему мировых цивилизаций, назвав ее «русской цивилизацией» и посвятив ее особой роли, месту и значению в глобальной эволюционной человеческой истории отдельную главу этого тома [Тойнби 2002: 227].

Таким образом, геочивилизационный метод помогает в решении проблемных вопросов. Его применение позволило автору сформулировать системообразующий признак российской цивилизации, учитывая самобытность России, ее культуры и исторического пути, факт ее «отпочкования» на определенном этапе от православно-византийской цивилизации, трансформацию в самостоятельную с сохранением прочных связей с православным миром. Таковым признаком представляется *единая историческая судьба* населяющих страну многочисленных народов, относящихся ко многим религиозным направлениям (включая все мировые религии), сложившаяся в результате многовекового общего проживания и совместного преодоления исторических вызовов, опасностей и угроз. Сформировался синкретизм между христианско-православным ядром и мусульманскими, буддистскими и иными элементами-вкраплениями в исходную византийско-православную ткань. Мирное многовековое сосуществование этих элементов представляет собой прочный фундамент конструкции российской геочивилизации.

Значительную роль в этом процессе сыграла двойная (двухуровневая) российская цивилизационная идентичность, проявляющаяся в том, что представители каждого из населяющих страну народов (чуваши, калмыки, хакасы и т. д.) на первом уровне идентичности ощущают себя частью своей этнической и конфессиональной культуры (чувашской, калмыцкой, хакасской и т. д.), а на втором (более

высоком) уровне идентичности воспринимают себя органической частью многонациональной, поликонфессиональной общероссийской культуры.

Уместно также отметить, что действительно у Тойнби цивилизация выходила из «куколки»-религии (церкви). А вот у Шпенглера объяснение несколько иное – из «куколки»-культуры может происходить иная культура-цивилизация. Кстати сказать, именно у Шпенглера Тойнби перенял данный термин «куколка» как системообразующую основу. Шпенглер в труде «Закат Европы» включил Россию в свою классификацию мировых цивилизаций под названием «русская или формирующаяся русско-сибирская цивилизация» [Шпенглер 1993: 337].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующее понятие российской цивилизации. Российская цивилизация – это локально-цивилизационная формация, полиэтническая и многоконфессиональная историко-культурно-социальная общность людей с широким этнокультурным, языковым, религиозным, расовым и национальным многообразием, проживающая на значительной части евразийской территории, объединенная длительным многовековым опытом тесного совместного проживания, единой исторической судьбой, образом жизни, системой ценностей, традициями, языком общения и в целом – российской культурой. Исторический путь российской цивилизации включает ряд этапов: византийско-православный, этап Московского царства, имперский, советский этапы.

Заключение

Усложнение явлений и процессов окружающей действительности, в том числе глобальных процессов, требует развития методологии их исследования. В числе методов, позволяющих получить релевантную картину мира в условиях изменяющегося мироустройства со свойственными ему поляризацией и обострившейся глобальной конкуренцией, определенное место занимает метод геочивилизационного анализа (геочивилизационный метод пространственно-временного анализа).

Метод помогает рефлексировать сложные аспекты, связанные с цивилизационной проблематикой, – межцивилизационное соперничество, конкуренцию, экспансионистские механизмы, опасности цивилизационных разломов, исторические межцивилизационные «обиды» и т. д. Например, позволяет рассматривать их через призму двусторонности межцивилизационного взаимодействия, в котором, с одной стороны, мы видим общение, диалог, взаимовлияние, взаимообогащение достижениями локальных культур, а с другой – соперничество, конкуренцию, конфликтность, столкновение цивилизаций.

Метод геочивилизационного анализа является важной частью методологии цивилизационной геополитики, вкладом в методологию как общую теорию метода в условиях насущной потребности в обобщении, разработке и адаптации способов, приемов и средств, применяемых в познании сложнейших историко-социально-культурных явлений, каковыми являются геочивилизации как субъекты международных отношений, изучении и мониторинге глобальных геочивилизационных процессов, прикладным инструментом для исследователей, аналитиков и экспертов.

Литература

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991.

Киселев С. Г. Экономический и демографический аспекты сравнительного анализа геочивилизаций. М. : РАГС при Президенте Российской Федерации, 2000.

Киселев С. Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М. : Известия, 2002.

Киселев С. Г. Геочивилизация // Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003. С. 172–174.

Киселев С. Г. Цивилизационная геополитика: методологический аппарат // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Общие науки. 2023. № 4 (853). С. 24–30.

Киселев С. Г., Кефели И. Ф., Опокин А. Б. Из-за железного занавеса в сети гибридной войны (эхо Фултонской речи Черчилля) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 24–33.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 07.05.2025).

Мчедлова М. М. Понятие «цивилизация»: история и методология // Философия и общество. 1999. № 1. С. 139–153.

НАТО: справочник. Брюссель : Бюро информации и печати НАТО, 1995.

Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории / В. С. Соловьев // Соч.: в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1988. С. 635–762.

Соловьев В. С. Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М. : Московский рабочий, 1990.

Тойнби А. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М. : Рольф, 2002.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М. : Мысль, 1993.

Хомяков А. С. Записки о всемирной истории / А. С. Хомяков // Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 5. М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис (Политические исследования). 1994. № 1. С. 33–48.

Хантингтон С. Запад и столкновение цивилизаций. М., 1997.

Черчилль У. Мускулы мира. Речь в Вестминстерском колледже, г. Фултон, штат Миссури, США, 5 марта 1946 г. // Геополитика. Классические школы геополитики. Современная российская геополитика: хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. СПб. : Питер, 2007. С. 163–170.

Huntington S. If Not Civilization? What? Paradigms of the Post-Cold War World // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 5. Pp. 186–194.

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ КАК ФЕНОМЕН ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Леонова О. Г.**

Понятие «Глобальный Юг» все чаще используется в современном политическом дискурсе. В условиях перехода к новому мировому порядку появилась тенденция выделять страны Глобального Юга как отдельную группу. Однако его содержание и границы не совсем ясны. В данной статье автор делает попытку раскрыть содержание термина «Глобальный Юг» и уточнить его географические и геополитические границы. Выявлены характерные черты данного феномена и признаки, по которым страну можно отнести к категории Глобального Юга. Определено общее, что объединяет страны Глобального Юга, и показаны различия между ними.

Глобальный Юг не является геополитическим блоком, но представляет некий достаточно аморфный кластер, включающий в себя сумму уникальных элементов. Данный кластер играет роль буфера между западным и незападным геополитическими проектами и формируется как глобальная сетевая структура.

Ключевые слова: глобальные политические процессы, Глобальный Юг, Глобальный Север, развивающиеся страны, глобальная сетевая структура.

THE GLOBAL SOUTH AS A PHENOMENON OF THE GLOBALIZATION PROCESS

The term “Global South” is increasingly used in contemporary political discourse. In the context of the transition to a new world order, there is a tendency to single out the countries of the Global South as a separate group. However, its content and boundaries are not entirely clear. In this article, the author attempts to reveal the content of the term “Global South” and clarify its geographical and geopolitical boundaries. The characteristic features of this phenomenon and the signs by which a country can be classified as belonging to the Global South have been identified. The common features of the Global South countries have been identified, and the differences between them have been shown.

The Global South is not a geopolitical bloc, but a rather amorphous cluster that includes a sum of unique elements. This cluster plays the role of a buffer be-

* **Для цитирования:** Леонова О. Г. Глобальный Юг как феномен процесса глобализации // Век глобализации. 2025. № 4. С. 58–70. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.06.

For citation: Leonova O. G. The Global South as a Phenomenon of the Globalization Process // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 58–70. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.06 (in Russian).

** Леонова Ольга Георгиевна – д. полит. н., профессор факультета глобальных процессов имени М. В. Ломоносова. E-mail: politolga@gmail.com.

Olga G. Leonova – Dr. Polit., Professor of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: politolga@gmail.com.

tween Western and non-Western geopolitical projects and it is formed as a global network structure.

Keywords: *global political processes, Global South, Global North, developing countries, global network structure.*

Определение термина «Глобальный Юг»

Концепция Глобального Юга не нова. Но в последнее время наблюдается всплеск интереса к данной теме. Уже в 2015 г. польский исследователь Марек Ревизорски отмечал, что «растущее участие незападных стран» в глобальном управлении «становится все более очевидным» [Rewizorski 2015: 36]. После периода некоторого затишья в 1990-х и начале 2000-х гг. идея Глобального Юга в последние годы снова становится актуальной в академических кругах и в международном дискурсе, а Financial Times даже объявила эту фразу словом года в 2023 г.

Фрида Гитис считает, что сегодня «каждый год имеет решающее значение, и неожиданные события могут изменить ход истории в любой момент» [Ghitis 2024]. И в этом свою роль вполне может сыграть та сила, которую принято называть «Глобальный Юг».

Траектория развития глобальных политических процессов не остается неизменной, но находится в динамике, которая ускоряется фактически с каждым годом [Ильин, Леонова 2022]. Почти одновременно происходит большое количество важнейших событий, формируются тенденции, которые имеют явно противоположную направленность, и, взаимодействуя друг с другом, они усиливают неустойчивость и турбулентность глобального мира. Эти события и новые тренды, происходящие в экономической и политической сферах жизнедеятельности мирового сообщества, порождают новые глобальные вызовы и требуют немедленного ответа со стороны глобального сообщества [Leonova 2022: 163–178].

Тенденция к изоляционизму, заложенная Д. Трампом во внешней политике США в бытность его президентом [Шуйн, Леонова 2022], может вновь себя проявить, будучи принятой на вооружение Республиканской партией. Тогда снова возникнет «глобальный вакуум власти» [Ghitis 2024], который могут занять страны Глобального Юга во главе с их лидерами.

История термина «Глобальный Юг» восходит к эссе Антонио Грамши «Южный вопрос», написанному им в 1926 г., в котором он впервые поднял идею менее развитого южного региона. Грамши сравнил промышленно развитый и богатый регион Северной Италии с менее развитым Югом и пришел к выводу, что последний был колонизирован капиталистическим Севером. Его выводы получили дальнейшее развитие во время холодной войны, когда в 1952 г. французский демограф Альфред Сови разделил международное общество на миры, отличающиеся как по доходам, так и по идеологии. Согласно его теории, страны первого мира – это государства капиталистического Запада, второй мир составляют СССР и его социалистические союзники, а недавно освободившиеся от колониальной зависимости и бедные страны были названы странами третьего мира. В 1969 г. американский левый активист Карл Огльсби назвал этот третий мир Глобальным Югом, когда он констатировал «доминирование Севера над Глобальным Югом» [Miller 2024].

Когда в 1955 г. в Индонезии, в городе Бандунг, состоялась первая азиатско-африканская конференция, это было первое собрание стран Глобального Юга.

Среди ее участников были не только государства, которые мы сегодня считаем Глобальным Югом, но и так называемые средние державы – Саудовская Аравия, Иордания и Турция. Самым важным вопросом повестки дня конференции для этих стран, многие из которых еще недавно были колониями, стало противодействие колониализму и расовой дискриминации. Именно на этой конференции родилась идея неприсоединения, которая трактовалась как отказ принимать сторону какой-либо сверхдержавы во время холодной войны [Miller 2024].

Тенденция выделения стран Глобального Юга как особой группы стала особенно заметной после краха Бреттон-Вудской системы, когда началось постепенное «распределение власти между тремя регионами: Северной Америкой, Западной Европой и Восточной Азией» [Rewizorski 2015: 28].

С. Р. Мохан полагает, что термин «Глобальный Юг» возник в результате постколониальных разногласий между Западом и остальными странами по нескольким направлениям: развитые и развивающиеся, богатые и бедные, сильные и слабые. Комиссия, возглавляемая бывшим канцлером Германии Вилли Брандтом, в своем докладе 1980 г. констатировала этот разрыв, буквально проведя линию водораздела на карте мира. Так называемая линия Брандта стала олицетворять способ мышления Запада в его политике по отношению к развивающимся странам [Mohan 2023].

Не так давно западные политики не допускали даже возможности того, что остальной мир может придерживаться мнений, отличных от их собственных. Были и некоторые исключения: правительства, которые Запад считал «хорошими партнерами» (это те национальные политические элиты, которые у себя в стране продвигали экономические интересы США и европейских держав), получали бенефиции, даже если их внутренняя политика не вполне соответствовала западным ценностям. Но после окончания холодной войны большинство западных политиков ожидали, что развивающиеся страны со временем примут западные модели демократии и либеральной экономики. Они не могли даже предположить, что незападные государства могут пожелать идти своим путем развития, формулировать свои национальные интересы и воспринимать международное распределение власти как несправедливый пережиток колониального прошлого. Лидеры, которые высказывали такие взгляды (например, президент Венесуэлы Уго Чавес), становились изгоями в мировой политике [Его 2024].

Сегодня, напротив, многие западные ученые и политики рассматривают существование Глобального Юга со своей спецификой как несомненный факт. Некоторые незападные лидеры уже начали формулировать приоритеты коллективного, хотя пока еще довольно аморфного, Глобального Юга. Так, во время встречи «Большой двадцатки» в Индии в 2023 г. премьер-министр Нарендра Моди провел виртуальный саммит «Голос Глобального Юга за человекоцентричное развитие» [Miller 2024].

Постепенно произошло официальное признание понятия «Глобальный Юг», хотя сам этот термин является концептуально размытым. Пока еще не существует четкого определения Глобального Юга, но его обычно используют для обозначения большинства стран Африки, Азии и Латинской Америки. Он объединяет и влиятельных членов «Большой двадцатки», таких как Бразилия и Индонезия, и наименее развитые страны Африки и Азии. У этих стран действительно есть некоторый общий исторический опыт и сходные цели, такие как, например, изменение баланса сил в международной системе.

Но далеко не все принимают данный термин и задаются вопросом, насколько целостной является эта единица. Существует ли в реальности некий гомогенный кластер стран, которые мы относим к Глобальному Югу? Ведь у этих стран могут быть совершенно разные интересы, ценности и перспективы. К. Эро убежден, что данный термин не может быть неким антитезным аналогом понятия «Запад» и вводит в заблуждение своей простотой [Его 2024].

Поэтому проблема терминологии остается пока нерешенной. Западный мир тоже не представляет собой единого целого, хотя считается, что у него общая цивилизационная матрица. Тем более это касается стран Глобального Юга, многие из которых принадлежат различным цивилизациям и культурам, и в силу этого у них нет и не может быть общей идентичности. Как полагает С. Р. Мохан, объединение огромного, разнообразного и широко рассредоточенного незападного мира в единую категорию с предположительно схожими интересами стало удобным сокращением в дебатах по самым разным вопросам: от климатической политики до реакции на пандемию COVID-19 и т. д. [Mohan 2023].

География и характеристика Глобального Юга

Итак, существует ли такая вещь, как Глобальный Юг? Речь идет о 120 странах, которые обычно относят к этой категории. И здесь мы сталкиваемся с отсутствием точного понятия «Глобальный Юг».

С *географической* точки зрения понятие «Глобальный Юг» не является релевантным. Наблюдается некоторая географическая путаница, поскольку термин «Глобальный Юг» включает в себя множество стран, например стран Северной Африки, а также Китай и Индию, которые находятся в Северном полушарии. И можно ли отнести к Глобальному Югу, например, Китай, в котором морозы зимой в регионе Внутренняя Монголия доходят до 40 градусов ниже нуля?

С точки зрения *темпов развития экономики* данный термин также не является точным. Можно ли отнести Индию, третью экономику мира, к странам Глобального Юга? Кроме того, многие южные страны в Азии и в Африке имеют более высокие темпы роста ВВП, чем страны Европы. Более того, абсурдным было бы включать в эту категорию некоторые страны – например, Саудовскую Аравию, Катар или ОАЭ, учитывая их нефтяные богатства. А Глобальный Юг сегодня в основном понимается как группа стран, отнесенных Всемирным банком к странам с низким или средним уровнем дохода [Miller 2024].

Деление стран на развитые и развивающиеся также не проясняет ситуацию. Китай официально позиционирует себя как развивающееся государство. Однако «для китайцев понятие “развивающееся государство” в большей степени относится к исторической, политической и культурной специфике страны, нежели к уровню ее экономического развития» [Кривохиж, Соболева 2023: 182].

Поэтому понятие «Глобальный Юг» не является ни географическим, ни экономическим показателем.

Можно ли объединить страны Глобального Юга по каким-то *политическим параметрам*? Здесь есть разные точки зрения.

После окончания холодной войны и краха колониализма Движение неприсоединения уже не является актуальным признаком для включения стран, в нем участвующих, в категорию «Глобальный Юг». Но идея противодействия любому виду неоимпериалистического, то есть западного, доминирования и вмешательства продолжала оставаться их общим признаком [Miller 2024].

Китайский философ Оуян Кан предложил оригинальную классификацию стран глобального мира: «Все страны можно разделить на два типа в зависимости от их промышленного потенциала и различий в ресурсах, которыми они обладают. Те из них, которые обеспечены ресурсами и экономически достаточно развиты, получают и большую выгоду от современной глобализации. А те, которые не обладают богатыми ресурсами и не имеют сильного экономического потенциала, не могут воспользоваться преимуществами, которые предоставляет глобализация, и даже становятся относительно более бедными, а то и вовсе могут впасть в нищету». Оуян Кан считает, что «между положением, занимаемым различными странами в процессе глобализации, вкладом, который они вносят, и вознаграждением, которое они получают», существует большой разрыв, который он называет «огромной иррациональностью» [Чумаков, Оуян Кан 2024: 13].

Данная классификация помогает определить признаки, по которым страну можно было бы отнести к категории Глобального Юга. Это, во-первых, ее статус в глобальной иерархии; во-вторых, ее вклад в глобальную экономику, что косвенно определяет ее роль в мировой политике; в-третьих, дивиденды, которые она получает или не получает, участвуя в глобализации.

Общее между странами Глобального Юга

До сих пор существуют иллюзии существования некоего коллективного незападного мира [Mohan 2023]. Однако из виду упускается многообразие, которое включает в себя этот термин. Рассмотрение Глобального Юга как более или менее сплоченной коалиции стран – это слишком упрощенный подход, который игнорирует индивидуальные особенности этих стран [Его 2024].

Да, у них есть общие проблемы, такие как большой внешний долг, изменение климата, демография (взрывной рост населения), политическая нестабильность и др., которые оказывают существенное влияние на их внешнюю политику.

Страны Глобального Юга также имеют и некоторые общие цели, что дает им определенные стимулы для координации их действий и мировой политике. Большинство этих государств боролись против колониализма, являлись членами Движения неприсоединения и Группы 77 – коалиций, которые объединяли развивающиеся страны во время холодной войны. До сих пор они продолжают сотрудничать в этих объединениях в рамках Организации Объединенных Наций.

Но национальные интересы государств Глобального Юга не совпадают, и, как показывает их позиция в ООН, не все из них рассматривают свои страны как члены данного довольно аморфного кластера. В ходе дебатов в Генеральной Ассамблее по политике развития небольшая группа сторонников жесткой линии Группы 77, возглавляемая Кубой и Пакистаном, настаивала на агрессивном подходе к переговорам о реформах международной финансовой системы с Соединенными Штатами и Европейским союзом. Эта группа осуждает Запад за неспособность выполнить прошлые обещания по оказанию помощи. Однако многие другие члены Группы 77 выражают свое несогласие по поводу этой, как они считают, слишком жесткой дипломатии, так как полагают, что она может подорвать усилия по достижению договоренностей с США и ЕС по вопросу снижения их долгового бремени [Его 2024]. Многие незападные страны в Генеральной Ассамблее ООН выступают против политики Израиля на Ближнем Востоке [Mohan 2023].

Справедливо и представление о том, что некоторые (но не все!) страны Глобального Юга находятся в противоречии с Глобальным Севером.

Правительства многих крупных незападных держав пытаются играть более активную роль на мировой арене. Время показывает, что страны Глобального Юга все более успешно ориентируются в меняющемся глобальном мире и умело используют появляющиеся возможности для продвижения собственных интересов. Для многих из них стала нормой многовекторная политика, «бамбуковая дипломатия» и умение использовать конкуренцию великих держав в своих интересах.

Так, регион Южной Азии всегда характеризовался повышенной конфликтностью. Но сегодня эти страны впервые объединились в работе над совместными большими проектами. Бангладеш, Индия и Непал работают над новой инициативой по совместному использованию электроэнергии. Индия подписала план масштабного транснационального транспортного проекта – экономического коридора «Индия – Ближний Восток – Европа», Пакистан заключил с Китаем договор о строительстве железной дороги, Афганистан выразил желание присоединиться к китайской инициативе «Пояс и путь».

Взаимоотношения между странами Глобального Юга в ближайшем будущем будут зависеть от результатов выборов, которые прошли во многих странах в 2024 г. Результаты этих выборов могут либо «создать почву для новой политической напряженности» [Kugelman 2023], либо дать новые стимулы для углубления сотрудничества.

Различное между странами Глобального Юга

Можно ли рассматривать страны Азии, Африки и Латинской Америки как некий геополитический блок? Очевидно, нет. Между развивающимися странами существует определенная напряженность. Одни незападные государства ориентированы на сближение с БРИКС, другие, даже разочарованные международным порядком, который часто работает против их интересов, все же предпочитают развивать взаимоотношения с США и их союзниками. Поэтому представление, что они действуют как геополитическое единое целое, является явным заблуждением.

Ввиду своего цивилизационного и культурного разнообразия, имеющих у них уникальных проблем и открывающихся перспектив, страны Глобального Юга не являются сплоченной коалицией. Даже с учетом их во многом совпадающих позиций в мировой политике эти страны не действуют как единое целое. Расходящиеся и даже противоположные экономические интересы, политические системы, стратегии развития, обеспеченность ресурсами – все это противоречит идее Глобального Юга как коалиции развивающихся стран. Более того, разная этническая и религиозная идентичность могут порождать (и порождают) конфликты между ними. Мы являемся свидетелями таких многочисленных региональных и локальных конфликтов в Азии и в Африке.

Поэтому Глобальный Юг – это, скорее всего, некий кластер, включающий в себя все многообразие этих стран и представляющий сумму уникальных элементов.

Раскол внутри предполагаемого Глобального Юга выходит за рамки экономических вопросов. Например, некоторые латиноамериканские страны, возглавляемые либеральными правительствами, хотели бы продвигать прогрессивные программы по гендерным вопросам и правам ЛГБТ в ООН, но они сталкиваются

с оппозицией со стороны более консервативных членов G77, включая многие государства с мусульманским большинством. Бразилия и Индия уже давно претендуют на постоянные места в Совете Безопасности, но региональные соперники, такие как Аргентина и Пакистан, стремятся помешать им. И, хотя у западных дипломатов часто есть практические причины держаться вместе, те, кто представляет более крупные державы, ставят свои национальные позиции выше групповой солидарности, когда им это удобно [Его 2024].

Страны Глобального Юга имеют разные геополитические векторы: Индия, обеспокоенная китайской гегемонией, укрепляет стратегическое партнерство с США. Вьетнам, несмотря на коммунистическую идеологию и риторику, также заявляет о своем стратегическом партнерстве с Соединенными Штатами и в то же время не отказывается от партнерства с Россией. Филиппины, в попытке противостояния с Китаем, все более сближаются с Америкой и Японией. Малайзия заявляет о своем желании присоединиться к БРИКС, Индонезия заняла выжидательную позицию и т. д. Африканский континент стал полем конкуренции глобальных держав за влияние, что ставит страны Африки перед сложным геополитическим выбором, чью сторону принять.

В сфере глобальной экономики Глобальному Югу также нелегко создать коалицию против Запада – слишком очевидны различия. Так, странам – производителям и потребителям энергоносителей всегда было трудно согласовать свои противоречивые интересы. В области климатической политики также существуют глубокие глобальные разногласия. Некоторые страны поддерживают требования США и Европы отказаться от ископаемого топлива. Но большинству развивающихся стран для ускорения своего развития и решения внутренних экономических проблем нужно больше энергии, потому что они хотят продолжать использовать уголь и другие виды ископаемого топлива. Нефтедобывающие страны Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки также не готовы отказаться от основного источника своего богатства [Mohan 2023].

Несмотря на эти разногласия, все же тенденции к большему сплочению преобладают. Эти тенденции к наращиванию взаимопонимания и сотрудничества основаны на их общем неприятии мира, в котором доминирует Запад, и их цели, направленной на уменьшение геополитического влияния Соединенных Штатов. «Для многих наблюдателей, особенно в незападном мире, либеральный мировой порядок, который годами формировал международную систему, больше не служит своей цели» [Multilateralism 2018: IX]. Поэтому формирующаяся экономическая и политическая кооперация, все чаще проявляющиеся согласованные действия стран Глобального Юга будут «стимулировать смену парадигмы» и создавать их общую нормативную и практическую базу [Hsieh 2018: 683].

США создали либеральный мировой порядок, который отражает американские интересы и расширяет их влияние. Страны коллективного Запада, которым этот порядок выгоден, его активно поддерживают и продвигают. У несогласных с таким положением дел стран Глобального Юга есть проблема координации коллективных действий в противостоянии ему. Все страны – претенденты на роль лидеров Глобального Юга постепенно образуют мощный кластер, вокруг которого могут объединиться недовольные существующей мировой системой и желающие реструктуризации международных отношений. Так зарождается новый центр силы, который может стать якорем притяжения для стран, бывших когда-то гло-

бальной периферией. Формирующаяся геополитическая ось знаменует собой становление новой международной системы, а предлагаемая ею идея альтернативного мирового порядка становится все более востребованной и конкурентоспособной.

Что мешает объединению стран Глобального Юга

Есть несколько факторов, которые мешают объединению стран Глобального Юга.

Первый фактор – *безопасность*. Например, Китай обеспокоен угрозой терроризма в Афганистане и Пакистане, грозящей серьезными рисками для его инвестиционных планов. Продолжение войны в секторе Газа и события в Сирии могут подорвать формирующуюся активную политику Индии на Ближнем Востоке.

Вторым ключевым фактором является *неспособность и невозможность найти необходимое финансирование* для совместных экономических проектов, особенно в области трансграничной инфраструктуры (строительство железных и автодорог, аэропортов, нефте- и газопроводов и т. д.).

Третий фактор – *проблемы в принятии решений и бюрократические преграды* в их реализации, что является традицией для многих развивающихся государств и служит препятствием для совместных проектов.

Четвертый фактор – *отсутствие единого признанного лидера* стран Глобального Юга. Ключевые акторы Глобального Юга – Китай, Индия, Бразилия, ЮАР – позиционируют себя в качестве его лидера. Каждая из этих держав считает, что именно она может наилучшим образом представлять и защищать интересы Глобального Юга^{***}. Но когда чиновники в более бедных странах смотрят на состав претендентов, они часто задаются вопросом, есть ли у них что-то общее с этими крупными и средними державами. Небольшие и бедные страны беспокоятся о том, что их вынудят сыграть роль «Юга» Глобального Юга [Ero 2024], и они часто сталкиваются с дискриминацией не только со стороны бывших колониальных правителей, но порой и со стороны некоторых западных государств.

Однако в условиях возросшей нестабильности эпохи перехода к новому мировому порядку эти государства начинают понимать: чтобы выжить, им необходимо формировать общую стратегию и тактику по отношению к происходящим событиям и политике коллективного Запада. И такая стратегия постепенно складывается в рамках региональных систем и подсистем Азии, Африки и Латинской Америки и в процессе формирования местных версий «субрегионального порядка» [Multilateralism 2018: 20]. Уже есть группа стран – региональных держав, которые могут повести за собой своих соседей в большую политику. И все они являются членами группы БРИКС, которую уже сегодня называют рупором интересов стран Глобального Юга. Очевидно, в будущем мы увидим феномен коллективного лидерства в кластере стран Глобального Юга.

Глобальный Юг и Глобальный Север

Сотрудничество между странами Глобального Юга постепенно растет, и оно способствует развитию и углублению их экономических, военных, политических и технологических связей. Благодаря такому сотрудничеству эти государства мо-

^{***} Этот вопрос борьбы за лидерство требует отдельного рассмотрения, что не входит в задачи настоящей статьи, и ограниченные рамки ее объема не позволяют это сделать.

гут сверять свои цели, выявлять сходные интересы, формировать общую риторику и координировать свою деятельность. Их скоординированные действия в сфере глобальной экономики и политики могут дать гораздо больший эффект, чем сумма их индивидуальных усилий, а сближение постепенно формирует новую геополитическую ось, которая «фундаментально меняет геополитический ландшафт» [Kendall-Taylor, Fontaine 2024]. (Хотя авторы так говорят о формирующемся блоке Китай – Россия – Иран – Северная Корея, но это же справедливо и для всей группы стран Глобального Юга.)

Глобальный Юг не является блоком или альянсом. Скорее, это группа независимых государств, большинство которых относится к развивающимся странам, объединенных общей целью – ниспровергнуть принципы, правила и институты, лежащие в основе современного мирового порядка. Несмотря на имеющиеся между ними разногласия и в ряде случаев исторически сложившееся недоверие, их общая задача – ослабить США и их лидерскую роль – обеспечивает прочный фундамент для их взаимодействия. Политику Запада, предполагающую насаждение своей модели демократии, они рассматривают как попытки подорвать их политическую стабильность. Они настаивают на том, что отдельные государства имеют право сами определять свою модель развития и тип демократии, и выступают против внешнего вмешательства в их внутренние дела, расширения альянсов США, размещения американского ядерного оружия за рубежом и применения принудительных санкций [*Ibid.*]. Их решимость добиться перемен и надежда на формирование альтернативного международного порядка образуют мощную основу для совместных действий.

Работая вместе, эти страны усиливают политические возможности друг друга; они могут ослабить эффективность инструментов внешней политики США и их союзников, включая санкции, и соблюдение установленных ими глобальных правил. Коллективная цель Глобального Юга – создать альтернативу нынешнему порядку, в котором, по их мнению, доминируют Соединенные Штаты.

Есть версия, что термин «Глобальный Юг» породили возникший антагонизм между Севером и Югом и также последствия политических решений, принятых на Глобальном Севере. С тех пор, как считает С. Р. Мохан, само понятие «Глобальный Юг» является для Запада препятствием для серьезного взаимодействия с незападным миром [Mohan 2023].

30 лет назад британская экономика была больше, чем экономика Индии и Китая, вместе взятых. А доминирование Америки казалось неоспоримым. Сегодня же глобальный мировой порядок переживает фазу транзита. Власть переходит к более широкому кругу государств, некоторые из них, такие как Китай и Индия, претендуют на статус глобальных держав, другие находятся на пути к этому статусу [Challenges... 2020: 1031–1045].

Расширяющаяся группа государств, которая включает в себя Китай, Индию, Бразилию, Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты, ЮАР, выстраивают свои региональные системы, претендуют на более высокий статус в глобальной иерархии и не желают идти в фарватере политики США. Многие из этих стран обвиняют Запад в наличии двойных стандартов. Это явление уже начали называть «восстания “остальных” против Запада» [Lammy 2024].

Страны, бывшие когда-то колониями, пытаются отстаивать свой суверенитет, декларируют собственные национальные интересы и цели. С ними уже нельзя не

считаться. Однако многие консервативные чиновники Запада оказались неспособны понять происходящие изменения и изменить свой подход к Глобальному Югу. Вместо того чтобы искать возможности для построения более тесных связей с малыми и средними государствами путем учета их индивидуальных интересов и «бороться за сердца и умы нового глобального среднего класса, они обращались к этой группе зачастую в оскорбительных тонах» [Lammy 2024].

Последние несколько лет продемонстрировали, насколько существенно изменилась динамика взаимоотношений между Глобальным Севером и Глобальным Югом. Сдвиг начался несколько лет назад, чему способствовала растущая актуальность проблем Глобального Юга.

Раскол между этими странами и Западом становится все более явным. С одной стороны, западные лидеры не желают брать на себя ответственность за причиненный вред. Они опасаются, что это может привести к судебным искам стран Глобального Юга на миллиарды долларов за преступления, совершенные предыдущими поколениями. По той же причине они избегают даже использовать слово «репарации». Вот почему, когда Германия в 2021 г. согласилась выплатить Намибии 1,1 млрд долларов за геноцид племен гереро и нама, она настояла на том, чтобы назвать соглашение «сделкой по примирению» и структурировать его как помощь и финансирование развития [Shell 2024].

Сегодня Запад еще не выработал эффективную и последовательную стратегию, которая была бы нацелена не только на конкуренцию со странами Глобального Юга, но и на сотрудничество с ними в интересах развития глобальной экономики и стабильности мировой политики. Пока мы видим, что усилия коллективного Запада скорее направлены на разрушение и предотвращение дальнейшей координации стран Глобального Юга, что необходимо для сохранения существующего мирового порядка и системы международных отношений. Именно такая цель становится ядром внешнеполитической стратегии США. Соединенные Штаты и их партнеры несомненно будут стараться дестабилизировать страны, входящие в формирующуюся геополитическую ось Глобального Юга и подорвать их скоординированные усилия по пересмотру существующих и несправедливых для них международных правил и институтов. Но в условиях сплочения Глобального Юга вокруг формирующейся геополитической оси странам Запада будет трудно найти эффективное идеологическое, экономическое или политическое оружие для противостояния им.

Разумеется, ни Глобальный Север, ни Глобальный Юг не станут какими-либо отдельными политическими или военными блоками. Но присоединение к оси Глобального Юга средних держав, таких как Индонезия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Турция, Египет, Мексика, каждая из которых имеет достаточный геополитический вес, может изменить баланс сил в мире и повлиять на формирование нового мирового порядка.

Выводы

Появление феномена Глобального Юга – это объективное развитие процесса глобализации и перехода к многополярному миру. «Многополярность, вероятно, будет означать больший акцент на региональных международных обществах, чем на глобальное сообщество государств», отмечают авторы монографии «Multilateralism in a Changing World Order» [Multilateralism... 2018: 19].

Сегодня следует уже признать, что страны Глобального Юга представляют собой системный вызов интересам коллективного Запада.

Политическое и экономическое сотрудничество между странами Глобального Юга стимулирует их общая оппозиция современному мировому порядку, в котором доминирует Запад. Углубляющийся антагонизм между Севером и Югом подпитывается убеждением, что эта система не предоставляет странам Глобального Юга того статуса, которого они уже заслуживают, и ограничивает их свободу действий в мировой политике. Основным препятствием в этом они видят Соединенные Штаты, потому выступают за сокращение глобального присутствия США и ослабление их глобального лидерства.

Дискуссии по поводу определения единого глобального лидера Юга также отвлекает внимание от реальных проблем, с которыми сталкиваются малые и средние государства. Почти две трети наименее развитых стран мира испытывают серьезные трудности по выплате внешнего долга. Некоторые из них переживают политическую нестабильность, угрозы своему суверенитету и безопасности, что усугубляет их экономические проблемы. Региональные органы, которые были созданы для решения политических проблем, такие как Африканский союз и Организация американских государств, потеряли авторитет из-за разногласий между их членами. Помощь уязвимым странам, которые столкнулись с политическими и военными конфликтами, гуманитарными катастрофами, насилием, инфляцией, отсутствием продовольственной безопасности, изменением климата и т. д., является более актуальной задачей, чем определение лидера Глобального Юга.

Несмотря на системные различия между ними, все без исключения страны Глобального Юга желают сохранить свой суверенитет, укреплять безопасность, иметь международное признание и жить в мире как со своими соседями, так и с государствами Запада.

Возникший интерес к теме Глобального Юга помог высветить проблемы, с которыми сталкиваются эти страны, – проблемы, для решения которых потребуются глобальные усилия. Чтобы предотвратить углубление нестабильности, развитые страны должны работать над смягчением международного долгового кризиса, помочь уязвимым государствам разрешить внутренние конфликты, предоставить масштабные инвестиции без каких-либо оговоренных политических условий. Решение этих проблем потребует многосторонних переговоров по реформированию глобальной финансовой архитектуры и новых и индивидуальных подходов к решению конкретных экономических и политических проблем каждой конкретной страны и региона в целом.

Политическое будущее стран Глобального Юга (в гораздо большей степени, чем их идентичность как группы) будет формироваться в зависимости от динамики внутривнутриполитических процессов стран Африки, Азии, Латинской Америки и развития взаимоотношений между ними.

К. Шелл считает, что важную роль будут играть репарации, которые, хотя и не являются быстрым решением множества проблем или отсталости многих из этих стран и не будут гарантией их экономического выравнивания с Западом, но, по крайней мере, смогут создать основу для дипломатического доверия между странами Глобального Севера и Глобального Юга. Выплаты репарации могут привести к устойчивому развитию в таких областях, как экономика, инфраструктура

тура, образование, тем самым снижая риск политической нестабильности [Shell 2024]. Развитые страны могут и должны сотрудничать с Глобальным Югом по целому ряду важных вопросов и помочь им пережить переходный период к новому мироустройству.

Термин, который мы используем для обозначения мира за пределами Запада, Глобальный Юг, до сих пор многими оспаривается. Неопределенные и в некотором смысле противоречивые географические границы Глобального Юга затрудняют его определение, в то время как разнородные политические интересы и модели экономического развития входящих в его состав государств затрудняют определение его как единого целого или возможность говорить от его имени. Но эта концепция уже получила свое признание. Глобальный Юг в настоящее время является неотъемлемой частью языка и ландшафта международной политики.

Сегодня термин «Глобальный Юг» – это признание реально существующего экономического, политического, социального и культурного антагонизма между странами Севера и Юга.

Глобальный Юг в формирующейся модели глобального управления G7 – БРИКС, с учетом неоднородности политической ориентации входящих в него стран, *играет роль буфера между западным и незападным геополитическими проектами*. Сам кластер «Глобальный Юг» складывается как **глобальная сетевая структура**.

Запад вынужден признать важность Глобального Юга для его собственных интересов, а также изменений, которые страны Глобального Юга могут внести в международную политику. Это подтверждается тем вниманием, которое уделяется саммитам БРИКС и «Большой двадцатки».

Понятие «Глобальный Юг» закрепилось как термин, как концепция и как важная сила в международной политике. Несомненно, он будет активно участвовать в формировании нового глобального порядка. В целом, как полагает С. Р. Мохан, Глобальный Юг – это интеллектуально неуловимый, но эмоционально богатый термин, который отражает многие надежды (а в некоторых кругах и опасения) на более политически и экономически справедливый мир [Mohan 2024].

Литература

Ильин И. В., Леонова О. Г. Факторы динамики глобальных политических процессов // Электронный научно-образовательный журнал «История» (ЭНОЖ). 2022. Т. 13. № 9(119). DOI: 10.18254/S207987840023011-1.

Кривохиж С. В., Соболева Е. Д. КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 2. С. 178–192. DOI 10.17323/1996-7845-2023-02-09.

Чумаков А. Н., Оуян Кан. Диалог о глобализации, культуре и цивилизации // Век глобализации. 2024. № 1. С. 1–21. DOI:10.30884/vglob/2024.01.01.

Challenges of Globalization and Prospects for an Inter-Civilizational World Order / ed. by I. Rossi. New York : Springer, 2020.

Ero C. The Trouble With “the Global South”. What the West Gets Wrong About the Rest [Электронный ресурс] : Foreign Affairs. 2024. April 1. URL: https://www.foreignaffairs.com/world/trouble-global-south?check_logged_in=1 (дата обращения: 10.04.2024).

Ghitis F. Is Shaping up to be a Turning Point in Global Politics // *World Politics Review*. 2024. April 4.

Hsieh P. L. Against Populist Isolationism: New Asian Regionalism and Global South Powers in International Economic Law // *Cornell International Law Journal*. 2018. Vol. 51. Pp. 684–729.

Ilyin I., Leonova O. Non-Global Globalization. New Features of Political Globalization // *Journal of Globalization Studies*. 2022. Vol. 13. No 1. Pp. 21–38. DOI: 10.30884/jogs/2021.01-.

Kendall-Taylor A., Fontaine R. The Axis of Upheaval. How America's Adversaries Are Uniting to Overturn the Global Order [Электронный ресурс] : *Foreign Affairs*. 2024. April 23. URL: https://www.foreignaffairs.com/china/axis-upheaval-russia-iran-north-korea-taylor-fontaine?utm_source=religionbulletin&utm_medium=email&utm_campaign=CFRACademicBulletin2May2024&utm_term=AcademicBulletin (дата обращения: 27.04.2024).

Kugelman M. Four Trends to Watch Next Year // *Foreign Policy*. South Asia Brief. 2023. December 27.

Lammy D. The Case for Progressive Realism. Why Britain Must Chart a New Global Course [Электронный ресурс] : *Foreign Affairs*. 2024. May/June 4. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-kingdom/case-progressive-realism-david-lammy?utm_source=religionbulletin&utm_medium=email&utm_campaign=CFRACademicBulletin2May2024&utm_term=AcademicBulletin (дата обращения: 27.06.2024).

Leonova O. The Concept of “Political Globalization” and Global Challenges // *Philosophical Aspects of Globalization: A Multidisciplinary Inquiry* / ed. by A. N. Chumakov, A. DeBlasio, I. V. Ilyin. Leiden; Boston : Brill, 2022. Pp. 163–178.

Miller M. Ch. The Battle for Global South Leadership // *Hindustan Times*. 2024. January 29.

Mohan C. R. Is there Such a Thing as a Global South? // *Foreign Policy*. 2023. December 9.

Multilateralism in a Changing World Order / ed. by Ch. Echle, P. Rueppel, M. Sarmah, Y. L. Hwee. Singapore : Konrad-Adenauer-Stiftung, 2018.

Rewizorski M. G7/8 – G20 – BRICS: A New Triad in Global Governance? // *International Organizations Research Journal*. 2015. Vol. 10. No. 4. Pp. 25–39.

Shell Ch. The West should Engage with Reparations for Slavery and Colonialism // *World Politics Review*. 2024. May 7.

ДЕКЛАРАЦИЯ РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО 2025 Г. И УПРАВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ*

Липоватая М. С.**

На основе анализа Декларации Рио-де-Жанейро, принятой по итогам XVII саммита БРИКС в 2025 г., статья исследует стремление объединения к формированию более устойчивой и инклюзивной модели управления международной безопасностью. Автор характеризует БРИКС как уникальную сетевую и гибкую структуру, чья политическая сила растет вопреки отсутствию жестких формальных обязательств. Выделены затронутые в Декларации Рио-де-Жанейро темы сотрудничества БРИКС в сфере международной безопасности, а также ключевые инструменты и методы практико-ориентированного решения основных проблем. Констатируется, что отличительной характеристикой Декларации Рио-де-Жанейро, безусловно, выступает наличие многочисленных свидетельств стремления, готовности и значительного потенциала БРИКС активно содействовать более устойчивому и инклюзивному управлению международной безопасностью, подразумевая гибкое и адаптивное реформирование архитектуры международной безопасности с сохранением ведущей роли ООН, а также глобальных институтов и инструментов цивилизационного диалога.

Ключевые слова: Декларация БРИКС Рио-де-Жанейро, XVII саммит БРИКС, международная безопасность, кризис однополярности, Глобальный Юг, Мирное большинство, цивилизационные угрозы.

THE RIO DE JANEIRO DECLARATION OF 2025 AND INTERNATIONAL SECURITY MANAGEMENT

Based on an analysis of the Rio de Janeiro Declaration, adopted at the conclusion of the XVII BRICS Summit in 2025, the article explores the association's aspiration to shape a more sustainable and inclusive model of international security governance. The author characterizes BRICS as a unique, flexible network structure whose political strength is growing despite the absence of rigid formal commitments. The article highlights the themes of BRICS cooperation in the field of international security addressed in the Rio de Janeiro Declaration, as well as the key

* **Для цитирования:** Липоватая М. С. Декларация Рио-де-Жанейро 2025 г. и управление международной безопасностью // Век глобализации. 2025. № 4. С. 71–81. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.07.

For citation: Lipovataya M. S. The Rio de Janeiro Declaration of 2025 and International Security Management // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 71–81. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.07 (in Russian).

** Липоватая Маргарита Сергеевна – к. полит. н., старший преподаватель факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: lipovataiams@my.msu.ru.

Margarita S. Lipovataya – Ph.D. in Politics, Senior Lecturer at the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University. E-mail: lipovataiams@my.msu.ru.

instruments and methods for the practice-oriented resolution of core challenges. It is stated that a distinctive feature of the Rio de Janeiro Declaration is undoubtedly the presence of numerous pieces of evidence of BRICS's aspiration, readiness, and significant potential to actively contribute to a more sustainable and inclusive management of international security. This implies a flexible and adaptive reform of the international security architecture while preserving the leading role of the UN, as well as global institutions and instruments for civilizational dialogue.

Keywords: BRICS, Rio de Janeiro Declaration, 17th BRICS summit, international security, crisis of unipolarity, Global South, World majority, civilizational threats.

Клуб БРИКС, постепенно становящийся ключевым актором международных отношений, представляет собой особый тип международной организации – полужформальной, сетевой и распределенной структуры, без единого уставного документа (в том числе международного договора) и жестких обязательств участвующих стран. Однако политическая сила БРИКС, как и влияние организации на мироустройство и вопросы международной безопасности, не вызывает сомнений. Гибкость и адаптивность в организации деятельности позволяет БРИКС лучшим образом реагировать на изменения внешней среды, консолидировать усилия участвующих и иных заинтересованных сторон для достижения ключевых целей и задач, которые у данной сетевой структуры формулируются не в едином уставном документе. Вместо устава или международного договора роль ориентира в политике БРИКС играют декларации, принимаемые по результатам ежегодных саммитов глав государств – высшего и, опять же, по своей сути сетевого органа управления БРИКС.

По горячим следам XVII саммита БРИКС, прошедшего 6–7 июля 2025 г. в Рио-де-Жанейро, можно сделать ряд предварительных выводов по поводу дальнейшего развития интеграции в объединении, реализации и перспектив магистральных направлений сотрудничества, которыми по сложившейся традиции в тексте итоговой декларации вновь определены политика и безопасность, экономика и культурно-гуманитарная сфера [Декларация... 2025].

Стороннему, тем более плохо осведомленному, наблюдателю может показаться, что ход и результаты XVII саммита БРИКС в Рио-де-Жанейро не продемонстрировали каких-либо системных отличий от генеральной линии развития организации в предыдущие годы и в целом не были чем-либо особо примечательными. Однако для получения таких выводов необходимо проводить углубленный научный анализ материалов саммита и прежде всего Декларации Рио-де-Жанейро (от 6 июля 2025 г., поименованной как «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления» [Там же]), которая представляет собой достаточно объемный документ, содержащий 126 статей и целый ряд положений, отражающих обновленные и дополненные подходы к формированию устойчивого и инклюзивного управления международной безопасностью.

XVII саммит БРИКС в Рио-де-Жанейро, безусловно, не был рядовым событием международной политической жизни, тем более его значимость не следует сводить к какому-либо локальному уровню. XVII саммит БРИКС стал первым

ежегодным клубным мероприятием, в котором, помимо лидеров стран – постоянных и активных участников БРИКС, официальное участие приняли руководители государств, получивших партнерский статус (категория учреждена в 2024 г. на XVI казанском саммите БРИКС). На отдельных сессиях саммита БРИКС в Рио-де-Жанейро на апробированных ранее площадках «БРИКС+» и «Аутрич» приняли участие приглашенные стороной – председателем саммита главы многих других государств, представляющих Глобальный Юг и Восток, руководители авторитетных международных организаций, включая региональные банки развития, за которыми со всей справедливостью следует усматривать будущее в глобальной сети финансовой безопасности [Винокуров, Левенков 2021; Stubbs *et al.* 2021].

На фоне практически «обыденного» протекания клубных саммитов «Большой семерки» и даже «Большой двадцатки» бразильский саммит БРИКС 2025 г. не прошел незамеченным различными акторами международных отношений. Уже в первый день саммита президент США Д. Трамп высказал в социальных сетях недвусмысленные угрозы наложить на любое государство, которое поддерживает «антиамериканскую» политику БРИКС, дополнительные 10%-ные пошлины и затем промульгировал введение 50%-ных пошлин против Бразилии, по всей видимости, в том числе «вдогонку» к результатам организованного в стране XVII саммита БРИКС, в котором Д. Трамп, вероятно, усматривает вызовы американской глобальной гегемонии [Трам... 2025]. При этом, безусловно, понимание БРИКС как «врага» США некорректно и неконструктивно. Деятельность БРИКС не фокусируется на противодействии конкретным государствам, и тем более «зацикленность» на конфронтации с крупнейшей мировой державой будет контрпродуктивной и попросту опасной. Нумерация текущего саммита БРИКС отражает многолетнюю устойчивость организации, которой некогда предсказывали короткую жизнь на международной арене; и такие прогнозы, вероятно, могли бы сбыться, если бы клуб действительно поставил задачи вредить США и их союзникам или же силовым путем разрушить текущее однополярное мироустройство при всей его несправедливости. Напротив, БРИКС последовательно выступает в качестве рупора интересов всего мира, а не узких кланов и конкретных акторов. Представлявший Российскую Федерацию на пленарных мероприятиях XVII саммита БРИКС министр иностранных дел РФ С. В. Лавров на пресс-конференции по итогам саммита 7 июля 2025 г. дал крайне примечательную, на наш взгляд, характеристику итогового документа – Декларации Рио-де-Жанейро, отметив, что «эффективно решать многочисленные проблемы современности невозможно без учета позиций стран Глобального Юга, Востока, проще говоря, Мирового большинства» [Выступление... 2025]. Именно этому Мировому большинству в деятельности БРИКС отводится по праву принадлежащая ему роль в качестве «одной из ключевых опор многополярности, объективно заменяющей уходящую в прошлое систему глобализации» [Там же].

Декларация Рио-де-Жанейро содержит не только материальные свидетельства нового этапа институционализации политики организации, но и развернутую структуру аргументации ключевых проблем международных отношений и приоритетных путей их решения. И соответствующие процессы прежде всего протекают в сфере международной безопасности, характеризующейся огромным числом неразрешенных проблем и противоречий, только усугубляющихся с течением

времени. Деятельность БРИКС в предметной области и с учетом авторитета клуба и очевидной результативности применяемых механизмов, инструментов и методов сотрудничества в данной связи может рассматриваться не иначе как цивилизационный шанс на устойчивое и безопасное глобальное развитие.

Целью настоящей публикации выступает формирование научных представлений об отражении стремления БРИКС к более устойчивому и инклюзивному управлению международной безопасностью в материалах Декларации Рио-де-Жанейро 2025 г.

Вопросы развития современной парадигмы «мягкой» международной интеграции, основанной на принципах вместо жестких обязательств, идеях и общей философии участвующих стран, на сетевом и распределенном характере управления, обсуждаются в ряде исследований российских и зарубежных авторов, в частности: [Морева 2020; Bednar 2008; Chiocchetti 2023; Jovanović 2015]. Основные выводы, к которым чаще всего приходят исследователи заявленной проблематики, связаны с высоким потенциалом и преимуществами новейших форм интеграции, благодаря которым, в частности, БРИКС в достаточно короткие сроки стала фактически одним из ключевых акторов геополитики.

В ряде работ, включая [Imtiaz *et al.* 2023; Obajinmi, Garba 2025; Rodriguez-Tríosси 2024], показано, что политическая сила и потенциал БРИКС не только исходят из растущего экономического потенциала стран – участников организации с формирующимися рынками, но также (и в самую первую очередь) связаны с последовательной и неуклонной позицией выразителя интересов Мирового большинства (термин, объединяющий категории стран Глобального Юга и Востока) на международной арене.

Интересы Мирового большинства выходят далеко за пределы необходимости решения экономических, социальных и отдельных гуманитарных проблем, которые, несмотря на их безусловную значимость и глобальный характер, уступают по критерию срочности решения проблемам международной безопасности и прежде всего связанным с фрагментацией и дальнейшим разрушением архитектуры глобальной безопасности под эгидой ООН, цивилизационные риски которых описаны в значительном числе исследований, и в частности: [Арзаманова 2023; Скриба 2024; Bettiza *et al.* 2023; Haenle, Sher 2023; Richmond 2022].

Фокус исследований роли БРИКС в международных отношениях в последние годы (начиная с рубежа 2010–2020-х гг.) постепенно смещается от экономической к политической сфере и затем к сфере безопасности. Авторами констатируется значительный потенциал БРИКС в сфере влияния на вопросы международной безопасности, проявляющийся прежде всего в эмерджентности самого клуба, который в 2020-е гг. активно прирастает новыми членами, в том числе в инновационных форматах участия за пределами активного постоянного членства [Kaura 2024; Ullah *et al.* 2024]. Растущее представительство и доверие со стороны стран Глобального Юга (Мирового большинства) становятся убедительными свидетельствами того, что БРИКС выражает именно его интересы, и аргументами в пользу того, чтобы идеи и послания БРИКС были услышаны. На сегодня политологи, как на Западе, так и в центрах истинного Мирового большинства, все чаще высказывают убежденность в эффективности БРИКС, в том числе в контексте влияния на международную безопасность и ее архитектуру [см., например: Есенбаева 2025; Чи-

кова 2025; Brosig 2024; Hamilton *et al.* 2021]. Однако полуформальный, сетевой и во многом скрытый от широкой общественности характер взаимодействий в БРИКС в значительной мере усложняет проведение качественных политических исследований, постановку вопросов и получение значимых выводов по проблематике сотрудничества БРИКС в достижении прогресса в сфере международной безопасности.

Постепенно складывается исследовательская традиция селективного анализа материалов деклараций БРИКС, принимаемых ежегодно по результатам саммитов клуба. Интерес в данной связи представляют, в частности, исследования: [Абылгазиев, Васецова 2021; Бунина 2023; Рагимов, Алиева 2024], опубликованные на русском языке и фактически вдогонку к проведенным саммитам, поскольку в них фиксируются и отражаются артефакты пошаговой политической эволюции организации, институционализации механизмов участия и воздействия на международные отношения. Настоящая публикация призвана внести вклад в корпус соответствующих научных исследований, и в ней предложены результаты научной рефлексии материалов Декларации Рио-де-Жанейро, осуществленной непосредственно после первой публикации документа. В приоритетном фокусе внимания настоящего исследования – вопросы международной безопасности как ключевой, по мнению автора, проблемы человечества, значительный прогресс в которой способно (но не обязательно сможет) обеспечить сотрудничество стран БРИКС. Как справедливо заметил в этой связи глава председательствовавшего на XVII саммите БРИКС государства, президент Бразилии Л. да Силва в завершение выступления на пленарном заседании, «если система глобального управления не отражает новую многополярную реальность XXI в., БРИКС должен внести свой вклад в ее обновление» [Домбичкая, Строкань 2025].

Исследование подготовлено на основе материалов Декларации Рио-де-Жанейро [Декларация... 2025], релевантных академических исследований, материалов публичных выступлений политических лидеров. Декларация отражает результаты XVII саммита БРИКС, темой которого официально обозначено «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления». Собственно, данной теме посвящено содержание Декларации Рио-де-Жанейро и модальности раскрытия ключевых тем и положений.

Следует отметить, что XVII саммит БРИКС проходил в условиях максимального внешнего противодействия, вероятно, наибольшего за всю историю организации, в связи с чем, помимо прочего, имелись обоснованные опасения в том, что странам БРИКС не удастся прийти к консенсусу и продолжить устойчивое выражение и поддержку тех политических позиций, которые вызывают раздражение у глобальных гегемонов. Примечательным в данной связи выступает проявление политического единства лидеров стран БРИКС. Несмотря на усиление внешней (беспрецедентное давление на БРИКС со стороны администрации президента США Д. Трампа) и внутренней турбулентности (по крайней мере три активных члена БРИКС в момент проведения саммита втянуты в региональные и/или глобальные конфликты, – Индия, Иран и Российская Федерация), согласование политических интересов и заявлений в ходе XVII саммита БРИКС не составило трудностей, по крайней мере внешне. Текст Декларации Рио-де-Жанейро был согласован и принят уже в первый день саммита, при этом он не содержит, к приме-

ру, явных свидетельств «сглаживания» формулировок в угоду тем же глобалистам. При этом достижение такого политического единства, в том числе в принятии деклараций БРИКС, по мере расширения организации существенно осложняется, и сам его факт отражает дальнейшее обретение институциональной зрелости организации.

По уже сложившейся традиции в Декларации Рио-де-Жанейро отражен принцип неделимости международной безопасности, одновременно с обсуждением все большего перечня тем, проблем и направлений ее обеспечения, в том числе на фоне растущего потенциала БРИКС в решении соответствующих вопросов.

В глобальном управлении страны БРИКС подтверждают свою приверженность «реформированию и совершенствованию системы глобального управления путем поощрения более справедливой, равноправной, гибкой, эффективной, действенной, адекватной, представительной, легитимной, демократичной и подотчетной международной и многосторонней системы в духе широких консультаций, совместного вклада и общих выгод» [Декларация... 2025: ст. 5]. Именно на основе такого видения будет выстраиваться обновленная, во многом пересобранная и опирающаяся на обеспечение интересов Мирового большинства, а не самоназначенных глобальных «лидеров», архитектура международной безопасности при незыблемой ведущей роли ООН и ключевых международных институтов «в международной системе, в которой суверенные государства осуществляют сотрудничество в интересах поддержания международного мира и безопасности, содействия устойчивому развитию, продвижения и защиты демократии, прав человека и основных свобод для всех, а также сотрудничества, в основе которого лежат солидарность, взаимное уважение, справедливость и равенство» [Там же].

В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на тезисы выступления президента Российской Федерации В. В. Путина на главном пленарном заседании XVII саммита БРИКС, осуществленном в формате видеоконференции: «В мире происходят кардинальные изменения. Уходит в прошлое однополярная система международных отношений, обслуживавшая интересы так называемого золотого миллиарда. Ей на смену идет более справедливый, многополярный мир. Процесс смены мирового экономического уклада продолжает набирать обороты. Все свидетельствует о том, что модель либеральной глобализации изживает себя, центр деловой активности смещается в сторону развивающихся рынков, что запускает мощную волну роста, в том числе в странах БРИКС» [Пленарное... 2025].

Вариации слова «безопасность» упоминаются в Декларации Рио-де-Жанейро 66 раз. Темы сотрудничества БРИКС в сфере международной безопасности, затронутые в Декларации Рио-де-Жанейро, многочисленны и отражают безусловно широкий спектр проблем, формирующихся в данной сфере, зачастую исходящих от цивилизационного кризиса в архитектуре международной безопасности, во многом спровоцированного деструктивным влиянием глобальной однополярности. Перечень соответствующих тем включает нижеследующие (в скобках представлены номера статей Декларации Рио-де-Жанейро):

– устойчивость текущей архитектуры международной безопасности (ст. 5, 6, 7), противодействие поляризации и недоверию, вредящим международной безопасности (ст. 18). Скорейшее разрешение трансграничных и локальных конфликтов (ст. 21–35);

- становление глобальной сети финансовой безопасности (ст. 10, 11, 12) и оживления справедливой системы международной торговли (ст. 13). Недопустимость односторонних ограничительных мер, включая санкции (ст. 14);
- глобальные проблемы здравоохранения и формирования безопасного и справедливого мира в борьбе с будущими пандемиями (ст. 15);
- устойчивое, безопасное и одновременно инклюзивное использование возможностей искусственного интеллекта в интересах всего человечества (ст. 16). Конструктивное противодействие вызовам и угрозам, исходящим из цифровой сферы и изнутри, на основе создания открытой, безопасной, стабильной, доступной, мирной и совместимой среды информационно-коммуникационных технологий (ст. 40). Борьба с киберпреступностью (ст. 41);
- непродуктивность непродуманного увязывания глобальной безопасности с климатической повесткой дня (ст. 17);
- скорейшее преодоление гуманитарных кризисов, в особенности в условиях сокращения международных ответных мер, которые и без того «были недостаточными, фрагментарными и зачастую политизированными» (ст. 19);
- полное, равное и безопасное участие женщин в принятии решений на всех уровнях процессов установления мира и обеспечения безопасности (ст. 20);
- предотвращение незаконных финансовых потоков, отмывания доходов, полученных преступным путем, финансирования терроризма, экстремизма, а также других форм транснациональной организованной преступности (ст. 36); развитие сотрудничества стран БРИКС в деле предотвращения коррупции и борьбы с ней (ст. 37);
- управление растущими рисками ядерной опасности и конфликтов (ст. 38);
- обеспечение безопасного и мирного использования космического пространства (ст. 39);
- продовольственная безопасность и питание, а также смягчение последствий резкой волатильности цен на продовольствие и внезапных кризисов поставок, включая нехватку удобрений (ст. 70);
- энергетическая безопасность, устойчивость энергетических рынков, бесперебойных поставок энергии из различных источников, цепочек создания стоимости, критически важной энергетической инфраструктуры (ст. 90).

Можно констатировать, что центральное место в концепции БРИКС в сфере международной безопасности, отраженной в Декларации Рио-де-Жанейро, занимает критика существующей архитектуры международной безопасности, которая характеризуется как неустойчивая и порождающая поляризацию (ст. 5–7, 18). Объединение выдвигает альтернативную модель, основанную на принципах инклюзивности и учета интересов всех участников международных отношений. Примечательно, что декларация подчеркивает необходимость противодействия недоверию как фактору, подрывающему основы международной безопасности, что свидетельствует о понимании БРИКС важности восстановления взаимного доверия между государствами.

Инновационным аспектом Декларации Рио-де-Жанейро является комплексный подход к новым вызовам безопасности. Глобальные проблемы здравоохранения рассматриваются через призму формирования безопасного и справедливого мира в контексте борьбы с будущими пандемиями, устойчивым и инклюзивным

использованием искусственного интеллекта во благо человечества, тотальным обеспечением цифровой безопасности, а равно безопасности в ядерной сфере и освоении космического пространства. Отраженный в Декларации подход демонстрирует понимание БРИКС взаимосвязи между различными аспектами безопасности и необходимости превентивных мер.

Несмотря на название документа, в Декларации Рио-де-Жанейро представлен ряд практико-ориентированных инструментов и комплексных механизмов решения проблем международной безопасности. Их перечень достаточно широкий, с учетом объема научной статьи видится целесообразным особо указать на нижеследующие:

- расширение представленности развивающихся стран во всех категориях членства в Совете Безопасности (ст. 6), активация работы по оживлению деятельности Генеральной Ассамблеи ООН и укреплению Экономического и Социального Совета ООН (ст. 7);

- активация усилий развивающихся стран по продвижению диалога и консультаций в интересах более справедливого и равноправного глобального управления и взаимовыгодных отношений между государствами (ст. 8);

- развитие глобальной сети финансовой безопасности под незыблемым, но справедливым и продуктивным руководством Международного валютного фонда, для эффективной поддержки членов и, прежде всего, наиболее уязвимых стран (ст. 11); расширение представительства и перераспределение долей развивающихся стран во Всемирном банке (ст. 12);

- всесторонняя поддержка многосторонней торговой системы, основанной на правилах, открытой, прозрачной, справедливой, инклюзивной, равноправной, недискриминационной и базирующейся на консенсусе (ст. 13), осуждение односторонних принудительных мер (ст. 14);

- поддержка международных усилий, предпринимаемых членами БРИКС для содействия уважению, соблюдению и эффективному применению норм международного гуманитарного права (ст. 19);

- выражение единой позиции БРИКС, в том числе в безусловном осуждении военных ударов по Исламской Республике Иран с 13 июня 2025 г. (ст. 21); в отношении конфликта на Украине (ст. 22); обеспокоенности: продолжающимися конфликтами и нестабильностью в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (ст. 23), ситуацией на оккупированной палестинской территории (ст. 24–27), продолжающимися нарушениями режима прекращения огня, а также суверенитета и территориальной целостности Ливана (ст. 28), распространением терроризма в Судане (ст. 32) и продолжающимся ухудшением безопасности, гуманитарной и экономической ситуации в Гаити (ст. 33); необходимости инклюзивного решения сирийской проблемы (ст. 29); безусловного применения принципа «африканским проблемам – африканские решения» как фундаментальной основы для разрешения конфликтов на Африканском континенте (ст. 30–31); решительного осуждения террористического акта в Джамму и Кашмире 22 апреля 2025 г. (ст. 34), а также нападений на мосты и железнодорожную инфраструктуру, преднамеренно направленных против гражданского населения в Брянской, Курской и Воронежской областях Российской Федерации 31 мая, 1 и 5 июня 2025 г. (ст. 35 – примечательным представляется по сути первый исторический акт прямого осуждения террористической деятельности украинской стороны в декларациях БРИКС).

Современная архитектура международной безопасности переживает глубокий кризис легитимности и эффективности, что находит отражение в усилении процессов фрагментации, эскалации региональных конфликтов и утрате доверия к традиционным механизмам глобального управления. В условиях нарастающей геополитической турбулентности особую значимость приобретает поиск альтернативных подходов к обеспечению международной стабильности, одним из которых выступает концепция многополярного мира, активно продвигаемая странами БРИКС.

Можно констатировать, что отличительной характеристикой Декларации Рио-де-Жанейро безусловно выступает наличие многочисленных свидетельств стремления, готовности и значительного потенциала БРИКС активно содействовать более устойчивому и инклюзивному управлению международной безопасностью при гибком и адаптивном реформировании архитектуры международной безопасности с сохранением ведущей роли ООН, а также глобальных институтов и инструментов цивилизационного диалога. В Декларации в структурированном и системном виде представлен широкий спектр проблем международной безопасности, подкрепленный идеями по их разрешению. Декларация Рио-де-Жанейро 2025 г. – это комплексный программный документ, отражающий стремление объединения к формированию более справедливой и инклюзивной системы международной безопасности. Анализ ключевых положений Декларации позволяет выявить контуры новой парадигмы глобального управления, основанной на принципах многосторонности, взаимного уважения суверенитета и отказа от односторонних принудительных мер как ключевого устремления стран БРИКС и их политических лидеров.

При этом, безусловно, ключевой проблемой сотрудничества БРИКС в области содействия более устойчивому и инклюзивному управлению международной безопасностью остается непродуктивное и не мотивированное справедливыми ценностными аргументами и цивилизационными интересами сопротивление со стороны лидеров уходящей глобальной однополярности и прежде всего стран англосаксонского мира и «политбюро» ЕС (в совокупности именуемых коллективным Западом), системно подменяющих истинные голоса в интересах участвующих стран. Самоназванные противники БРИКС ошибочно полагают, что, препятствуя деятельности организации и тем более пытаясь заблокировать эту деятельность и в идеале разрушить БРИКС, им удастся сохранить свое глобальное доминирование, а равно навредить якобы злонамеренным, недемократичным силам. За ширмой нарративов – проявления решительного акта цивилизационного противодействия коллективного Запада Мировому большинству, которое или будет услышано, или, в противном случае, разрушительные последствия конфронтации, в которой Мировое большинство всегда занимало пассивную роль, могут иметь поистине катастрофический характер, угрожая всему человечеству. Противодействуя БРИКС, коллективный Запад борется со здравым смыслом и цивилизационными перспективами, разрушая прежде всего себя на фоне игнорирования интересов Мирового большинства. Сегодня лучшим рупором последнего выступает БРИКС, и на фоне протекания конфликта с коллективным Западом по многим плоскостям и траекториям БРИКС продолжает неуклонную институционализацию и набирает все большую популярность в мире, получая всестороннюю поддержку от того самого Мирового большинства, интересы которого оно непре-

рывно отстаивает. В этом и следует усматривать цивилизационную надежду на благополучное и устойчивое глобальное развитие, успешное разрешение цивилизационного кризиса в архитектуре международной безопасности.

Литература

Абылгазиев И. И., Васецова Е. С. Итоги председательства Российской Федерации в ШОС и БРИКС в 2020 г. // Век глобализации. 2021. № 2. С. 109–117.

Арзаманова Т. Восходящие тренды мирового развития и их влияние на глобальный эффект «геополитического саспенса» // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2023. № 71(87). С. 15–26.

Бунина С. Г. Обзор Йоханнесбургской Декларации от 23 августа 2023 года «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности» // Право и современные государства. 2023. № 5. С. 29–31.

Винокуров Е. Ю., Левенков А. С. Глобальная сеть финансовой безопасности: эволюция антикризисной функции в мировой финансовой архитектуре // Вопросы экономики. 2021. № 5. С. 26–42.

Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова по итогам саммита БРИКС, Рио-де-Жанейро, 7 июля 2025 года [Электронный ресурс] : Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2025. 7 июля. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/organizacii-latinoamerikanskogo-regiona/2034668/ (дата обращения 12.07.2025).

Декларация Рио-де-Жанейро (6 июля 2025 г.). Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuIEBmqrC.pdf> (дата обращения: 12.07.2025).

Домбичкая А., Строкань С. Есть ли БРИКС при Трампе [Электронный ресурс] : Коммерсантъ. 2025. 7 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7870864> (дата обращения: 12.07.2025).

Есенбаева Т. Влияние геополитической конкуренции на эффективность международных организаций // Вестник науки. 2025. Т. 3. № 5(86). С. 1037–1049.

Морева Е. Л. «Мягкая сила» и трансграничная экономическая интеграция // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 6. С. 6–14.

Пленарное заседание XVII саммита БРИКС [Электронный ресурс] : Президент России. Официальный сайт. 2025. 6 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77373> (дата обращения: 12.07.2025).

Рагимов А. Т., Алиева М. Н. XVI Саммит БРИКС в Казани 22–24 октября 2024 года: основные итоги и перспективы развития // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2024. Т. 52. № 4. С. 88–91.

Скриба А. С. Столкновение фрагментов? Влияние фрагментации мирового порядка на возрождение блокового соперничества // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1(121). С. 42–64.

Трамп вводит пошлины в 50 % на импорт товаров из Бразилии: в чем причина [Электронный ресурс] : Московские новости. 2025. 10 июля. URL: <https://www.mn.ru/short/tramp-vvodit-poshliny-v-50-na-import-tovarov-iz-brazilii-v-chem-prichina> (дата обращения: 12.07.2025).

Чикова А. Е. Сотрудничество в рамках БРИКС+ как новый формат интеграционного процесса быстроразвивающихся стран // *Право и управление. XXI век.* 2025. Т. 21. № 1. С. 195–206.

Bednar J. *The Robust Federation: Principles of Design.* Cambridge : Cambridge University Press, 2008.

Bettiza G., Bolton D., Lewis D. Civilizationism and the Ideological Contestation of the Liberal International Order // *International Studies Review.* 2023. Vol. 25. No. 2. P. vi-ad006.

Brosig M. Has BRICS Lost Its Appeal? The Foreign Policy Value Added of the Group // *International Politics.* 2024. Vol. 61. No. 1. Pp. 106–124.

Chiocchetti P. A Quantitative Analysis of Legal Integration and Differentiation in the European Union, 1958–2020 // *JCMS: Journal of Common Market Studies.* 2023. Vol. 61. No. 5. Pp. 1337–1359.

Haenle P., Sher N. Initiative Diplomacy: China's New Rules for Global Governance, Security and Development // *East Asian Policy.* 2023. Vol. 15. No. 04. Pp. 7–21.

Hamilton C., Pagot R., Shepherd L. J. BRICS Countries and the Construction of Conflict in the Women, Peace and Security Open Debates // *International Affairs.* 2021. Vol. 97. No. 3. Pp. 739–757.

Imtiaz A., Yaseen Z., Muzaffar M. Bridging Continents: Emergence of BRICS and Assumptions for New-World Order // *Annals of Human and Social Sciences.* 2023. Vol. 4. No. 3. Pp. 808–821.

Jovanović M. N. *The Economics of International Integration.* 2nd ed. Cheltenham, UK; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2015.

Kaura V. Expansion of BRICS // *Indian Journal of Asian Affairs.* 2024. Vol. 37. No. 1/2. Pp. 165–172.

Obajinmi O. J., Garba D. BRICS Expansion and its Challenges to the Global Economic Order // *FUDMA Journal of Humanities, Social Science and Creative Arts.* 2025. Vol. 1. No. AHBSI. Pp. 80–88.

Richmond O. P. *The Grand Design: The Evolution of the International Peace Architecture.* Oxford : Oxford University Press, 2022.

Rodriguez-Triocci E. What about the BRICS? Examining Power Politics in a Changing World Order // *Journal of Political Power.* 2024. Vol. 17. No. 1. Pp. 21–41.

Stubbs T., Kring W., Laskaridis Ch., Kentikelenis A., Gallagher K. Whatever It Takes? The Global Financial Safety Net, COVID-19, and Developing Countries // *World Development.* 2021. Vol. 137. P. 105171.

Ullah I., Haider S. M., Gohar M. BRICS Expansion: Prospects and Challenges // *Research Journal of Human and Social Aspects.* 2024. Vol. 2. No. 1. Pp. 52–64.

ОБ ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СТРАН ЕВРОПЫ И ЕЕ ОКРУЖЕНИЯ*

Тарко А. М.**

В статье исследуется развитие России, стран бывшего Советского Союза, Варшавского договора, Югославии и других стран мира. Предложен и рассчитан интегральный индекс развития стран Европы. Проанализировано соотношение развития высокотехнологичного и сырьевого секторов экономики в странах и тормозящее экономику насыщение быстро совершенствующихся технологий. Выявлено существование трех групп стран Европы, имеющих разные уровни жизни по масштабам экономического и демографического развития. Исследуется выполнение Парижского соглашения в части уменьшения индустриальных выбросов CO₂ странами и ослабления роста концентрации CO₂ в атмосфере.

Ключевые слова: интегральный индекс, параметры развития, валовой внутренний продукт, темп роста, ожидаемая продолжительность жизни, высокотехнологичное развитие, информационные технологии, ранговая последовательность, индустриальные выбросы.

ON THE ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF EUROPE'S COUNTRIES AND ITS SURROUNDINGS

The article analyzes the development of Russia, the countries of the former Soviet Union, the Warsaw Pact, Yugoslavia and other countries of the world. The integral development index of European countries is proposed and calculated. The correlation between the development of high-tech and raw materials sectors of the economy in the countries and the economic saturation of rapidly improving technologies is analyzed. The existence of three groups of European countries with different living standards in terms of economic and demographic development has been revealed. The implementation of the Paris Agreement regarding the reduction of industrial CO₂ emissions by countries and reducing the CO₂ concentration in the atmosphere is being investigated.

* **Для цитирования:** Тарко А. М. Об экономико-демографическом развитии стран Европы и ее окружения // Век глобализации. 2025. № 4. С. 82–106. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.08.

For citation: Tarko A. M. On the Economic and Demographic Development of Europe's Countries and Its Surroundings // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 82–106. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.08 (in Russian).

** Тарко Александр Михайлович – д. физ.-мат. н., профессор, г. н. с. Федерального исследовательского центра «Информатика и управление РАН». E-mail: tarko328@mail.ru.

Alexander M. Tarko – D. Phys. and Math. Sciences, Professor, Chief Researcher of the Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences. E-mail: tarko328@mail.ru.

Keywords: *integral index, development parameters, gross domestic product, growth rate, life expectancy, high-tech development, information technology, rank sequence, industrial releases.*

Целью работы является анализ развития стран бывшего Советского Союза (БСС), бывшего Варшавского договора и стран Балтии (БВДБ), бывшей Югославии (БЮ). Также мы будем проводить сравнение развития со странами Евросоюза, странами группы G7 и другими странами мира.

В задачу исследования входит изучение развития как стран, так и условий жизни в них человека. Этим данное направление отличается от задачи в программе ИЧР ООН по определению интегрального индекса человеческого развития [Human... 2024]. Метод анализа базируется на рассмотрении многих параметров развития. Если для оценки условий жизни человека достаточно знания получаемого им дохода, продолжительности жизни и образования, то для характеристики состояния и развития стран нужно анализировать большее количество параметров, а также характеристики их динамики, оценивать ход социальных процессов.

Мы проведем расчет и анализ интегрального индекса развития стран Европы – ИРЕ. В анализ стран, вышедших из СССР, будут включены Азербайджан, Грузия и Казахстан, часть территории которых находится в Европе, страны Центральной Азии – Таджикистан, Киргизия и Туркменистан – они геополитически, экономически, культурно связаны с Россией и Европой. Также включим туда Армению, вышедшую из СССР. Анализ не будет включать страны с маленькой территорией и малые островные государства. Такие страны имеют особые условия жизни и формирования своих доходов, параметры которых часто плохо сравнимы с исследуемыми нами странами.

Исследование состояния и развития стран бывшей системы СССР, Варшавского договора и Югославии было проведено автором несколько лет назад [Тарко 2021]. Однако новые события в мире, появление новых данных о динамике развития мира и человека привели к необходимости взглянуть на нее заново, что и послужило причиной написания данной статьи.

Среди направлений развития стран важными для исследования являются высокотехнологичное, сырьевое, а также их взаимодействие. Важность этого стала ясна особенно после мирового экономического кризиса 2007 г.

Происходящее в настоящее время торможение развития развитых стран предполагает выбор новых направлений векторов развития экономики. Глобализация не останавливается, но ее направление и скорость стали подчас зависеть от ранее мало влиявших на принятие решений проблем.

Исследование будет проведено с помощью соединения метода аналитического анализа количественных данных и интегрального индексного метода.

Все количественные данные были получены из баз данных Всемирного банка [World... 2025], British Petroleum [Statistical... 2023] и сайта The Global Economy [The Global... 2025].

Начнем анализ доходов в странах с валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения (Рис. 1). ВВП выражается в долларах США с учетом паритета покупательной способности доллара (ППС).



Рис. 1. ВВП на душу населения в группах стран с учетом ППС в 2021 г.

Средние значения доходов трех групп стран равны: БСС – 18 921 доллар, БВДБ – 40 059 долларов, БЮ – 28 598 долларов. Видно, что страны БВДБ достигли более высокого уровня развития, за ними следуют страны БЮ, страны БСС имеют меньшие результаты. Разница уровней видна невооруженным глазом – массив столбцов стран БСС заметно ниже, чем у БВДБ и БЮ. Самыми высокими столбцами на графике обладают страны группы G7 (среднее – 55 701 доллар) и другие развитые страны мира, занимающие его правую часть: Ирландия – 114 121 доллар, Норвегия – 89 209 долларов и США – 71 056 долларов. Отметим, что ни одна из других стран, вышедших из 1991 г., не достигла среднего уровня стран ЕС (51 917 долларов) и стран с высоким доходом (56 851 доллар).

Доход России (38 938 долларов) среди стран БСС находится на первом месте. Однако доходы США превысили в 2021 г. доходы России в 2,4 раза, Германии – в 1,97 раза, Финляндии – в 1,8 раза. По показателю ВВП на душу населения Россия занимает 49-е место в мире. Также она занимает 52-е место в списке ИЧР ООН.

Отметим, что доходы Грузии, Украины, Армении и Молдовы – более чем вдвое меньше России, их ВВП на душу населения меньше, чем у Болгарии, самой бедной страны в БВДБ. Удивление и сожаление вызывают Узбекистан, Киргизия и Таджикистан, доходы которых в 4,8 и более раз меньше России, и, как видно из Рис. 1, они близки к доходам наименее развитых стран мира – 3 646 долларов. Это региональная катастрофа, которая продолжается уже много лет.

Однако автор знает, что математическая наука в Таджикистане, например, не уничтожена – в стране публикуются высококачественные научные статьи, а в Таджикском национальном университете на его 18 факультетах обучаются новые поколения ученых.

Анализ показывает, что за 19 лет с 2000 г. по 2019 г. доходы населения на душу населения возросли в БСС в 4,1 раза, в России – в 4,5 раза, в БВДБ – в 3,9 раза,

в БЮ – в 3,3 раза. Заметно меньше выросли доходы в Евросоюзе – в 2,2 раза, в странах G7 – в 1,8 раза. Рост доходов составил в Латинской Америке – 2,0 раза, в странах арабского мира – 1,6 раза, в Японии – 1,6 раза. Наибольший рост доходов в мире за этот период был в Китае – в 5,9 раза.

Рассмотрим темпы роста ВВП на душу населения в исследуемых группах стран в 2017–2021 гг. (Рис. 2). Средние темпы роста ВВП на душу населения в группах стран составили: БСС – 2,87 %, БВДБ – 3,48 %, БЮ – 3,31 %, Евросоюз – 1,34 %, G7 – 0,71 %, страны с высоким доходом – 1,23 %, НРС – 0,73 %. В эти годы темпы роста стран БСС, БВДБ и БЮ заметно превысили рост Евросоюза, группы G7 и стран с высоким доходом. При этом большинство стран БСС и все страны БВДБ по темпам роста опережали Россию. Рост доходов Ирландии был 7,74 %, Китая – 5,70 %, Индии – 3,03 %.



Рис. 2. Темпы роста ВВП на душу населения в странах в 2017–2021 гг.
Казахстан (1,56) вдвое больше Франции

На Рис. 3 представлено изменение темпов развития стран Евросоюза и G7 в 2000–2019 гг. Заметим их заметное снижение в течение этого периода. В этом веке годовые темпы уменьшились со значений 3,3–3,8 % в 2000 г. до 1,3–1,03 % в 2019 г. Малые темпы роста экономики развитых стран в настоящее время автор объясняет системным кризисом мировой экономики нового типа. Если раньше кризисы происходили от перепроизводства товаров, то теперь торможение начинается происходить от насыщения быстро совершенствующихся технологий и быстрого достижения предела возможностей используемых физических принципов в глобализованном мире. Однако при этом рост доходов продолжается.

Разработка каждой технологии всегда сталкивается с насыщением ее совершенствования. Именно это обстоятельство происходит в новом веке в мире в растущем количестве технологических инноваций. Обычно быстрые успехи в развитии технологий через несколько лет сменяются их замедлением, связанным с

насыщением заложенных в них технологических идей и физических принципов [Тарко 2016; Эксперт 2010]. К примеру, так происходило насыщение технологий производства жестких и оптических дисков, флэш-накопителей компьютеров. При разработке солнечной энергетики, солнечно-ветровых станций их КПД более десяти лет не может превзойти значений 30–40 %. Еще одним примером является развитие термоядерной энергетики, разработки которой значительно затормозились после первых лет больших надежд. При этом, наоборот, рост технологий, основанных на использовании искусственного интеллекта, в настоящее время невелик и далек от имеющихся в прессе пожеланий – этот вид технологий находится в стадии начала разработки и применения.



Рис. 3. Динамика средних значений темпов роста ВВП на душу населения стран Евросоюза и G7 в 2000–2019 гг.

Обратимся к анализу демографических процессов. На Рис. 4 представлены текущие расходы в здравоохранении на душу населения в 2020 г. В этом году средняя величина расходов в странах БСС составляла 991 доллар, в БВДБ – 2 560 долларов, в БЮ – 2 285 долларов, в группе G7 – 6 395 долларов, в Евросоюзе – 4 762 доллара. Это значит, что страны БСС в среднем тратили на здравоохранение в 2,3 раза меньше, чем БВДБ, в 5,2 раза меньше, чем Евросоюз, в 7,0 раз меньше, чем G7. Расходы на здравоохранение в России составили 2 278 долларов. Самые большие расходы на здравоохранение в БВДБ были в Чехии – 3 846 долларов. Отметим, что расходы на здравоохранение в США составили 10 624 долларов, то есть в 4,7 раза больше, чем в России.

Важным фактом развития является то, что страны Центральной Азии – Таджикистан и Киргизия – живут как бы в особом мире. Имея доходы, близкие к наименее развитым странам, они имеют медицинское обслуживание на человека в Таджикистане 313 долларов, что в 7,7 раза меньше, чем в России, а в Киргизии 269 долларов, что в 8,5 раза меньше.



Рис. 4. Текущие расходы на здравоохранение на душу населения в группах стран в 2020 г.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) – важный демографический параметр (Рис. 5). Средние значения ОПЖ для групп стран в 2021 г. составляют: БСС – 70,6 года, БВДБ – 74,6 года, БЮ – 74,5 года. В Евросоюзе – значительно больше – 80,4 года, G7 – 81,4 года. У России ОПЖ равна 69,4 года – это отставание от Евросоюза на 11 лет. Ни одна из стран БСС, БВДБ и БЮ, за исключением Словении (80,9 года), не превышает среднего значения Евросоюза. ОПЖ Японии равна 84,4 года, это больше, чем в Молдове (68,8 года), на 15 лет.



Рис. 5. Ожидаемая продолжительность жизни в группах стран в 2021 г.

Рассмотрим младенческую смертность (МС) в 2021 г. (Рис. 6). Средние значения МС на 1000 рождений составляют: БСС – 13,4, БВДБ – 3,5, БЮ – 3,6, группа G7 – 3,4. МС в России (4,1) выше значения в Евросоюзе (3,1). В Беларуси достигнуто значение 2,1, это одно из самых малых в Европе. В Японии детская смертность – 1,7. Значения МС Таджикистана (27,6) и Туркменистана (35,8) недалеко от наименее развитых стран (НРС) (43,7). В республиках Центральной Азии ситуация с высокой МС не исправлялась в течение многих лет.



Рис. 6. Младенческая смертность в группах стран в 2021 г.

Следующий параметр – материнская смертность (Рис. 7). Ее значение в 2021 г. в России – 14,0 на 100 000 живых рождений. Средние значения стран БСС – 13,4, БВДБ – 3,5, БЮ – 3,7, в странах G7 – 3,4, в Евросоюзе – 6,0. Здесь ситуация аналогична ситуации с младенческой смертностью – материнская смертность мала в Европе, но заметно больше в странах БСС, особенно в Центральной Азии: в Киргизии ее значение 47,0, что в 7,9 раза больше, чем в Евросоюзе, и в 11,7 раза больше, чем в Германии. Отметим также, что в Беларуси было достигнуто одно из самых минимальных в мире значений материнской смертности – 1,0.

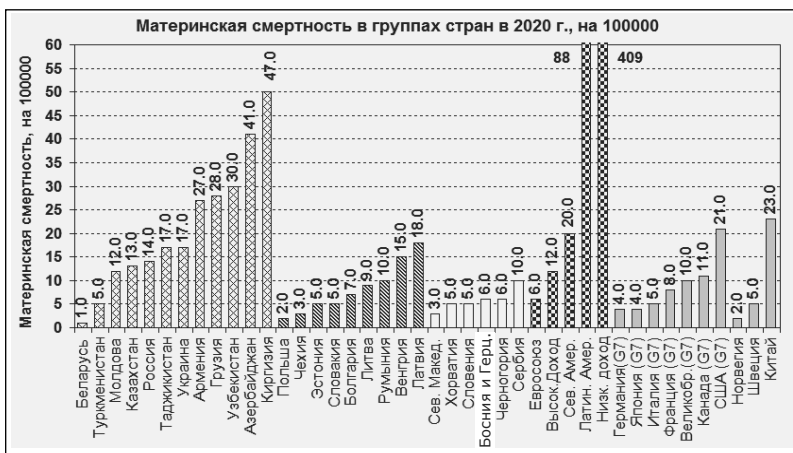


Рис. 7. Материнская смертность в группах стран в 2021 г.

Рассмотрим долю населения 80 лет и старше, мужчины в 2021 г. (Рис. 8). Здесь средние значения параметра равны соответственно БСС – 1,2 %, БВДБ – 3,1 %, БЮ – 3,05 %, группа G7 – 5,0 %. Россия со значением 2,04 % находится на четвертом месте среди стран БСС. Наименьшие значения здесь – у стран Центральной Азии – от 0,45 % до 0,52 %, они близки к параметрам наименее развитых стран (0,38 %).



Рис. 8. Доля популяции (%) в группах стран с возрастом населения 80 лет и больше (мужчины) в 2021 г.

На Рис. 9 показана связь доли популяции 80 лет и старше и ВВП на душу в четырех группах стран в 2021 г. На графике отмечены непересекающиеся кластеры групп стран: «БСС», «БВДБ + БЮ» и «Развитые страны». Это показывает однозначное яркое различие условий жизни в трех группах стран. Кластер стран бывшего СССР лежит в области диаграммы внизу и слева – малых ВВП на душу и малых вероятностей дожития, тут наименее благоприятные условия жизни. Кластер «Развитые страны» находится выше всех и справа – в области наибольших ВВП на душу и вероятностей дожития, здесь наилучшие условия жизни. Кластер стран «БВДБ + БЮ» занимает промежуточное положение.

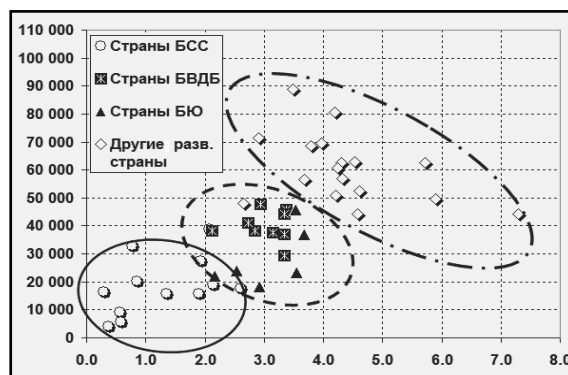


Рис. 9. Связь доли популяции 80 лет и старше и ВВП на душу населения в четырех группах стран в 2021 г. Отмечены границы непересекающихся кластеров групп стран «БСС», «БВДБ + БЮ» и «Развитые страны»

Рассмотрим долю доходов стран от экспорта высокотехнологичной продукции в товарном экспорте в 2021 г. (Рис. 10). Средние значения здесь такие: БСС – 1,51 %, БВДБ – 10,25 %, БЮ – 3,94 %. Страны БВДБ по средним значениям заметно обогнали страны как БСС, так и БЮ. Из трех групп стран на первом месте оказались Чехия – 18,28 %, Венгрия – 13,86 % и Эстония – 12,45 %. Россия заняла четвертое место в группе стран БСС – 2,13 %. Эта величина более чем в 10 раз меньше по сравнению с Южной Кореей – 31,81 %, Китаем – 28,06 % и Ирландией – 26,14 %.



Рис. 10. Экспорт высокотехнологичной продукции в группах стран, в % от товарного экспорта в 2021 г.

Из рисунка видно, что Казахстан, Беларусь и все страны бывшего Варшавского договора обогнали Россию по высокотехнологичной продукции. При этом она теперь не является первой по космическим и другим достижениям, как было во времена СССР. Ее состояние можно сравнить с командой второй лиги стран мира по футболу, при условии, что первая лига – это богатые высокоразвитые страны. То же можно сказать о положении во второй лиге других стран бывшего Варшавского договора и Югославии. Отметим, что две страны – Чехия и Венгрия – по этому показателю несколько лет назад достигли уровня первой лиги.

Индустриальные выбросы CO_2 стали одним из важных показателей высокотехнологического развития. Разработка и переход на передовую низкоуглеродную энергетику стали главной задачей при уменьшении выбросов CO_2 в борьбе с глобальным потеплением.

Рассмотрим связь индустриальных выбросов CO_2 на душу населения и ВВП на душу населения в странах мира в 2019 г. с делением на страны, добывающие и не добывающие нефть (Рис. 11). На рисунке проведены линии линейной регрессии для двух типов стран – штриховая для нефтяных, сплошная – для ненефтяных. Они показывают превышение выбросов у нефтяных стран над ненефтяными – например, Кувейт и Катар – над Швецией и Ирландией. Мы видим принципиальное отличие двух типов стран в поглощении CO_2 . Исключением здесь являются четыре нефтяные страны с высоким высокотехнологичным развитием: Норвегия, Дания, Великобритания и Италия. Это страны с современной энергетикой, благо-

даря ее наличию они имеют минимальные выбросы CO_2 при схожих доходах нефтяных стран.



Рис. 11. Зависимость промышленных выбросов CO_2 от ВВП на душу населения в странах мира в 2019 г. Штриховая линия регрессии проведена для нефтяных стран, сплошная – для нефтегазовых стран

На Рис. 12 дана характеристика степени сокращения выбросов – разность промышленных выбросов CO_2 на душу населения в 2021–2020 гг. В эти годы в 10 из 12 стран БСС в течение этого времени наблюдался рост выбросов, наибольшим он был в сырьевом Казахстане – на 3,87 т/чел. В России был рост на 2,06 т/чел. В Узбекистане и на Украине выбросы уменьшились. В Литве, Латвии и Болгарии выбросы увеличились, в пяти других странах БВДБ они снизились. Во всех странах G7 было уменьшение выбросов CO_2 . В Евросоюзе выбросы уменьшились на 1,95 т/чел. В имеющих сырьевое развитие арабских странах наблюдалось увеличение выбросов. К примеру, рост CO_2 в Омане составлял 8 т/чел. В высокотехнологичной Норвегии, имеющей, как говорилось, мощную сырьевую индустрию, выбросы уменьшились.



Рис. 12. Разность промышленных выбросов CO_2 на душу населения в странах мира в 2021–2020 г. Штриховая линия указывает нулевую разность выбросов

Идея борьбы с глобальным потеплением заключается в необходимости сокращения выбросов CO_2 всеми странами мира. В целом в указанные годы уменьшение выбросов CO_2 произошло в 41 стране, а увеличение – в 155, то есть годовые выбросы были сокращены в 21 % стран. По массе снижение выбросов CO_2 составило 18 % от их увеличения. Мы видим очевидные трудности стран мира в их сокращении, как в части количества стран, так и по массе.

На Рис. 13 представлен годичный ход концентрации CO_2 в атмосфере по данным измерений в 1990–2023 гг. Видно, что в эти годы идет линейный рост концентрации с высокой степенью статистической значимости (больше 0,99). Из этого можно заключить, что сейчас нет признаков начала стабилизации атмосферной CO_2 и, соответственно, выполнения задач уменьшения глобального потепления [Киотский... 1998; Парижское... 2015]. Становится понятным, что даже если начнется уменьшение промышленных выбросов CO_2 , то при существующей инерции климатической системы достичь желаемых планов к концу этого века, по-видимому, не удастся.

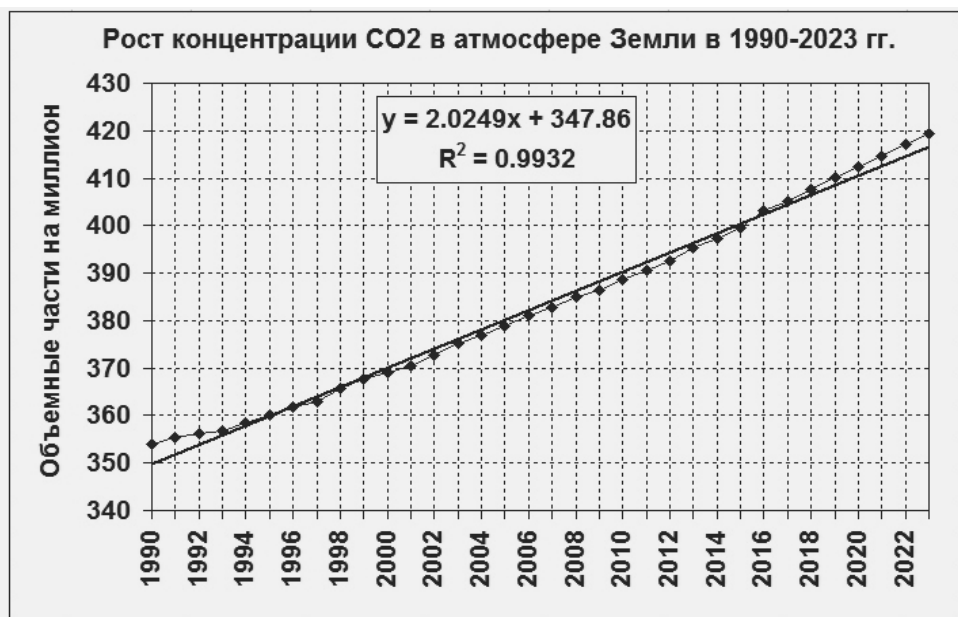


Рис. 13. Ход концентрации CO_2 в атмосфере по данным измерений в 1990–2023 гг.

Информация о прямых иностранных инвестициях в странах, которые мы изучаем, представлена на Рис. 14. Среднее значение прямых инвестиций в 2021 г. составляло: БСС – 2,39 %, БВДБ – 7,88 %, БЮ – 6,25 %, Евросоюз – 3,2 %, G7 – 1,82 %. Инвестиции в России (2,2 %) были меньше всех стран БВДБ и БЮ. Наибольшие инвестиции среди стран БВДБ были: в Эстонии (20,5 %), Венгрии (17,4 %), Латвии (9,4 %). Близкое по величине значение Эстонии было достигнуто в Ирландии (17,89 %). Наибольшая величина иностранных инвестиций в странах БСС приходится на Грузию – 6,9 %.



Рис. 14. Прямые иностранные инвестиции в группах стран в 2021 г., % от ВВП

Экспорт информационных технологий является одним из важнейших показателей высокотехнологичного развития страны (Рис. 15). Его средние значения в долях объема экспорта товаров для групп стран в 2021 г. таковы: БСС – 0,8 %, среднее БВДБ – 8,3 %, среднее БСС – 5,8 %, группа стран G7 – 4,8 %. Среднее значение стран БСС – наименьшее среди других групп, а Россия (0,52 %) в своей группе занимает пятое место. Также отметим, что экспорт информационных технологий ряда стран превышает экспорт России: Китай – в 49,0 раза, Чехия – в 29,8 раза, США – в 17,4 раза, Индонезия – в 5,6 раза, Индия – в 4,2 раза.



Рис. 15. Экспорт информационных технологий

Источник данных: данные получены из [The Global... 2024].

По этому показателю Чехия (15,51 %), Венгрия (12,29 %) и Словакия (12,01 %) опережают страны, из которых наибольшее значение имеют США – 9,07 %. Страны БСС от Грузии (1,5 %) до Азербайджана (0,02 %) и страны БЮ от Сербии (1,66 %) до Боснии и Герцеговины (0,16 %) имеют самые малые значения среди рассматриваемых стран.

Компьютерные и коммуникационные услуги (Рис. 16) включают в себя международные телекоммуникации, компьютерную обработку данных, новостные операции, строительные услуги и многое другое. В среднем в группах стран компьютерные и коммуникационные работы в 2021 г. занимали в экспорте коммерческих услуг следующее положение: БСС – 33,3 %, БВДБ – 55,0 %, БЮ – 41,9 %, Евросоюз – 58,6 %, группа G7 – 60,1 %.

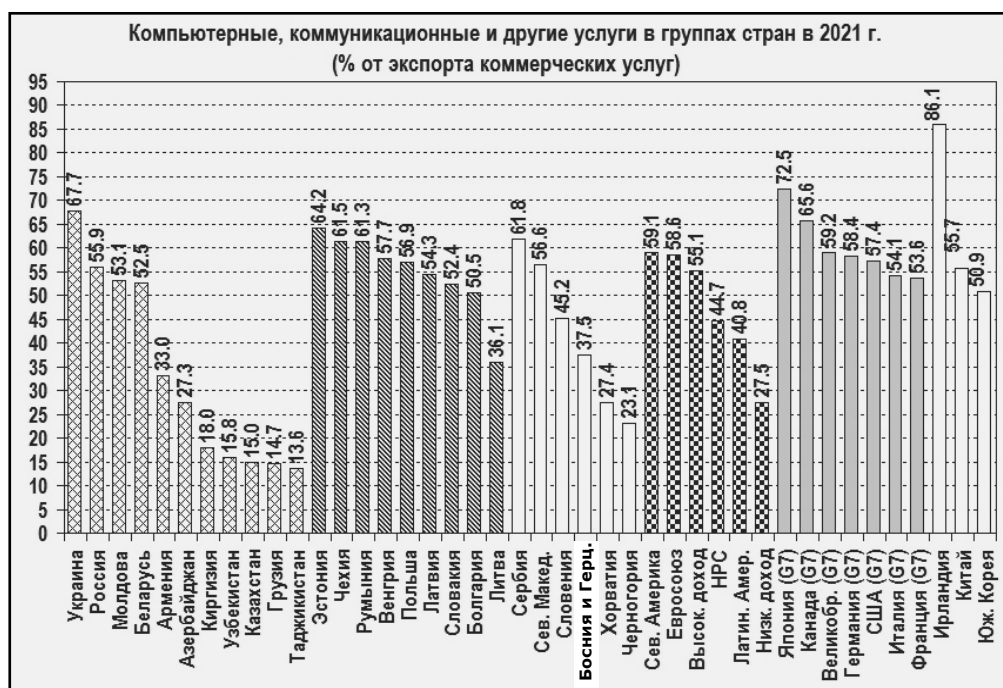


Рис. 16. Компьютерные, коммуникационные и другие услуги в группах стран, % от экспорта коммерческих услуг в 2021 г.

Развитие науки требует затрат соответствующего финансирования. На Рис. 17 даны сведения о затратах на это в группах стран в долях от ВВП в 2021 г. В среднем в этом году было затрачено в БСС – 0,30 %, БВДБ – 1,20 %, БЮ – 1,20 %, странах G7 – 2,60 %, Евросоюзе – 2,28 %. Мы видим, что затраты России составили 0,96 %, Беларуси – вдвое меньше, 0,46 %. Страны БВДБ потратили на науку в 4 раза больше, чем страны БСС, наибольшие затраты были у Чехии – 2,0 %, что вдвое больше, чем значения России, но меньше, чем в среднем в Евросоюзе. Расходы других стран значительно превысили расходы России: Южная Корея – в 5,13 раза, США – 3,59 раза, Германия – 3,27 раза, Евросоюз – 2,37 раза.



Рис. 17. Расходы на научные исследования и разработки в группах стран в 2021 г.

Обратимся к добыче нефти в мире в 2021 г. по данным Табл. 1 [Statistical Review 2023]. Мы видим, что США находятся на 1-м, а Россия – на 2-м месте, Саудовская Аравия – на 3-м, Китай – на 6-м, Норвегия – на 12-м. Казахстан занимает 14-е, Азербайджан – 23-е, Туркменистан – 33-е место.

Таблица 1

Добыча сырой нефти в странах мира в 2021 г.

№	Добыча нефти, млн т	2021 г.
1	США	711,1
2	Россия	536,4
3	Саудовская Аравия	515,0
4	Канада	267,1
5	Ирак	200,8
6	Китай	198,9
7	Иран	167,7
8	ОАЭ	164,4
9	Бразилия	156,8
10	Кувейт	131,1
11	Мексика	96,5
12	Норвегия	93,8
13	Казахстан	86,0
14	Нигерия	77,9
15	Катар	73,3
16	Ливия	59,6
17	Алжир	58,2
18	Ангола	56,6
19	Оман	46,8
20	Великобритания	40,9
21	Колумбия	38,9

Окончание Табл. 1

№	Добыча нефти, млн т	2021 г.
22	Азербайджан	35,1
23	Индия	34,0
24	Индонезия	33,8
25	Венесуэла	33,4
26	Египет	29,6
27	Аргентина	29,1
28	Малайзия	25,9
29	Эквадор	25,3
30	Австралия	18,1
31	Республика Конго	14,0
32	Таиланд	13,9
33	Туркменистан	12,0
34	Вьетнам	9,3
35	Габон	9,0

Источник данных: Statistical... 2021.

Рассмотрим потребление энергии в странах мира в 2021 г. (Табл. 2). Мы видим, что Китай, США и Индия занимают 1-е, 2-е и 3-е места, Россия – 4-е место, Украина и Казахстан находятся соответственно на 32-м и на 33-м.

Таблица 2

Потребление энергии в странах мира в 2021 г.

	Потребление энергии, эксаджоули	2021 г.
1	Китай	157,7
2	США	93,0
3	Индия	35,4
4	Россия	31,3
5	Япония	17,7
6	Канада	13,9
7	Германия	12,6
8	Южная Корея	12,6
9	Бразилия	12,6
10	Иран	12,2
11	Саудовская Аравия	10,8
12	Франция	9,4
13	Индонезия	8,3
14	Великобритания	7,2
15	Турция	6,8
16	Мексика	6,8
17	Италия	6,4
18	Австралия	5,7
19	Испания	5,6
20	Таиланд	5,1

Окончание Табл. 2

	Потребление энергии, эксаджоули	2021 г.
21	Южная Африка	5,0
22	Тайвань	5,0
23	ОАЭ	4,5
24	Польша	4,4
25	Вьетнам	4,3
26	Малайзия	4,2
27	Пакистан	3,9
28	Египет	3,8
29	Нидерланды	3,5
30	Сингапур	3,5
31	Аргентина	3,4
32	Украина	3,3
33	Казахстан	2,9
34	Бельгия	2,7
35	Алжир	2,5

Источник данных: Statistical... 2021.

Продажи топлива более волатильны, чем нефти, – экономические и политические факторы меняются чаще, чем оборудование для добычи, транспортировки и переработки нефти. Рассмотрим продажу топлива как части товарного экспорта в 2021 г. (Рис. 18). Средние значения здесь такие: БСС – 20,9 %, БВДБ – 4,77 %, БЮ – 8,98 %, страны G7 – 8,62 % и Евросоюза – 4,61 %. Из рисунка мы видим, что страны БСС по этому показателю заметно обогнали БВДБ, БЮ, G7 и Евросоюз. Однако тут видна большая неоднородность показателей. Экспорт топлива Казахстана был 57,7 %, России – 43,1 %, Польши – 88,4 %. Это почти в 10 раз больше значений как их групп, Евросоюза, так и стран G7 (кроме Канады – 15,9 %). Здесь видно, что главное направление развития этих стран – сырьевое. В БСС доли производства и продажи топлива у Киргизии – 3,6 %, Молдовы – 0,1 %, Таджикистана – 6,5 %.



Рис. 18. Экспорт топлива в группах стран на международном рынке в 2021 г.
% от товарного экспорта

На Рис. 19 представлены значения отношения доходов от экспорта топлива к высокотехнологичному товарному экспорту в 2021 г. Средние значения по рассматриваемым группам были следующими: БСС – 117,3, БВДБ – 0,5, БЮ – 2,6, страны G7 – 1,1. Этот показатель для России указывает, что ее сырьевое развитие в 20,2 раза больше высокотехнологичного. Для сравнения, у Великобритании отношение экспорта топлива к высокотехнологичному экспорту равно 0,59, но абсолютное значение высокотехнологичного экспорта в 6,3 раза больше России. Отметим близкие значения отношения у России (20,2) и Норвегии (23,3) – обе страны имеют развитые секторы экспорта топлива.



Рис. 19. Отношение доходов от экспорта топлива к высокотехнологичному товарному экспорту в группах стран в 2021 г. По вертикальной оси отложена логарифмическая шкала

Большой разброс значений отношения на несколько порядков в странах БСС происходит в основном от весьма больших значений отношений Азербайджана (883,8), Таджикистана (190,3) и Узбекистана (61,1). Высокотехнологичный экспорт в этих странах очень мал, он во много раз меньше продажи топлива (Рис. 10). Наоборот, малые значения отношения в странах БВДБ происходят от того, что в них мало или совсем нет добычи нефти и производства топлива.

У небогатых Таджикистана, Молдовы и других стран нет запасов нефти, выгодных для продажи сырьевых ресурсов, из-за этого нет денег для развития высокотехнологичных отраслей. Это создает замкнутый круг, препятствующий развитию.

На Рис. 20 дано соотношение доходов от высокотехнологичного и топливного экспорта в торговом экспорте крупных стран мира в 2021 г. Наибольшая доля доходов от высокотехнологичного экспорта достигнута у Китая (28,2 %), у него же – наименьшая доля топливного бизнеса (1,3 %). У России, наоборот, – 2,1 % у высокотехнологичного производства и 43,1 % у продажи топлива. Страны БРИКС Индия и Бразилия опережают Россию по высокотехнологичному экспорту.

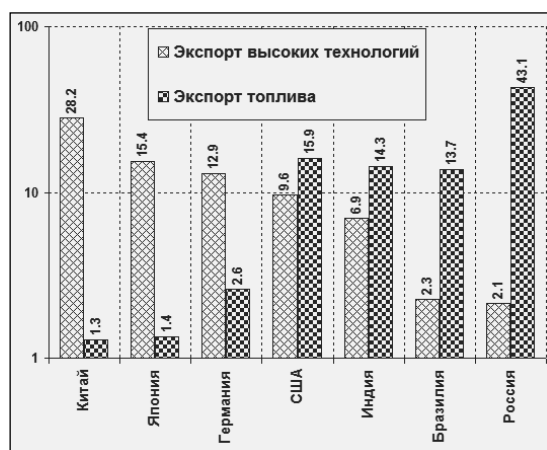


Рис. 20. Соотношение доходов (%) от высокотехнологичного и топливного экспорта в торговом экспорте стран мира в 2021 г. Страны идут в порядке убывания высокотехнологичного экспорта. По вертикальной оси отложена логарифмическая шкала

Добыча, переработка и использование металлов исторически всегда были уважаемым бизнесом в России и в мире. Данные об их продаже в 2021 г. показаны на Рис. 21. Средние значения продаж в товарном экспорте по группам стран здесь такие: БСС – 16,82 %, БВДБ – 4,0 %, БЮ – 11,33 %, Евросоюз – 3,38 %. Среднее стран G7 – 4,55 %, стран с высоким доходом – 4,78 %. Из рисунка видно, что страны БСС, как и в случае с продажей топлива, были впереди других групп стран. Максимальная доля продаж экспорта БСС была в Таджикистане – 40,44 %, Армении – 39,65 %, Грузии – 32,44 %. В Армении и Таджикистане это самая доходная отрасль экономики. На долю России пришлось 7,4 %. В экономическом развитии России ее значение 7,4 % превышает среднее стран G7 (4,55 %), но ниже стран Латинской Америки (13,36 %).

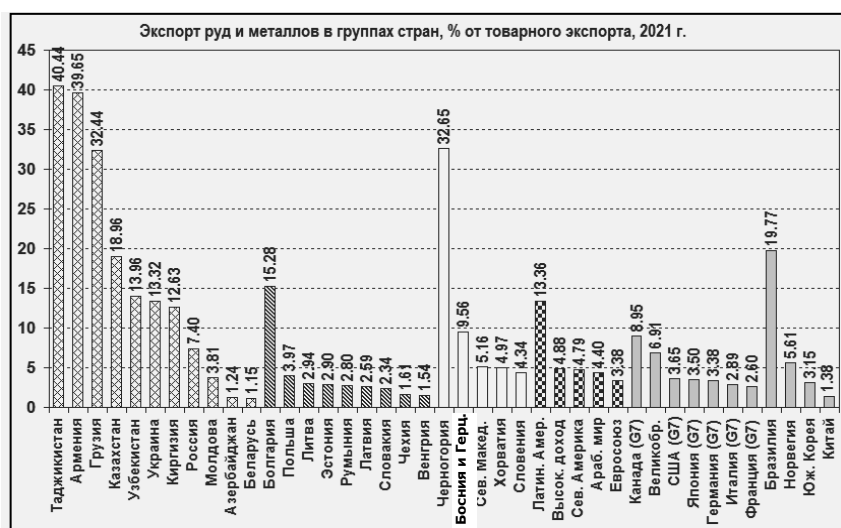


Рис 21. Экспорт руд и металлов в группах стран в 2021 г.

Средние значения экспорта продовольствия в 2021 г. в товарном экспорте групп стран (Рис. 22) составляют БСС – 19,34 %, БВДБ – 11,47 %, БЮ – 9,59 %, страны G7 – 8,82 %, арабский мир – 3,51 %, Евросоюз – 10,0 %. В этом году доли экспорта в группе БСС были заметно больше других стран: на Украине – 40,32 %, в Армении – 30,84 %, в Грузии – 30,12 %. Доля России была 6,58 %. Максимальные продажи среди стран БВДБ были в Латвии – 17,96 % и Болгарии – 16,89 %. В БЮ наибольший доход был у Хорватии – 14,96 % и Черногории – 13,55 %. Отметим, что за исключением трех стран БСС доходы трех групп были равномерно распределены в диапазоне 3–16 %. Схожая равномерность и количественные результаты были в странах Евросоюза (10,0 %) и странах с высоким доходом (8,14 %). Это можно объяснить тем, что данные страны предпочитают поддерживать собственных производителей и соблюдать свою продовольственную независимость.



Рис. 22. Экспорт продовольствия в группах стран в 2021 г., % от экспорта товаров

Данные о полном товарном экспорте групп стран в 2021 г. представлены на Рис. 23. Средние значения экспорта (млн долларов) в 2021 г.: БСС – 60 317, БВДБ – 113 838, БСС – 20 352, G7 – 903 747. Товарный экспорт в этом году у России составлял 494 350. Близким к России был экспорт Мексики – 494 765. Экспорт стран БСС был на порядок (то есть в 10 раз) или на два порядка меньше. Экспорт Польши (340 634), Чехии и Венгрии был немного меньше, чем у России. Другие страны БВДБ имели экспорт на порядок или на два меньше. Экспорт США (1 754 300) был в 3,5 раза больше России, Германии (1 636 742) – в 3,3 раза больше. Самый большой экспорт был у Китая (3 358 163) – в 1,9 раза больше США и в 6,8 раза больше России. К сожалению, товарный экспорт Киргизии (2752) и Таджикистана (2150) был на уровне бедных стран Африки – Республик Чад (4564) и Нигер (1490).

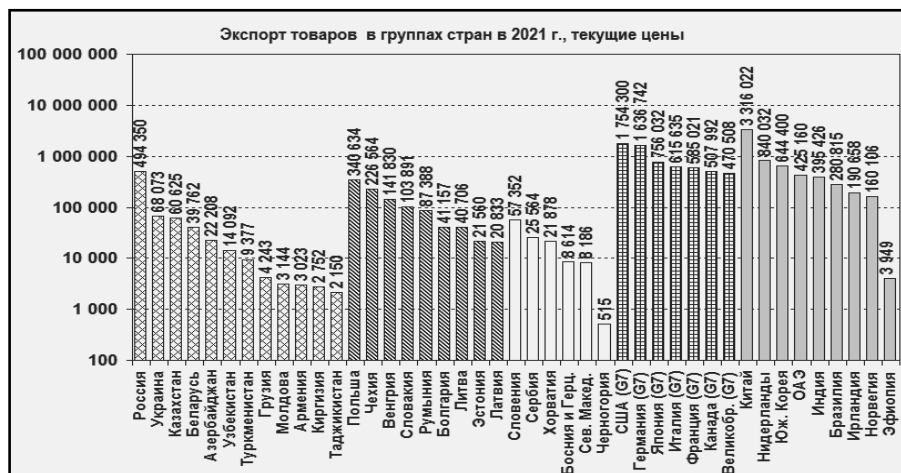


Рис. 23. Товарный экспорт по группам стран в 2021 г., долларов США.

По вертикальной оси отложена логарифмическая шкала

Рассчитаем показатель развития стран Европы – интегральный индекс ИРЕ на основе рассматриваемых выше параметров и указанных во введении стран. Будем рассчитывать среднее баллов для групп выделенных стран БСС, БВДБ, БЮ, G7, а также группы перечисленных выше стран – «Остальные страны Европы» (ОСЕ).

Вот список использованных параметров и их групп.

1. Экономика и энергетика.

1. ВВП на душу с учетом ППС, 2021 г.
2. ВВП, долларов США, 2021 г.
3. Темпы роста ВВП на душу населения, 2017–2021 гг.
4. Потребление энергии на душу населения, 2014 г. (кг нефтяного эквивалента на душу населения).

2. Демография.

5. Расходы на здравоохранение на душу населения, 2020 г., долларов с учетом ППС.

6. Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), 2021 г.

7. Младенческая смертность, 2021 г.

8. Материнская смертность, 2021 г.

9. Вероятность дожития до 65 лет, мужчины, 2021 г.

11. Доля популяции (%) с возрастом 80 лет и больше, мужчины, 2021 г.

3. Техническое и высокотехнологичное развитие.

15. Экспорт высокотехнологичной продукции, процент от товарного экспорта, 2021 г.

16. Экспорт высоких технологий мира, 2021 г., текущих долларов США.

17. Экспорт высоких технологий мира, 2021 г. на душу населения, долларов ППС.

18. Прямые иностранные инвестиции, процент от ВВП, 2021 г.

19. Экспорт информационных технологий, процент от общего объема экспорта.

20. Компьютерные, коммуникационные и другие услуги, процент от экспорта коммерческих услуг, 2021 г.

21. Расходы на научные исследования и разработки, процент от ВВП, 2021 г.

22. Количество статей, опубликованных в научно-технических журналах, 2021 г.

23. Разность масс промышленных выбросов CO₂ на душу населения (т/чел.) в 2021–2020 гг.

4. Добыча и экспорт природных ресурсов.

24. Экспорт топлива на международном рынке, 2021 г., долларов на душу населения.

25. Отношение доходов, от экспорта топлива к высокотехнологичному товарному экспорту, 2021 г.

26. Экспорт руд и металлов, процент от товарного экспорта, 2021 г.

27. Экспорт продовольствия, процент от товарного экспорта, 2021 г.

28. Экспорт сельскохозяйственного сырья, процент от товарного экспорта, 2021 г.

29. Товарный экспорт 2021 г., долларов.

Метод расчета индекса основан на предположении, что все параметры имеют одинаковую важность. Для расчета используется ранговый метод. Все параметры делятся на два типа: 1) большее значение соответствует большему значению из диапазона значений; 2) большее значение соответствует меньшему значению. Для каждого параметра рассчитываются ранги всех стран и средние для каждой из четырех выбранных групп. После этого рассчитывается индекс идентификатора для каждой страны: полученные значения рангов преобразуются в упорядоченную последовательность рангов типа мест в соревновании, так что ранг 1 относится к лучшему показателю по важности, а 45 – к худшему. При реализации алгоритма на ЭВМ автоматически определяется отсутствие части данных в параметрах. Отметим, что из-за разного количества параметров в каждой группе сумма рангов, рассчитанных для групп параметров, не обязательно равна рангу для всех параметров. Результат расчета интегрального показателя всех рассмотренных переменных и индексов для четырех исследуемых групп представлен в Табл. 3.

В крайний правый столбец таблицы помещены значения рангов разности масс промышленных выбросов CO₂ на душу в 2021–2020 гг. В нижних строках таблицы помещены средние значения рангов для групп БСС, БВДБ, БЮ, стран БСС без стран Центральной Азии и стран Центральной Азии (ЦА).

Таблица 3

Индекс развития ИРЕ стран Европы. Указаны ранги по каждой группе параметров

№	Страна	Индекс ИРЕ	Экономика и энергетика	Демография	Техническое и высокотехнологичное развитие	Экспорт природных ресурсов	Выбросы и поглощение CO ₂
1	Нидерланды	1	3	7	6	1	9
2	Швеция	2	6	2	7	4	14
3	Норвегия	3	1	1	19	5	32
4	Германия	4	6	5	1	16	2

Продолжение Табл. 3

№	Страна	Индекс ИРЕ	Эконо- мика и энер- гетика	Демо- графия	Техни- ческое и высоко- техноло- гичное развитие	Экспорт природ- ных ресурсов	Выбросы и погло- щение CO ₂
5	Ирландия	5	2	9	4	38	13
6	Франция	6	10	13	2	17	5
7	Дания	7	5	11	15	2	12
8	Бельгия	8	8	12	9	12	10
9	Финляндия	9	11	14	13	10	15
10	Австрия	10	9	8	14	14	24
11	Великобритания	11	13	17	3	17	1
12	Чехия	12	15	15	5	23	8
13	Италия	13	12	3	16	23	4
14	Швейцария	14	4	6	12	39	18
15	Испания	15	21	4	18	25	6
16	Эстония	16	19	21	11	7	19
17	Польша	17	17	20	10	19	39
18	Словения	18	18	16	27	28	23
19	Россия	19	13	33	22	3	45
20	Венгрия	20	23	24	8	32	17
21	Литва	21	20	26	23	6	29
22	Португалия	22	24	18	23	25	11
23	Исландия	23	16	10	33	36	26
24	Греция	24	31	19	26	9	7
25	Румыния	25	22	30	17	21	16
26	Хорватия	26	27	22	30	7	22
27	Словакия	27	25	23	21	34	20
28	Латвия	28	30	35	20	12	25
29	Болгария	29	28	34	25	22	21
30	Беларусь	30	29	25	34	10	28
31	Турция	31	32	28	32	33	42
32	Украина	32	34	36	28	19	3
33	Казахстан	33	25	37	31	29	41
34	Черногория	34	35	27	36	15	43
35	Босния и Герцеговина	35	36	28	35	27	38
36	Сербия	36	33	32	29	44	43
37	Албания	37	41	31	41	42	27
38	Грузия	38	37	38	39	40	36
39	Азербайджан	39	38	43	42	35	37

Окончание Табл. 3

№	Страна	Индекс ИРЕ	Экономика и энергетика	Демография	Техническое и высокотехнологичное развитие	Экспорт природных ресурсов	Выбросы и поглощение CO ₂
40	Армения	40	39	38	40	41	33
41	Киргизия	41	45	45	38	31	34
42	Узбекистан	42	42	41	44	37	31
43	Таджикистан	43	44	42	43	30	35
44	Молдова	44	40	44	37	43	30
45	Туркменистан	45	43	40	45	45	40
	Основ. Европа	13	14	12	15	20	14
	БСС	37	36	39	37	30	33
	БСС без ЦА	35	33	37	35	27	30
	ЦА	41	40	41	40	34	36
	БВДБ	23	23	27	17	19	23
	БЮ	30	30	25	31	24	34

Мы видим, что пять первых строк в таблице и соответственно мест в индексе занимают страны групп ОСЕ: 1 – Нидерланды, 2 – Швеция, 3 – Норвегия, 4 – Германия, 5 – Ирландия.

Нижние строки таблицы и соответственно последние места в индексе занимают страны Центральной Азии и Молдова с местами: 41 – Киргизия, 42 – Узбекистан, 43 – Таджикистан, 44 – Молдова, 45 – Туркменистан.

Россия занимает 19-е место в индексе. Это самое высокое место среди стран БСС. Наиболее высокие места из стран БВДБ и БЮ получили: 12 – Чехия, 16 – Эстония, 17 – Польша, 18 – Словения.

Среди групп параметров развития у России лучшим было 3-е место в группе «Экспорт природных ресурсов» (это прямо связано с ее 2-м местом в мире по добыче нефти в мире). К сожалению, Россия в группе «Техническое и высокотехнологичное развитие» (22-е место) уступает всем развитым странам Европы за исключением Португалии (25-е место). Наименьшим из полученных мест России было 33-е в группе «Демография и последнее значение ранга по поглощению выбросов CO₂».

По степени сокращения выбросов CO₂ группы стран идут в порядке баллов: ОСЕ – 14, БВДБ – 23, БСС без ЦА – 30, БСС – 33, БЮ – 34, ЦА – 36.

На Рис. 24 даны средние значения по группам параметров в индексе. Мы видим, что во всех группах первые места принадлежат странам ОСЕ, а все последнее – БСС. Вторые места от «Экономика» до «Экспорт природных ресурсов» занимают БВДБ, третьи – страны БЮ.

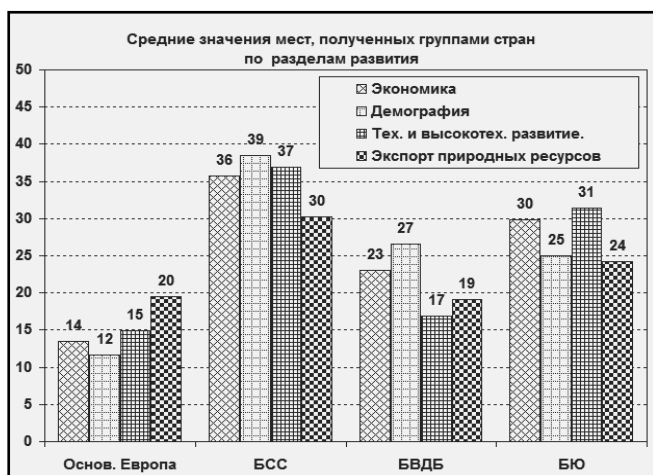


Рис. 24. Значения рангов групп стран ИРЕ по группам параметров развития (чем ниже колонка, тем выше ее ранг и место в индексе)

На Рис. 25 приведены средние значения рангов указанных выше групп стран ИРЕ. Страны Европы занимают 1-е место (13 баллов), БСС – 2-е (37 баллов), БВДБ – 4-е (23 балла), БЮ – 3-е (30 баллов), БСС без ЦА – 5-е (35 баллов), ЦА – 6-е (41 балл). Мы видим, что если удалить группу ЦА из анализа стран Европы, то это не приведет к превышению группы БСС над странами БВДБ или БЮ.

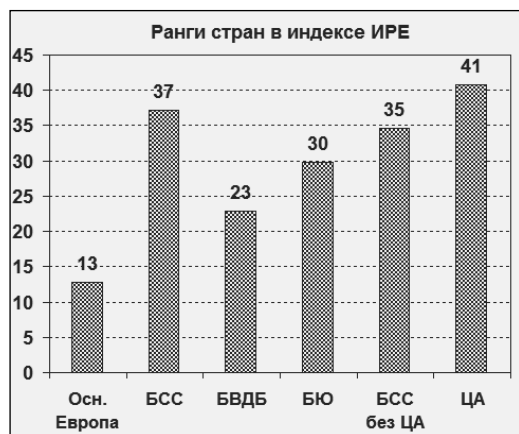


Рис. 25. Значения рангов групп стран ИРЕ (чем ниже колонка, тем выше ее ранг и место в индексе)

В заключение отметим, что в целом страны бывшего СССР, Варшавского договора и Югославии добились значительного прогресса за более чем 30 лет независимой жизни. Темпы роста их ВВП на душу населения в 2017–2019 гг. были заметно больше, чем у Евросоюза и стран G7.

В течение 2000–2019 гг. доходы на душу населения в странах БСС, БВДБ и БЮ возросли в среднем больше, чем в целом в Евросоюзе и группе стран G7. Остальные страны Европы и группы G7 добились более высокого роста доходов,

большого развития большинства параметров в высокотехнологичном и демографическом развитии.

Из стран БВДБ лучшей по индексу ИРЕ была Чехия, из стран БЮ – Словения, из стран БСС – Россия. Россия за годы развития не стала лидером стран БВДБ или БЮ. Отметим ее ориентацию на развитие сырьевого сектора экономики с преимуществом по отношению к высокотехнологичному. Расходы России на научные исследования и разработки в 2021 г. были в три раза меньше, чем в Германии.

Страны Центральной Азии Киргизия, Таджикистан и Туркменистан имеют низкие темпы развития, их экономическое, демографическое и технологическое развитие заметно слабее большинства стран Европы.

Показано, что связанное с планами Парижского соглашения уменьшение промышленных выбросов CO₂ в атмосферу на основе совершенствования высокотехнологического развития и перехода на передовую низкоуглеродную энергетику не достигает успеха – продолжается линейный рост концентрации CO₂ в атмосфере.

Все страны стремятся достичь большего и предпринимают действия для продвижения вперед. Есть надежда, что усилия этих стран будут успешными.

Литература

Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. 1998 [Электронный ресурс]. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/kprus.pdf> (дата обращения: 01.02.2025).

Парижское соглашение. FCCC/CP/2015/L.9. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/l09r.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).

Тарко А. М. О настоящем и будущем России и мира. Тула : Промпилот, 2016.

Тарко А. М. К итогам 30-летнего развития стран бывшего СССР, Варшавского договора и Югославии // Век глобализации. 2021. № 4(40). С. 104–130. DOI: 10.30884/vglob/2021.04.00.

Эксперт. 2010. № 1. Специальный выпуск.

Human Development Index [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 20.02.2025).

Statistical Review of World Energy. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> (дата обращения: 17.10.2024).

The Global Economy. Economic Growth and Development. Показатели мирового экономического развития. 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theglobaleconomy.com/> (дата обращения: 26.02.2025).

World Bank Open Data. World Development Indicators. 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/data/home.aspx> (дата обращения: 11.02.2025).

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ПРОГНОЗ УСТОЙЧИВОСТИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НА ОСНОВЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДИКТОРОВ В СТРАНАХ БРИКС*

Борисоглебская Л. Н., Сергеев С. М., Снимщикова И. А.,
Фирсова О. А.**

Статья посвящена изучению экологических предикторов качества жизни населения, а именно взаимосвязи между качеством жизни населения, экологическими факторами в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и прогнозированию влияния решений правительств на ана-

* Работа выполнена в ОГУ имени И. С. Тургенева в рамках государственного задания № 075-00195-25-00 от 25.12.2024 г. на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 гг., проект FSGN-2024-0014 (1024041900023-6-3.1.3;3.2.12;3.2.4).

Для цитирования: Борисоглебская Л. Н., Сергеев С. М., Снимщикова И. А., Фирсова О. А. Прогноз устойчивости качества жизни на основе экологических предикторов в странах БРИКС // Век глобализации. 2025. № 4. С. 107–115. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.09.

For citation: Borisoglebskaya L. N., Sergeev S. M., Snimshchikova I. A., Firsova O. A. Forecast of Sustainability of Quality of Life Based on Environmental Predictors in BRICS Countries // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 107–115. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.09 (in Russian).

** Борисоглебская Лариса Николаевна – д. э. н., к. т. н., профессор, и. о. проректора по научной и проектно-инновационной деятельности ФГБОУ ВО «ОГУ им. И. С. Тургенева». E-mail: l.boris-gleb@yandex.ru.

Larisa N. Borisoglebskaya – Dr. Econ., Ph.D. in Technical Sciences, Professor, Acting Vice-Rector for Research and Project and Innovation Activities, Orel State University named after I. S. Turgenev. E-mail: l.boris-gleb@yandex.ru.

Сергеев Сергей Михайлович – к. т. н., доцент, доцент высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: sergeev2@yandex.ru.

Sergey M. Sergeev – Ph.D. in Technical Sciences, Associate Professor of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Institute of Industrial Management, Economy and Trade. E-mail: sergeev2@yandex.ru.

Снимщикова Ирина Анатольевна – д. м. н., директор Медицинского института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева». E-mail: snimshikova@mail.ru.

Irina A. Snimshchikova – Dr. Med., Director of the Medical Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Oryol State University named after I. S. Turgenev”. E-mail: snimshikova@mail.ru.

Фирсова Олеся Артуровна – к. э. н., доцент, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и гигиены ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева». E-mail: koroleva_olesya@mail.ru.

Olesya A. Firsova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Health, Healthcare and Hygiene of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Oryol State University named after I. S. Turgenev”. E-mail: koroleva_olesya@mail.ru.

литические индексы качества жизни. Основное предназначение данных показателей состоит в определении базовых приоритетов развития социума, указании вектора адресного приложения усилий государственного управления. В подавляющем большинстве стран понятие качества жизни населения позиционируется в числе самых влиятельных факторов деятельности социума как экономической системы. Эффективность функционирования государства, экономическое развитие, устойчивость основ общественного устройства неразрывно взаимосвязаны с качеством жизни граждан. При этом самая широкая трактовка данного понятия обусловлена сложностью его как социальной категории, комплексностью характеристик, как измеримых экономических, так и субъективных, во многом нечетко выраженных. Особое внимание уделено региональной специфике стран БРИКС, подчеркивающей неоднородность экономик и экологических ситуаций внутри объединений. Анализ выявил ряд существенных проблем, таких как неравномерное распределение доходов, региональные различия в условиях жизни городских и сельских районов.

Ключевые слова: качество жизни, экология, индексы качества жизни, БРИКС, устойчивое развитие, климатические изменения, региональная специфика.

FORECAST OF SUSTAINABILITY OF QUALITY OF LIFE BASED ON ENVIRONMENTAL PREDICTORS IN BRICS COUNTRIES

The article is devoted to the study of environmental predictors of the quality of life of the population, namely the relationship between the quality of life of the population, environmental factors in the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China, South Africa) and forecasting the impact of government decisions on analytical indices of quality of life. The main purpose of these indicators is to determine the basic priorities of the development of society, indicating the vector of targeted application of public administration efforts. In the overwhelming majority of countries, the concept of quality of life of the population is positioned among the most influential factors in the activity of society as an economic system. The effectiveness of the state, economic development, sustainability of the foundations of the social structure are inextricably linked with the quality of life of citizens. At the same time, the broadest interpretation of this concept is due to its complexity as a social category, the complexity of characteristics, both measurable economic and subjective, largely unclear. Particular attention is paid to the regional specifics of the BRICS countries, emphasizing the heterogeneity of economies and environmental situations within the associations. The analysis revealed a number of significant problems, such as uneven distribution of income, regional differences in living conditions in urban and rural areas.

Keywords: quality of life, ecology, quality of life indices, BRICS, sustainable development, climate change, regional specifics.

Введение

В рамках данного исследования акцент сделан на том, что социально-экономическое содержание показателя качества жизни дает обратную связь при поддержке решений правительства или администрации территорий.

Поскольку мировой социоландшафт очень многообразен и находится в широком диапазоне, различные территории и страны используют отличающиеся по составу индикаторы качества жизни. В распоряжении исследователей имеется принятый ООН подход, который публикуется в ежегодном докладе, посвященном развитию человека в мировом масштабе.

В свою очередь, в России уже 30 лет рассчитывается индикатор качества жизни. Его назначение состоит в сравнении данных по российским городам согласно 11 показателям [Глебова 2019]. Каждый из них подробно детализуется в аспекте общих критериев, а данные ежегодно поступают в форме «Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации».

В мировой практике широко используются показания качества жизни, определяемые компанией Economist Intelligence Unit, при этом их разработка известна как *quality-of-life index* и формируется на основе девяти базовых показателей [Аванесова и др. 2021].

В развитых странах также применяется аналитический индекс качества жизни (ИКЖ), издаваемый регулярно в сети The Economist, *Internacional Living Legatum Prosperity Index*. При этом делается подход на человеческое развитие, основу которого составляет теория Maslow's hierarchy of needs, известная как иерархическая модель и делающая упор на базовые потребности личности. При ее разработке автор, психолог из США, Абрахам Маслоу проводил расчет по шести показателям, которые были интерпретированы в форме уровней пирамиды соответствующих потребностей личности.

Один из распространенных индексов качества жизни построен на системе эстиматоров OECD (Organization for Economic Cooperation and Development), то есть системе статистических оценок [Организация...]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) действует в рамках исследования 38 развитых государств. Стоит отметить, что в состав входят большинство стран Евросоюза, Северной и Южной Америки, АТР, а также отдельно Еврокомиссия, что охватывает 60 % мирового ВВП.

В зависимости от поставленных перед обществом задач набор индикаторов может меняться. При этом, несмотря на широкий диапазон вариантов сочетания показателей уровня общественного развития, есть базовый набор, входящий в состав интегрального индикатора, включающий оценку состояния здравоохранения и образования, занятости населения, покупательной способности и др.

Для проведения сравнительного анализа индексов качества жизни стран БРИКС на текущий период необходимо дать характеристику основным экономическим показателям стран БРИКС в 2025 г.

В текущем году экономика стран БРИКС продолжает демонстрировать уверенный рост, несмотря на сложную международную обстановку. Средний темп прироста по экономике БРИКС достигает 4,4 % в год, значительно опережая мировой показатель в 3,2 %. Темпы роста стран G7 составляют лишь 1,7 %, подчеркивая преимущество развивающихся рынков. Доля стран БРИКС в мировом валовом внутреннем продукте (ВВП) по паритету покупательной способности достигла рекордных 36,7 %, что свидетельствует о растущем влиянии блока на мировую

экономику. Экономика стран БРИКС+ характеризуется высокой степенью диверсификации, охватывая различные отрасли промышленности, сельского хозяйства, энергетики и сферы услуг. Ключевыми секторами в странах являются:

- Россия: нефтегазовая промышленность, металлургия, сельское хозяйство и оборонная промышленность;
- Китай: производство электроники, машиностроение, строительство инфраструктуры и информационные технологии;
- Индия: фармацевтика, IT-технологии, автомобилестроение и агропромышленный сектор;
- Бразилия: добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, энергетика и туризм;
- Южная Африка: горнодобывающая отрасль, банковская сфера, телекоммуникации и обрабатывающая промышленность;
- Египет: туристическая индустрия, пищевая промышленность, транспорт и строительство.

Объем внешней торговли между странами БРИКС активно растет благодаря взаимному сотрудничеству и усилению интеграционных процессов. Важнейшими торговыми партнерами выступают Китай, Индия и Бразилия, чья продукция востребована на рынках остальных членов группы. Основной экспорт представлен сырьевыми товарами, промышленным оборудованием, продовольствием и технологиями. Инвестиции внутри БРИКС также играют значительную роль в развитии каждой из стран-участниц. Программы совместного инвестирования способствуют развитию инфраструктурных проектов, созданию новых рабочих мест и улучшению условий ведения бизнеса.

Социальная политика стран БРИКС направлена на повышение уровня жизни населения, развитие человеческого капитала и борьбу с бедностью. Особое внимание уделяется следующим направлениям:

- улучшение системы здравоохранения;
- развитие образования и науки;
- поддержка малого и среднего предпринимательства;
- повышение доступности информационных технологий;
- экология и устойчивое развитие.

Экологическая устойчивость является приоритетом для всех участников БРИКС. Принята стратегия, направленная на снижение выбросов углекислого газа, использование возобновляемых источников энергии и охрану природных ресурсов. Благодаря совместным усилиям достигается значительное сокращение углеродного следа и улучшение экологической обстановки в регионах проживания значительной части населения планеты.

Улучшение системы здравоохранения также является ключевым направлением развития стран БРИКС. Определенные группы населения из-за генетических и экологических факторов могут иметь повышенный риск раннего инфаркта миокарда. Примечательно, что высокая распространенность близкородственных браков в регионе Ближнего Востока, Северной Африки и Индии является важной основной причиной инфаркта миокарда у молодых людей из-за повышенной распространенности унаследованных редких дислипидемий, таких как FH, FCHL и т. д.

Таким образом, страны БРИКС продолжают укреплять свое положение на международной арене, демонстрируя высокие темпы экономического роста, активное сотрудничество и стремление к достижению целей устойчивого развития. Экономическое партнерство БРИКС становится ключевым фактором стабилизации глобальной экономической ситуации, обеспечивая баланс сил в многополярном мире, и ведет к повышению качества жизни населения этих стран.

Материалы и методы

В данном исследовании за основу принята концептуальная модель устойчивого качества жизни, которая включает рассмотрение ряда показателей:

- доходы населения;
- комфорт жилья;
- здоровье и медицинское обслуживание;
- доступность качественного образования;
- качество окружающей среды;
- демографическая ситуация.

Организацией экономического сотрудничества и развития предложены ключевые параметры, позволяющие оценивать благополучие общества:

- общие материальные ресурсы;
- условия труда и занятость;
- безопасность жизни;
- благополучие семьи и детей;
- уровень образования и профессиональной подготовки;
- информированность и участие граждан в общественной деятельности [Организация...].

Когда индекс качества жизни становится ниже определенного порога, население, обладающее наиболее ценными компетенциями, энергией и амбициями, начинает искать новое место для реализации трудового потенциала. Это ведет к миграционным процессам, что дает отрицательную обратную связь. Оставшийся сегмент населения, который либо не может предложить рынку труда свой потенциал, либо по возрасту и состоянию здоровья не является производительной силой, но является потребителем, не получает достойного уровня жизни, что по причине невозможности вносить в экономику свой вклад в результате также приводит к деградации общего социальноэкономического фона.

Падение ИКЖ неразрывно связано со снижением общего уровня образования и, соответственно, квалификации, что также влечет падение отдачи производственных мощностей, производительности труда или уровня качества выполненных работ в сфере услуг. Все это в свою очередь также влияет на отрицательную динамику качества жизни населения.

Методология расчетов

Расчет индексов качества жизни производится на основании статистических данных и экспертных оценок. Рассмотрим отрасли, оказывающие количественное влияние на формирование индекса качества жизни. Прежде всего это медицина как элемент экономики. Также, например, ключевую роль играет отрасль образо-

вания. В масштабах региона или страны их необходимо формализовать набором параметров.

Отличительным фактором служит масштаб отрасли L , который отражает долю в количественном выражении и учитывает занятость в данной сфере, стоимость основных фондов, причем рассматриваются как абсолютные, так и относительные показатели. Например, в медицине – число коек, количество врачей на 100 000 населения; в сегменте образования – такие параметры, как число бюджетных мест, квалифицированных преподавателей, оснащение технической базой и пр.

В 2024 г. расходы на здравоохранение в Российской Федерации составили 6,7 трлн руб., или 3,7 % ВВП. По способу финансирования в здравоохранении РФ сложилась смешанная модель, в которой участвуют и средства населения (частные), и государственные (или общественные) средства.

За счет государственных средств оплачиваются Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи (ПГГ), инвестиционные расходы, содержание медицинских учреждений, в том числе образовательных организаций, санитарно-эпидемиологическая служба и др. Население оплачивает медицинскую помощь как напрямую, путем оплаты медицинских услуг в государственных, муниципальных и частных медицинских организациях, так и через систему добровольного медицинского страхования (ДМС).

Здравоохранение занимает 2,6 % в структуре затрат на цифровизацию в России. Важность данных показателей обусловлена тем, что доля личных расходов населения на здравоохранение в РФ составляет 35 %.

Отрасль также характеризуется уровнем организации, ее эффективности, которая измеряется влиянием инвестиций на качество жизни общества. Это не только показывает отдачу, но и служит интегральным индикатором S таких параметров, как оснащенность современными технологиями, квалификация сотрудников, привлекательность и престижность работы в данной профессии.

Основным управляющим параметром является степень финансирования отрасли u , которая измеряется в абсолютных единицах. При этом протяженные во времени процессы можно описать как генерацию ряда параметров. Это, во-первых, Q как показатель отрасли, входящий в состав индикатора качества жизни.

Кроме того, необходимо учесть, что каждая отрасль порождает также финансовый результат. Например, в медицине – это платные услуги, в образовании – платное обучение на контрактной основе. Данные потоки разнесены по времени t и частично участвуют в общем финансировании отрасли.

При описании процесса генерации показателей качества жизни необходим учет целого ряда аргументов, участвующих в формировании математических выражений. Данные должны отражать протяженность по времени t , что даст необходимую динамику процесса. Также в модели участвует влияние параметра L . Это выраженная численно мера инерционности отрасли, что показывает длительность реакции на изменение факторов управления.

Соответственно, влияние финансирования представляется как функция уже двух переменных $u(x, t)$, где $x \in [0, L]$. Более того, важно отметить, что данный набор позволит составить первое уравнение для изменения индикатора Q отрасли, под чем подразумевается показатель данной отрасли, входящий в состав индекса качества жизни.

Кроме того, для полноты модели необходим учет социально значимых процессов внутри отрасли, что означает принятие в расчет изменения качества жизни для доли населения, задействованной внутри отрасли, а также в процессах, порожденных ее деятельностью. Для экономико-математического моделирования введем функцию $F(x, t)$, которая учитывает как масштаб отрасли, так и протяженность процесса во времени.

Для определения динамики изменения индекса качества жизни необходимо дополнить полученный результат алгоритмом, позволяющим получать решение при произвольном характере изменения $u(x, t)$. Данное обстоятельство проистекает из того факта, что, даже при постоянных или однократных на весь период инвестициях, выходной финансовый поток может иметь не только временной лаг, но и совершенно иную зависимость от аргументов.

Причем надо отметить, что изменение индикатора качества может быть как положительное (улучшение), так и отрицательное (негативный процесс).

На Рис. 1 показано, каким образом осуществляется взаимовлияние показателей системы здравоохранения, инвестиций в развитие отрасли, а также соответствующей составной компоненты индекса качества жизни, где:

L – масштаб отрасли;

S – интегральный индикатор, показывающий оснащенность современными технологиями, квалификации сотрудников, привлекательность и престижность работы в данной профессии;

k – коэффициент согласующей единицы измерения;

$F(x, t)$ – функция, учитывающая как масштаб отрасли, так и протяженность процесса во времени;

Q – показатель, входящий как индикатор отрасли в состав индикатора качества жизни;

u – степень финансирования отрасли.

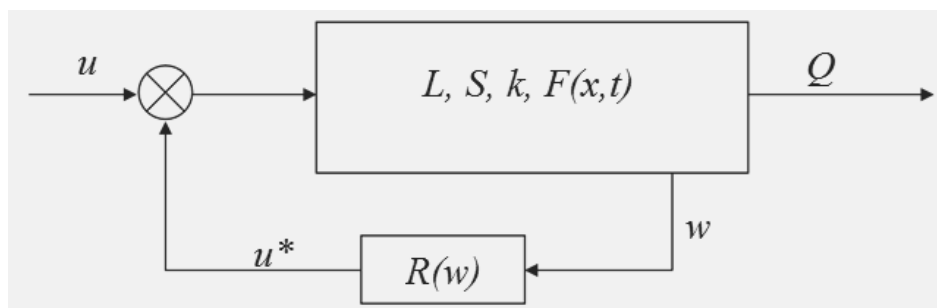


Рис. 1. Структура взаимосвязи составляющих индекса качества жизни

Практическое применение представленного набора математических формализмов может быть различным. Самое очевидное – поиск закономерностей между такими параметрами, как инвестиции, число врачей на 10 000 населения, уровень оснащенности медицинских учреждений, применяемые технологии, общее число коек, продолжительность лечения, уровень заболеваемости и др. Для этого первоначальные данные аккумулируются с применением технологии Big Data и подразумевают соответствующий уровень цифровизации отрасли.

Следующий, более важный этап применения представленного алгоритма – решение задачи устойчивости всей системы здравоохранения через оценку индикатора качества жизни.

Заключение

Исследование подчеркивает необходимость интеграции долговременных инвестиций в отрасли экономики с анализом качества жизни, особенно для российских регионов с их уникальными вызовами. Прогнозирование индекса качества жизни требует учета пространственных и экономических особенностей, а также улучшения статистической базы. Разработанная математическая модель не ставит целью обсуждать, квалифицировать, аттестовать имеющиеся распространенные критерии и методики расчета индекса качества жизни. Исследование сфокусировано на изучении динамики индекса и влиянии на него факторов, обусловленных принятием административных решений в масштабах региона или страны. Предпосылками для выбора вектора приложения усилий при разработке представленного подхода послужило сравнение уровня жизни населения в странах и регионах, достаточно близких по возможностям экономической деятельности. При этом ряд из них расположен в разных полюсах мировых авторитетных рейтингов. Результаты могут стать основой для региональных программ устойчивого развития, сочетающих экономический рост с экологической безопасностью. Страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка и новые участники) занимают центральное место в глобальной экономике, формируя 30 % мирового ВВП и объединяя 45 % населения Земли. Однако их экономический рост сопровождается экологическими вызовами, включая изменение климата, деградацию ресурсов и урбанизацию. В статье анализируются ключевые предикторы, влияющие на качество жизни, и прогнозируется их динамика в среднесрочной перспективе (2025–2030 гг.) Ожидаемый рост влияния БРИКС в мировой экономике (сопоставимый с G7 к 2050 г.) создает уникальный шанс для формирования новой парадигмы устойчивого развития.

Литература

Аванесова Р. Р., Курочкина М. Н., Слюсаренко Э. Е. Основные подходы к оценке уровня и качества жизни // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2021. № 4(54). С. 5–10.

Глебова М. А. Обзор зарубежных методик исследования качества жизни населения // *Социальные и экономические системы*. 2019. № 1(7). С. 18–22.

Организация экономического сотрудничества и развития : [сайт]. URL: <http://oecd.ru.org/betlife.html> (дата обращения: 21.05.2025).

Рекомендуемые источники и литература

Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход. М. : Наука, 2012.

Докторович А. Б. Смысл и методика расчета индекса развития человеческого потенциала // *Российский экономический журнал*. 2021. № 8. С. 89–91.

Обзор существующих методов оценки качества жизни населения [Электронный ресурс]. URL: http://geolike.ru/page/gl_8478.htm (дата обращения: 21.05.2025).

Пойлова О. Н., Мустафин Т. С. Индекс качества жизни как отражение благосостояния и уровня жизни населения // Экономика и социум. 2016. № 5(24). С. 476–482.

Романюк Е. П. Международный опыт оценки качества жизни населения // Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики «Актуальные проблемы авиации и космонавтики». 2022. Т. 3. С. 654–656.

Саламатов А. А., Даванков А. Ю., Ужегов А. О. Экологические предикторы качества жизни населения региона // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2022. № 20(3). С. 140–153.

Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York : Crown Business, 2012.

Kayikcioglu M., Ozkan H. S., Yagmur B. Premature Myocardial Infarction: A Rising Threat // Balkan Medical Journal. 2022. Vol. 39(2). Pp. 83–95. DOI: 10.4274/Balkanmedj.galenos.2022-2-19.

ГЛОБАЛЬНАЯ РОЛЬ РЕСУРСОВ МИРОВОГО ОКЕАНА: ФИЛОСОФСКО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ*

Сугаков Г. К.**

В статье выявлены основные черты экономики Мирового океана как объекта научного познания на этапах классической и неклассической науки согласно типам научной рациональности по В. С. Стёпину. Проводится сравнительный анализ критической теории ресурсов, концепции голубой экономики и отечественной теории экономики Мирового океана с позиций постнеклассической научной рациональности. Делается вывод, что отечественный подход имеет потенциал для дальнейшего использования в исследованиях экономической роли ресурсов Мирового океана и отвечает современной парадигме глобального развития.

Ключевые слова: экономика Мирового океана, типы научной рациональности, постнеклассическая наука, голубая экономика, ресурсы Мирового океана.

THE GLOBAL ROLE OF OCEAN RESOURCES: A PHILOSOPHICAL AND ECOLOGICAL INTERPRETATION

The article reveals the main features of the ocean economy as an object of scientific cognition at the stages of classical and non-classical science according to the types of scientific rationality of V. S. Styopin. A comparative analysis of the critical theory of resources, the concept of blue economy and the Soviet/Russian theory of the ocean economy from the standpoint of post-non-classical scientific rationality is carried out. It is concluded that the Soviet/Russian approach has the potential for further use in the research of the economic role of the ocean resources and meets the modern paradigm of global development.

Keywords: ocean economy, types of scientific rationality, post-non-classical science, blue economy, ocean resources.

Экономика Мирового океана становится одним из наиболее популярных научных направлений в России и за рубежом, где ее знают под именем «голубая экономика» (blue economy). Эта тенденция обусловлена тем, что в последние десятилетия наметился активный рост вклада океанических и морских ресурсов

* **Для цитирования:** Сугаков Г. К. Глобальная роль ресурсов Мирового океана: философско-экологическая интерпретация // Век глобализации. 2025. № 4. С. 116–124. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.10.

For citation: Sugakov G. K. The Global Role of Ocean Resources: A Philosophical and Ecological Interpretation // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 116–124. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.10 (in Russian).

** Сугаков Глеб Константинович – к. э. н., н. с. Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН. E-mail: g.sugakov@inafr.ru.

Gleb K. Sugakov – Ph.D. in Economics, Researcher at the Center for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the RAS. E-mail: g.sugakov@inafr.ru.

в мировую экономику. Например, на шельф уже приходится более 30 % мировой добычи нефти и газа, причем ожидается, что этот показатель будет продолжать расти [The Blue... 2016].

У данного процесса, безусловно, есть фундаментальные экономические и экологические причины. По словам биогеографа К. М. Петрова, «во второй половине XX в. стало ясно, что “неисчерпаемые” запасы сырья на суше быстро тают, и тогда взоры и мысли человечества обратились к Мировому океану. Делая упор, прежде всего, на его огромные размеры, заговорили об “океане возможностей”, подразумевая биологические, минеральные, энергетические и другие ресурсы, гигантскую емкость как резервуара для сброса отходов производства» [Петров 2014: 107].

Очевидно, что взгляды на использование ресурсов Мирового океана менялись во времени, и это находило свое отражение в научных исследованиях. Выбор путей дальнейшего (в идеале – рационального) использования его многочисленных ресурсов едва ли возможен без критического анализа существующих и существовавших позиций. Принимая во внимание общепризнанную, по крайней мере на доктринальном уровне, необходимость учета экологических факторов в экономических оценках, предпримем попытку осмыслить теоретико-методологический опыт этой дисциплины с позиций различных типов научной рациональности, выделенных академиком Вячеславом Семеновичем Стёпиным.

Рассмотрение ресурсов Мирового океана на этапах классической и неклассической науки

Повышение внимания к экологическим аспектам хозяйственной деятельности тесно переплетается с понятием «постнеклассическая рациональность» (принцип мышления). Оно было введено в научный оборот академиком В. С. Стёпиным в 1989 г. [Степин 2009]. Согласно его подходу, постнеклассика пришла на смену неклассическому типу (господствовавшему до конца XX в.). Неклассика же в свое время (в конце XIX в. – первой половине XX в.) сменила классический тип (см. Табл. 1). В основу этого разделения легли такие критерии, как особенности исследуемых объектов, идеалы и нормы науки (средства, методы), ценностно-целевые ориентации субъекта (ученого). Безусловно, переход от одного типа к другому не происходил резко, однако выдвижение на первый план определенных характерных черт каждого из типов и постепенное смещение акцентов между ними сделали такую типологию правомерной.

Таблица 1

Типы научной рациональности

Тип	Период
Дорациональный	До конца XVI в.
Классическая научная рациональность	Конец XVI в. – конец XIX в. / первая половина XX в.
Неклассическая научная рациональность	Конец XIX в. / первая половина XX в. – конец XX в.
Постнеклассическая научная рациональность	С конца XX в.

Источник данных: Составлено автором по [Степин 2009].

Идеалом классической рациональности была разработка точных и однозначных теорий, не допускающих альтернатив [Степин 2009]. На стыке XIX–XX вв. классический принцип мышления сменил неклассический. Если до этого ученые стремились с помощью опыта сформировать определенную картину мира – ряд постулатов, на основе которых следует строить единственно верную теорию, то в неклассике сначала формируется гипотеза, которая по мере накопления эмпирических фактов подтверждается или отвергается. Исследователь строит свою теорию на основе выявленных фактов, попутно перестраивая и картину мира. Именно с помощью такой научной стратегии была создана знаменитая теория относительности.

На современном этапе произошел ряд изменений, которые позволили говорить о формировании постнеклассической научной рациональности.

Во-первых, все большее значение приобретают объекты, в состав которых включен сам человек (например, биосфера, город, системы «человек – машина» и т. д.) [Там же]. Если в неклассическом типе специалист ориентировался в первую очередь на внутринаучные ценности и цели, хотя и принимая во внимания ценности и цели общесоциальные, то в постнеклассическом именно общесоциальные ориентиры должны иметь приоритетный статус.

Во-вторых, снова (как и при переходе от классики к неклассике) изменилась функция теорий. Согласно предложенной астрофизиком А. Эддингтоном аналогии, «теория – это сеть, которую мы забрасываем в мир» [Там же], в связи с чем то, какие аспекты проблемы будут объяснены в исследовании, во многом зависит от того, какую теорию (из возможных) выберет ученый.

В-третьих, что прямо вытекает из двух предыдущих пунктов, изменилось восприятие субъекта научного познания, то есть ученого или группы ученых. Классический тип рациональности предполагал, что самым важным в исследовании является объект. Существует единственно правильная объясняющая его теория, нахождение которой никак не зависит от субъекта исследования. В неклассическом типе теории, средства и методы исследований начинают играть столь же важную роль, как и объект. В постнеклассическом типе в эту систему включается субъект, ведь только он может выбрать, какую «сеть» (теорию) из возможных он забросит в «океан» знаний, желая получить такой результат, который будет также отвечать общесоциальным ценностям и целям.

Принимая во внимание все вышесказанное, философские основания в постнеклассической рациональности могут быть представлены в виде следующей схемы (Рис.).

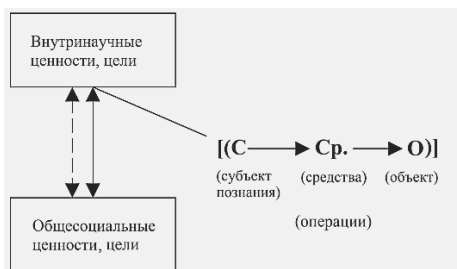


Рис. Философские основания науки в постнеклассической научной рациональности

Источник: Степин 2009.

Описав соотношение типов научной рациональности, подробнее остановимся на рассмотрении ресурсов Мирового океана на этапах классической и неклассической и постнеклассической науки.

Иллюстрацией понимания экономики Мирового океана по итогам развития науки к концу XX в. может являться определение С. Б. Слевича, согласно которому она «изучает специфику производственных отношений, складывающихся в процессе освоения океана, намечает рациональные пути добычи и использования ресурсов, в частности определяет рентабельность разработок в соответствии с аналогичными на суше; согласует масштабы добычи с природными возможностями к их воспроизводству и развитием аквакультуры» [Слевич 1988: 9].

Таким образом, Мировой океан воспринимается здесь в первую очередь как кладовая природных ресурсов, которые могут стать частью «производственных отношений». Было бы преувеличением сказать, что это определение совсем не учитывает экологические факторы, так как, согласно С. Б. Слевичу, пути добычи и использования ресурсов должны быть «рациональными» и согласовываться с «природными возможностями». Тем не менее в определении содержится явный крен в сторону реализации экономических потребностей человека, а природный фактор выступает в роли определенного лимита антропогенного воздействия, который мы должны определить и постараться не превышать (что, очевидно, получается далеко не всегда).

Такой подход не соответствует критериям постнеклассической научной рациональности, ведь, как было указано выше, человек в ней включается внутрь самого объекта изучения и рассматривается в рамках единой социоприродной системы. Разница заключается в том, что при классическом и неклассическом подходе мы если и хотим сохранить ресурсы Мирового океана, то только для того, чтобы и завтра прийти в эту как бы внешнюю «кладовую» и найти там все необходимое, а при постнеклассическом подходе мы хотим сохранить их, так как понимаем, что это может нарушить равновесие нашей собственной среды обитания, важной частью которой (особенно с точки зрения формирования климата на планете) является Мировой океан.

На этапах классической и неклассической науки для экономики Мирового океана и ее прообразов был характерен антропоцентризм, связанный, в частности, с ориентацией человека на как можно большее потребление природных ресурсов. По словам философа Е. Н. Шульги, антропоцентризм впоследствии сменился принципом биоцентризма, признающим безусловную ценность всех живых существ, а после принципом экоцентризма, когда человек, по сути, должен отказаться от идеи господства над природой и признать ее суверенность [Шульга 2018: 22].

К этому стоит добавить, что, как отмечает К. М. Петров, человеку нужно спасать прежде всего самого себя, и именно такая постановка проблемы является корректной. Природе не угрожает гибель, гибель угрожает нашей цивилизации в случае *изменения* природных условий [Петров 2005: 268].

По итогам обзора [Петров 2005] отношений человека к природе с первобытных времен до начала XXI в. К. М. Петров приходит к выводу, что только натурфилософская (идеалистическая) парадигма способна предотвратить неминуемую гибель человечества от экологической катастрофы. Такая парадигма взаимоотношений человека и природы (в противовес материалистической) признает равную значимость материи и духа, под которым понимается не только религия, но и нравственное и экологическое воспитание, главенство этических норм и соображений

в научно-техническом развитии человечества. Рассмотрение истории отношения человека к природе в рамках дихотомии «натурфилософия – материализм» на сегодняшний день не является актуальным для общественных наук, однако выводы К. М. Петрова о необходимости приоритизации общесоциальных ценностей хорошо иллюстрировали потребность перехода к постнеклассическому типу научной рациональности.

Подводя итог, можно сказать, что для классического и неклассического типов научной рациональности, как правило, был характерен антропоцентризм и отождествление человека и природы. В контексте экономики Мирового океана такой подход сегодня признается контрпродуктивным, так как ведет к чрезмерной антропогенной нагрузке на природную среду (в том числе на моря и океаны) и может стать причиной значительного экономического и экологического ущерба для прибрежных вод и территорий: к таковым относятся разливы нефти и нефтепродуктов [Гришина 2022], чрезмерный вылов рыбы, шумовое загрязнение от морских ветряных турбин и др.

Экономика Мирового океана в условиях постнеклассической научной рациональности

Критическая теория ресурсов

На этапе постнеклассической научной рациональности (то есть на современном этапе) на первый план (наряду с познанием истины) выдвигаются общесоциальные ценности и цели, которым должно отвечать любое исследование (см. Рис.).

Резонно предположить, что ценности и цели у разных сообществ могут отличаться. В этой связи отдельного рассмотрения требуют так называемые критические теории, ставшие основными прежде всего в американских университетах. Данные теории опираются на основные принципы и сюжеты постмодернизма.

Х. Плакроуз и Дж. Линдси [2022: 36–37] выделяют два принципа и четыре сюжета постмодернизма:

- принцип знания, согласно которому отрицается сама возможность получения научным способом сколь бы то ни было объективной истины, а также постулируется главенство культурных особенностей в получении тех или иных научных результатов;
- политический принцип, согласно которому общество является строго иерархичным и пронизано отношениями власти и подчинения, причем привилегированные группы в своих интересах определяют, что допустимо знать, а что нет и как именно нужно оценивать то или иное явление.

К основным сюжетам постмодернизма авторы относят: 1) размывание границ (как физических, так и мысленных); 2) власть языка; 3) культурный релятивизм (в рамках разных культур может быть своя «истина» – и ни одна не лучше или хуже другой); 4) утрата индивидуального и универсального в пользу групповой идентичности (например, «белые» или «черные» люди).

При этом Х. Плакроуз и Дж. Линдси выделяют три фазы развития постмодернизма: 1) деконструктивистскую (1960–1980-е гг.) – желание развенчать и показать несостоятельность теорий предшественников; 2) прикладной постмодернизм (1980-е – середина 2000-х гг.) – создание собственных теорий, например постколониальной, критической расовой и др.; 3) перерастание теории в «общеизвестную истину», «житейскую мудрость», сопровождающуюся радикальным акти-

визмом и борьбой с несогласными (с середины 2000-х гг.) [Плакроуз, Линдси 2022: 292].

При данном подходе экономика Мирового океана может изучаться через призму критической теории ресурсов. Согласно авторам введения к сборнику, объединяющего исследования в рамках этой теории, любой ресурс становится ресурсом только в том случае, если его ценность признается в обществе, притом измерение этой ценности меняется во времени и пространстве [Valdivia *et al.* 2021: 6].

С одной стороны, в этих идеях нет ничего нового, поскольку, как известно, любой ресурс становится ресурсом только тогда, когда его можно использовать на данном этапе научно-технического развития общества. С другой стороны, авторы упомянутого сборника используют политический принцип постмодернизма и сводят эту проблему к тому, что выбор ресурсов в тех или иных условиях не является объективным, а служит интересам тех или иных привилегированных групп, которые «назначают» ресурсами те или иные объекты или явления для своей выгоды в ущерб выгоде «угнетаемых» групп.

Например, авторы одной из статей в указанном сборнике делают вывод, что карты крупномасштабных морских охраняемых районов не только фиксируют реальность, но и создают ее, формируя представления о том, что является ресурсом, а что нет. По их мнению, карты морских охраняемых районов могут показывать как неокOLONиальный контроль, так и расширение прав и возможностей коренных народов. Популяризация таких карт также способствует укоренению мнения о том, что океаны уже не являются полностью неуправляемыми зонами и человечество заботится о защите и сохранении их ресурсов [Campbell 2021].

Еще одним примером исследования по проблематике Мирового океана, в котором используются принципы и сюжеты постмодернизма, является статья Ч. Лэйвери «Антарктида и Африка: нарративы альтернативного будущего». Автор разбирает образы Антарктиды и Южного полюса в африканской литературе и предлагает пересмотреть дискурс об африканских природных явлениях (засухе, наводнениях) в контексте их антарктической привязки, так как Антарктида и Южный океан играют особую роль в формировании климата на планете. По мнению Ч. Лэйвери, такой подход может позволить обеспечить связь между континентами и способствовать деколонизации исследований [Lavery 2019], где под деколонизацией понимается уход от главенства взглядов ученых из бывших метрополий.

Подведем итог: возникшая в рамках постмодернизма критическая теория ресурсов действительно отвечает общесоциальным ценностям и целям, но главным образом западного мира: ее характерными чертами в контексте экономики Мирового океана, в частности, являются анализ (пост)колонизальной проблематики и продвижение климатической повестки.

Как отмечают экономисты Л. Л. Фитуни и И. О. Абрамова, подсистема развивающихся стран остается в подчиненном положении по отношению к развитым странам, причем именно развитые страны определяют правила распределения мировых ресурсов, прежде всего, в своих интересах [Фитуни, Абрамова 2022: 7]. Например, страны Африки остаются поставщиками сырьевых товаров, в том числе уникальных, без которых невозможно развитие высокотехнологичных отраслей в развитых странах, при этом инвестиции в энергетическую и транспортную инфраструктуру – базис социально-экономического развития в самой Африке – являются недостаточными [Баринов, Шарова 2021а; 2021б].

Критическая теория ресурсов отвечает прежде всего интересам развитых/богатых стран, где она и зародилась. Несмотря на активные попытки ее экспансии в соответствии с третьей (текущей) фазой развития постмодернизма, ее ценность для остального мира остается весьма спорной.

Концепция «голубой экономики» и отечественная теория экономики Мирового океана

Более известной, чем критическая теория ресурсов, за рубежом сегодня является концепция голубой экономики (blue economy). Она возникла относительно недавно (в начале 2010-х гг.), но успела приобрести значительную популярность. Согласно определению, которое было принято «на полях» Конференции ООН по устойчивому развитию Рио+20 (2012 г.), голубая экономика нацелена на «повышение благосостояния людей и социальной справедливости при значительном снижении экологических рисков и экологического дефицита» и принимает принципы низкоуглеродности, эффективного использования ресурсов и социальной инклюзивности, но при этом (в отличие от зеленой экономики) акцентирует внимание на развивающихся странах с морской ресурсной базой [Blue... 2012].

Отметим, что в англоязычной литературе задолго до него (уже во второй половине XX в.) стал использоваться термин «экономика океана» (ocean economy), сущностное наполнение которого сегодня, как правило, не отличается от голубой экономики. При этом в комплексном виде эта дисциплина (под названием «экономика Мирового океана») была впервые разработана именно в СССР. К числу основных трудов можно, например, отнести монографии С. В. Михайлова «Экономика Мирового океана» [Михайлов 1964], П. Г. Бунича «Экономика Мирового океана: ресурсы, их освоение, экология, право» [Бунич 1977], С. Б. Слевича «Океан: ресурсы и хозяйство» [Слевич 1988]. К сожалению, в постсоветский период это направление в нашей стране существенно замедлило темпы своего развития, но сейчас наметились тенденции к росту его популярности. Так, в 2024 г. была защищена кандидатская диссертация по этой проблематике применительно к российско-африканскому сотрудничеству [Сугаков 2024].

Учитывая тот факт, что международная концепция голубой экономики сегодня является более известной в России, чем советская экономика Мирового океана, необходимо прояснить соотношение между этими терминами.

Если голубая экономика понимается в значении, равноценном экономике океана/океанов, то их синонимичность с экономикой Мирового океана представляется очевидной.

Если же голубая экономика понимается в узком значении, то есть как часть зеленой экономики, но связанная с морскими ресурсами, то передать ее точный смысл на русский язык могло бы словосочетание «экологичная (или устойчивая) экономика Мирового океана». Однако, на мой взгляд, такое наименование в условиях постнеклассической научной рациональности является избыточным.

Во-первых, на современном этапе развития человечества, в условиях все возрастающего антропогенного пресса на природную среду и возникающих в связи с этим рисков экономика (по крайней мере на теоретическом, доктринальном уровне) просто не может не быть экологичной. Данная позиция является общепризнанной и бесспорной, ей посвящено множество трудов, как в СССР/России, так и за рубежом.

Во-вторых, если западные исследователи нуждаются в данном ярлыке, отсылающем к чрезвычайно модной концепции устойчивого развития, в связи с чем

в 2012 г. и возник термин «голубая экономика», во многом дублирующий термин «экономика океана» (ocean economy), то отечественная экономика Мирового океана как научная дисциплина была экологичной с самого начала, то есть как минимум с 1960-х гг. Уже в работе С. В. Михайлова (1964 г.) была подробно разобрана проблема сохранения животных и растительных ресурсов Мирового океана [Михайлов 1964: 45–65]. Отмечу, что этот вопрос был затронут не по остаточному принципу, а в числе наиболее важных, так как ему была посвящена уже вторая глава (из четырнадцати).

Таким образом, у нас нет никаких оснований использовать кальку с английского языка (голубая экономика) вместо экономики Мирового океана, чтобы подчеркнуть «экологичность», тем самым нивелируя почти полувековую фору нашей страны в этой научной дисциплине, являющуюся конкурентным преимуществом России на «рынке» глобальных эколого-экономических концепций. Тем не менее, как показывает философ А. Н. Чумаков на примере идей устойчивого развития и ноосферы, нужно «понимать, что это все-таки такие конструкции, которые, если ими слишком увлечься и придать им сегодня значение большее, чем они того заслуживают, то это будет путь в новые лабиринты» [Чумаков 2020: 12].

Как бы то ни было, концепция голубой экономики, в отличие от критической теории ресурсов, в целом отвечает общесоциальным ценностям и целям всего человечества, а не только его части. При этом не стоит предавать незаслуженному забвению отечественную теорию экономики Мирового океана, учитывая, во-первых, ее научное первенство, во-вторых, глубокий академический характер, в то время как концепция голубой экономики в основном разрабатывалась «на полях» мероприятий международных организаций и в их докладах. Кроме того, популяризация отечественной экономики Мирового океана отвечает целям суверенного развития страны, в том числе в научной сфере. Наследие советского периода главным образом соотносится с неклассическим типом научной рациональности, в связи с чем отдельной задачей является адаптация упомянутых исследований к современным реалиям. Есть основания полагать, что в России набор ценностей и целей в сфере экономики Мирового океана близок к ценностным установкам и целевым ориентирам большинства стран мира.

Заключение

В результате проведения исследования были установлены этапы развития экономики Мирового океана как научного направления, которые соотносятся с типами научной рациональности, выделяемыми академиком В. С. Стёпиным.

На этапах классической и неклассической науки Мировой океан воспринимался прежде всего как кладовая природных ресурсов, то есть с антропоцентричных позиций. В условиях постнеклассической научной рациональности (развивающейся с конца XX в.) такой подход должен сменить принцип эгоцентризма (в западном понимании этого термина), а объектом исследований становится система «человек – океан».

Использование отечественной теории экономики Мирового океана обладает значительным научным потенциалом и отвечает современным экологическим подходам, направленным на устойчивое глобальное развитие. Тем не менее требуется адаптация советского опыта исследования данной проблематики к некоторым критериям постнеклассической научной рациональности.

Литература

Баринов А. К., Шарова А. Ю. Инфраструктурное развитие Африканского континента (транспорт Восточной Африки) // *Азия и Африка сегодня*. 2021а. № 7. С. 38–46.

Баринов А. К., Шарова А. Ю. Инфраструктурное развитие Африканского континента (электроэнергетика Восточной Африки) // *Азия и Африка сегодня*. 2021б. № 10. С. 38–45.

Бунич П. Г. Экономика Мирового океана: ресурсы, их освоение, экология, право. М. : Наука, 1977.

Гришина Н. В. Экологические аспекты состояния африканских прибрежных территорий // *Ученые записки Института Африки РАН*. 2022. № 3. С. 110–118.

Михайлов С. В. Экономика Мирового океана. М. : Экономика, 1964.

Петров К. М. Философские проблемы географии: Натурфилософская парадигма. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005.

Петров К. М. Развитие комплексных исследований подводных ландшафтов // *Известия Российской академии наук. Сер. географическая*. 2014. № 1. С. 100–108.

Плакроуз Х., Линдси Дж. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. М. : Individuum, 2022.

Слевич С. Б. Океан: ресурсы и хозяйство. Л. : Гидрометеиздат, 1988.

Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // *Постнеклассика: философия, наука, культура* / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб. : Миръ, 2009. С. 249–295.

Сугаков Г. К. Российско-африканское сотрудничество в сфере экономики Мирового океана: дис. ... канд. экон. наук. М., 2024.

Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 11. С. 5–13.

Чумаков А. Н. Экологические перспективы устойчивого развития: российский аспект // *Экологическая этика и устойчивое развитие: сб. науч. тр. по материалам международного симпозиума*. Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2020. С. 3–13.

Шульга Е. Н. Экофилософия и символический мир природы: проблема интерпретации // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17. № 1. С. 22–31.

Blue Economy Concept Paper [Электронный ресурс] : United Nations Conference on Sustainable Development. 2012. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/2978BEconcept.pdf> (дата обращения: 11.02.2025).

Campbell L. M., Gray N. J., Jones Zigler S. B., Acton L., Gruby R. World-Making through Mapping: Large-Scale Marine Protected Areas and the Transformation of Global Oceans // *The Routledge Handbook of Critical Resource Geography*. New York : Routledge, 2021. Pp. 425–440.

Lavery C. Antarctica and Africa: Narrating Alternate Futures // *Polar Record*. 2019. Vol. 55. No. 5. Pp. 347–350.

The Blue Economy [Электронный ресурс] : United Nations Economic Commission for Africa. 2016. November 15. URL: <https://www.uneca.org/blue-economy> (дата обращения: 11.02.2025).

Valdivia G., Himley M., Havice E. Critical Resource Geography: An Introduction // *The Routledge Handbook of Critical Resource Geography*. New York : Routledge, 2021. Pp. 1–20.

ФИЛОСОФИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: МЕТАФИЗИКА ЖИЗНЕСТРОЕНИЯ XXI в. *

Ильин В. В., Ильин К. В., Родин П. Н., Кяримов З. Х. О. **

На широком социально-политическом фоне обосновывается несостоятельность проводимого атлантизмом агрессивного неоимпериалистического курса «The West against the Rest». Метафизику жизнестроения XXI в. отмечает не локализм соперничества, но универсализм союзничества; эпицентр философского оправдания планетарного праксиса представляет фокусировка на судьбе человечества в его родовой имплементации. Твердую почву всестороннего саморазвития человека и человечества представляет гуманистическая глобальная организация, тематизируемая категориями целесообразного жизнедействия, в котором уникальные персональные цели конституируются универсальными ценностями «земного всеединства».

Ключевые слова: глобальный мир, философия глобального мира, природа-, культуроподобные технологии, аксиологическая санация жизневоспроизводственной деятельности.

* **Для цитирования:** Ильин В. В., Ильин К. В., Родин П. Н., Кяримов З. Х. О. Философия глобального мира: метафизика жизнестроения XXI в. // Век глобализации. 2025. № 4. С. 125–138. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.11.

For citation: Ilyin V. V., Ilyin K. V., Rodin P. N., Kerimov Z. H. O. Philosophy of the Global World: Metaphysics of Life Building in the 21st Century // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 125–138. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.11 (in Russian).

** Ильин Виктор Васильевич – д. ф. н., профессор Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», профессор ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». E-mail: vvilin@yandex.ru.

Viktor V. Ilyin – Dr. Phil., Professor of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Bauman Moscow State Technical University” (National Research University); Professor of the State University of Education. E-mail: vvilin@yandex.ru.

Ильин Кирилл Викторович – студент Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: kilin-23@edu.ranepa.ru.

Kirill V. Ilyin – student of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: kilin-23@edu.ranepa.ru.

Родин Павел Николаевич – к. ф. н., доцент ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». E-mail: pn_rodin@mail.ru.

Pavel N. Rodin – Ph.D., Associate Professor of the State University of Education. E-mail: pn_rodin@mail.ru.

Кяримов Захид Халил Оглы – д. полит. н., преподаватель Университета Халич (г. Стамбул, Турция). E-mail: malikrusya@gmail.com.

Zahid H. O. Kerimov – Dr. Polit., Lecturer at Haliç University (Istanbul, Turkey). E-mail: malikrusya@gmail.com.

PHILOSOPHY OF THE GLOBAL WORLD: METAPHYSICS OF LIFE BUILDING IN THE 21ST CENTURY

Against a broad socio-political background, the authors substantiate the inconsistency of the aggressive neo-imperialist course pursued by Atlanticism, "The West against the Rest". The metaphysics of life-building in the 21st century is marked not by the localism of rivalry, but by the universalism of alliance; the epicenter of the philosophical justification of planetary praxis is the focus on the fate of humanity in its generic implementation. A solid foundation for the comprehensive self-development of an individual and humanity is represented by a humanistic global organization thematized by categories of expedient life action, in which unique personal goals are constituted by the universal values of the "earthly unity".

Keywords: *global world, philosophy of the global world, natural and cultural-like technologies, axiological rehabilitation of life and production activities.*

Статья продолжает цикл откликов-публикаций на вдохновительное интервью главного редактора журнала «Век глобализации» профессора А. Н. Чумакова с руководителями Всемирной федерации философских обществ последних лет – профессорами И. Кучуради (Турция), У. Макбрайдом (США), Л. М. Скарантино (Италия) об участии философии в решении проблем мирового развития [Кучуради и др. 2025].

Во все и всякие судьбоносные, несущие великие испытания времена возрастает значение духовно наставляющего окормления. Не случайно апостол Петр как сопастырь и свидетель страданий Христовых умолял последующих пастырей пасти стадо Божие в духе просветляющей благодати первосвященника [1 Пет. 5:2–4].

Уже в те стародавние трагические моменты всемирной истории открылась правда чудодейственного утверждения в настоящей истине, ниспосылаемой как благоволящий глас, пророческое слово с высоких небес.

По степени насыщенности тяготами, их густоты, не отличаясь от переломных времен всетерпения бывших, наше переломное испытательное время настоятельно жаждет обретения светильников в темных местах, восхождения утренних звезд в сердцах наших [2 Пет. 1:19]. Как и прошлые динамичные времена, переживаемое нами не недвижимое, но измеряемое бурным движением время требует благодатного освещения, сообщающего понятие, используя мысль Хайдеггера, – не пришли ли мы слишком поздно, когда Боги уже ушли, и не слишком ли рано, когда Бытие еще не настало?

Будирующее экзистенциальное вопрошание обязывает отработать отчетливое представление о природе двух вещей:

- (А) характере современного мира;
- (В) характере рефлексивного ресурса, производящего санацию (А).

(А) Согласно эвристичной методологии философской диатетики концептуализация существа современного глобального месторазвития покрывается контуром онтологически-онтической дилеммы «начал-концов», где на одной – первопрородной – стороне проблема физического вакуума (не в прямом – генологическом, составляющем предмет забот квантовой (флуктуация «ничто») и неквантовой (сингулярность) астрофизики, космологии, а в переносном – эсхатологическом смысле: конец существования высшей (обеспеченной антропным принципом

в сильной редакции) сферы мироздания с ее вселенским локалом); на другой – второприродной – стороне проблема метафизического вакуума: наведенного духовного самовыгорания человечества, предreshающего финализацию антропной цивилизации [Проблема... 1999: 175–188] как таковой.

Исходно, правда, указанная проблема «начал-концов» до придания ей вменяемых «космологическо-эсхатологических» толкований тематизировалась в языке «начал без концов» – в духе нескончаемого научно-технологического прогрессизма.

Соответственную апологетическую платформу артикулировал Вернадский, как теперь выясняется, достаточно беспечно утверждая: потенциал оседланного наукой инструментального разума не может в миротворчестве привести к результатам, противоречащим тому объективному процессу, созданием которого он является [Вернадский 1991: 21]. На данном резоне декларировалась конкордия биосферы-ноосферы: последующее, вырастая из предыдущего, образует с ним гармоничное целое.

Как показал опыт функционирования вселенской мегатехнологической супермашины в первой четверти первого века третьего тысячелетия, это совсем не так: консолидированная (научно-технологическая, обеспечивающая рафинированный индустриальный постав нещадным истреблением вещества природы) ноосфера не то, что согласованно-стройно, но и принудительно не вписывается в истонные циклы, ритмы, потоки биосферных процессов.

В преддверии глобального кризиса вполне четко осознано: с момента закрепления в неолите парадигмы покорения природы, где человек в ней – не слуга, но властелин – господин – владетель – хозяин, наметился вирулентный хиатус между объективно логическими фигурами поддержания самодействия, самостояния естественного и искусственного ареалов существования.

Тревожным свидетельством о неблагополучии, растущем недомогании состояний, претенциозных модусов техногенной цивилизации несть числа. Ограничимся констатацией следующего:

- 60 % экосистем суши наиболее промышленно развитых регионов Северной Америки, Европы, Японии разрушено;
- по некоторым подсчетам, спустя четверть века, дабы прокормить разрастающееся человечество, потребуется две геобиомассы;
- на производство одной пищевой калории в США непроизводительно расходуется 10 калорий ископаемого топлива;
- вследствие техногенно спровоцированного изменения климата – в частности повышения температуры атмосферы, таяния ледников – участились стихийные бедствия (наводнения, пожары, ураганы), приносящие колоссальный некомпенсируемый ущерб, страдания.

Между тем сказанное выглядит «детской игрой», отступая перед капитальным: паушальный продуктивный ресурс геобиосферы способен обеспечить проживание 9 млрд землян; расчетная цифра достигается к 2050 г. (в настоящий момент на Земле насчитывается 8 млрд далеко не безбедно существующих сапиентов). Подступает обязывающее: что дальше?

Как на данном тревожном и вполне отчетливом фоне воспринимать настоячивые глобально не выверенные управленческие установки добиваться устойчивого развития (УР), достигать стабильного экономического роста (ЭР)?

Мир вступил в турбулентную полосу дефицитного, ресурсно подорванного существования, рефлексия реалий которого с позиций включения здравого смысла востребует тщательной проработки первостепенного:

- (1) насколько осмысленны стратегии УР, ЭР в мировом масштабе;
- (2) каковы перспективы потребительно-истребительной индустриально-технической цивилизации;
- (3) почему прогресс «наук, технологий, искусств» оборачивается антипрогрессистским впадением в одиозное природоразрушительное варварство.

Какова доктринальная подкладка рассуждений, положительно снимающих озабоченности (1)–(3), метатеоретически фундирующая оптимизацию отнюдь не радужной ситуации, отличающей положение дел в (А)?

(В). Агенту духовного и практически-духовного производства невозможно было понять и принять максимуму Сартра «мы не желаем смотреть на мир глазами грядущего», выдвинутую во второй половине прошлого века; теперь же – в первой половине века нынешнего – ее невозможно понять и принять и агенту практика.

Человек живет в живом времени, предуготовляющем разные сюрпризы, в числе которых – раритеты жизненного ненастья, знаков беды. Текущий хронотоп идентифицируется как универсально кризисное время и – сильнее – время критически, катастрофически кризисное [Ильин 2023б], драматизирующее и проблематизирующее перспективы родового благополучия. В такие моменты истории не смотреть на настоящее «глазами грядущего» – верх неразумия. Как единоклассная родовая манифестация *ratio* человечество обязано жизнедействовать с точностью до наоборот: вопреки сартровской максиме налаживать преходящее императивами предстоящего.

Вслед за Брехтом спросим: о чем поют в критические «темные» времена? И его же словами ответим: в темные времена поют о «темных временах». Поют все, кроме тех, кому по долгу служения вменяется организация самосознания человечества во все – в том числе мрачные периоды его прозябания. Таковы в предельном функциональном выражении мифология, религия, эпика, философия как практически-духовные формы символического [Его же 2013].

Человек, существо имперфектное, творит мир по лекалам потребного – деонтологически направляемого перспективизма, целеориентирующие диспозиции которого семантизируются в терминах указанных практически-духовных форм мегамироосвоения. Общее в них определяет «теоретический» момент мироосвоения, сосредоточивающийся (через генерализирующие синтезы достояний культуры) на версификации миропонимания. Различное в них определяет «практический» момент мироосвоения, сосредоточивающийся на аппликации миропонимания. А именно: сверхцель миропонимания быть идейным ядром мироосвоения; иначе говоря: деятельности, подчиняющей человеческую инициативу решению сверхценных задач. С данной точки зрения мифология, религия, эпика, философия не единообразно трактуют потенциал человечности.

Первые три выхолащивают из него элемент активизма:

- миф погрязает в былом как недействующем всеобъемлющем;
- религия – в былом и настоящем как недействующим прологом к вечному;
- эпика – в катастрофизме разных времен как постороннему одействованию судьбоносному [Ильин В. В., Ильин К. В. 2025].

Исключительно философия, внедряя в миропонимание будирующее мироизменение, возвышает его до деятельностного мироосвоения. (В контексте излагаемого выглядит сомнительной надуманная схема разворачивания метатеоретического интеллектуализма Рорти, выделяющего несуществующие точки роста: религия – философия – литература. Литература [эпика] не может претендовать на роль универсальной в некотором терминальном отношении формы самосознания человечества по очевидной причине: таковую роль она не играет. Литературная [эпическая] деятельность ограничивается тематизацией мировой линии [судьбы] человека, семьи – на более широком предметном фоне – судьбы рода, мироздания [заходы в сопредельные порядки чего отличает творчество корифеев – коллективных авторов народно-фольклорных эпосов – легендарные «Авеста», «Слово», «Манас» и т. п., – ранних античных трагиков, Данте, Шекспира, Гете, Пушкина, Достоевского, Толстого] – но не более того. Специализированной, профессиональной разработкой сюжетов: Мир, Человек, Судьба, Истина, История, Добро, Красота, Польза, Жизнь, Будущее и т. д., – такой непосредственной амбициозной цели в качестве, так сказать, технического задания литературный опыт перед собой не ставит. Как точно излагает Бунин: художники – борцы за «вечные, Божественные основы человеческого существования» [Публицистика... 1999: 72], однако же самые эти «вечные, Божественные основы», открывающие «духовную даль», субъекты художественности в «чистом» виде не складывают. Последнее требует специфического типа деятельности, предполагающего [по Платону] выход из «времени» в «вечное», что не составляет компетенцию литературы, не преодолевающей в «чистом виде» привязку к «временному»).

Словом, ни мифология, ни религия, ни литературная эпика не способны выступать метафизическим стилобатом гуманитарного зодчества, направляющим вселенско-родовое плодоношение. Не способны – ввиду тематической частичности, функционально-ролевой паллиативности. Если прибегать к квалификациям сильным, данные три формы практически-духовного (с позиций заявляемого угла зрения) в жанровом отношении узко драматичны с рельефно просматриваемым креном в трагедийное исполнение: на том резоне, что берут действительность в тенденциозном залоге «завершение»: как подчеркивал в «Поэтике» Аристотель, признак трагедии – разворачивание действия до «полного выяснения». Апекс последнего в мифологии, религии – апелляция к фидеистическому; литературе – к фатическому, берущему ответственность за перипетии брэнной жизни лиц, семей (калейдоскопическая смена судьбических декораций в экзистенциальных треволнениях Каина – Авеля, Иосифа с братьями, Иова с сыном, Бориса – Глеба, Ореста, Медеи, Отелло, Гамлета, короля Лира, братьев Карамазовых, Анны Карениной и т. д. [Шкловский 1984]). И лишь философия берет высоты тематического универсализма, жанровой всеохватности, перенося фокус профессиональных забот с «завершения» на «совершенствование».

Верно: как и сопоставительные с философией формы символического, – она реализует содержательную финализацию, но апологетизирует не «развязку», а идеальную «завязку», не «трагедийный результат», а «оптимистичный процесс». Как и ее идейные гомологи, философия комбинирует понятием «абсолютного» «предельно единого», но, прибегая к традукции, – в редакции не «едино-неподвижного» Парменида, а «едино-подвижного» – Прокла. В этом дело.

Отсюда, – ретардируя хайдеггеровское, – проблему «начал и концов» философия тематизирует в створе сдвига с Теодицеи на Антроподицею:

– Боги «ушли»: место «Великого Архитектора» (Лейбниц) занял архитектор малый: с универсализацией родового праксиса две формы объективного процесса – природа и целеполагающая деятельность слились в синкретис антропо-техно-соционатурной тотальности с верховенством человеческого начала [Ильин 2018];

– Бытие не «наступило»: будучи не «тварью», а по образу и подобию «творением», человек, не довольствуясь быванием в «иметь», взыскует полноценного обретения подлинного пребывания в «быть», что обостряет исконное философское «что есть человек?»: колония клеток, биомасса, беспастушье стадо или «тростник мыслящий» духообремененный. В последнем единственно приемлемом исходе актуализируется сюжетика «просветления»: если Боги ушли, лишая творение высшего руководства, может ли настать Бытие из длани замещающей оригинал копии – человека богооставленного?

Здесь *volens-nolens* подступает вынужденное – нерв глобалистики в современной философской трактовке составляет забота: привитие человеческому миротворению высокой миссии Первосоздателя, – в ортодоксальной лексике – божеского; в секулярной лексике – гуманитарного. Ни больше ни меньше, – для практического исполнения ставится задача организации деонтологически выверенной глобалистики, в светском прочтении – аксиологически доброкачественной; в противном случае – безнадёжный, некомпенсируемый подрыв родового перспективизма.

«Чудесное обобщение, созданное самой реальностью» (А. Лежнев), состоит в генеральном неодолимом сознании ответственности обрядившегося в тогу мирового архитектора совокупного субъекта цивилизационного действия – за все и вся. За будущность не отдельных «просвещенных», «авангардных» – привилегированных единиц человечества, но человечества как носителя родовой человечности.

Не частичная, а целокупная – пангуманитарная точка зрения образует нерв аксиологически отягощенной глобалистики, концептуальное ядро которой представляет тезис Фейербаха: ложно то, что противоречит сущности рода. Профессиональный взгляд на глобальную философию современности, следовательно, только такой: она не может не быть всечеловечной и с *rigor juris* – вселенской, коннотацией чего выступает идеология добровольной всепланетарной солидарности, прорабатываемая в терминах религиозных (экуменизм); полусветских (философия Соловьева); светских (философия науа, убунту, инков) и др.

Как видно, утвердительный пафос глобальной философии современного уровня – противостояние духовному обмельчанию человечности на базе ценностного сплочения вокруг родового служения: пролонгации аутентичного существования, континуального вершения мировой истории.

Критический пафос ее нацелен на предотвращение саморазрушения человечности, опасность чего сулит отказ от своеобразных эволюционно высоко адаптивных правил жизнепроизводства, – того, что ортодоксальный традиционализм именует богоотступническим попранием естественных устоев обмена деятельностью (ЛГБТ, *child free*, фурии, квадроберы, асоциальная персональная капсулизация и пр.), а светский методологизм – «разволшебствованием» (Вебер), деаксиологизацией (Мюрдаль) [Ильин 2020]. (В принципиальном плане не может быть

поддержана заявленная Риккертот и далее Шелером неправомерная интенция на локализацию ценностей в постороннем человеческой деятельности автономном трансцендентном царстве, разваливающая самое директивную канву функционирования *wertswelt* как орудия самонастройки *umwelt* и *lebenswelt*.)

Совершенно очевидно: одного правового регулирования интеракции недостаточно; закон действителен там, где опосредован законопослушным, то есть ценностно подготовленным духом, что, вопреки допущениям теоретиков «естественного права», обосновывал Августин в доктрине *lex aeterna*, обслуживающем град Божий.

Применительно к нашим Палестинам правильно высказать: метафизику жизнестроения первого века 3-го тыс. новейшего времени не может разворачивать философия (слогом Гегеля), рисующая серым по серому, – пренебрегающая основополагающим *salus animarum suprema lex*.

Благо всех – в возрастании высот душ наших, – именно данный императив в идеале ассюрирует усилия глобальной философии. Философии всемирного общего дела.

До фактического воплощения ее в обозримом мироустроении, к несчастью, не дошло.

Есть много способов забраться на Луну, но сделать это можно благодаря сотрудничеству, – устами Сирано повествует Ростан. Во главу угла, таким образом, и средствами литературы ставится акцентуируемое философией консолидированное сплоченное действие: добровольная солидарность.

Мировой опыт проектирования масштабной ответственной межчеловеческой коммуникации располагает немногими прецедентами налаживания широкоформатного союзничества. Здесь – планы:

(а) Екатерины II («греческий проект») на монопольное вершение Россией континентальных дел при равенстве европейских партнеров;

(б) Александра I, жертвовавшего дивидендами победы над французским агрессором, установить прочный – «Священный» – европейский мир;

(с) участников антигитлеровской коалиции учредить согласованный мировой порядок (МП);

(д) общеевропейского дома от океана до океана;

(е) гарантийного взаимодействия «Россия – НАТО» в постсоветский период взаимных сношений великих держав.

Ретроспективно обозревая бывшее, приходишь к неутешительному: намечаемые (а)–(е) достаточно вдохновительные возможности, проходя по части мечтательных дезидератов, оказались упущенными. Ни одна из моделей региональной – глобальной консолидации не получила какой-то внятной объективации.

Причина – местничество, возобладание эгоистичных (национальных, корпоративных) интересов, утривание локального, воздвигающего плотину на пути согласованного общепланетарного действия.

Разодолжителен итог: современную политическую картину мира отличает:

– доктринально – частичность, идейно конституирующая приоритетность частного над общим (невзирая на сакраментальное юридическое: *privatorum conventio juri publico non derogat*);

– прагматически – блоковость, силовым образом конституирующая приоритетность того же (невзирая на сакраментальное поэтическое:

paux una triumphis
innumeris potior)

Если б каждый и все с ним разделяли глобальную философию сотрудничества, человеческая история разрешалась бы благом; мощь единого духа, восстающая против розной силы, радовала бы нас повсеместно и скоро [Гете 2017: 230], всегда, везде открывала «живую вечность» (Блок) бытия безмятежного. Пока, однако, мы не движемся не то что в сторону «света», но и «покоя».

Воспринимая сказанное как некую пропедевтику, выскажемся по артикулированному выше перечню редактирующих глобальную повестку, а с тем – определяющих гравировку планетарной истории, первостепенных тем.

(1) Глобальная обеспеченность политически ангажируемых стратегий УР, ЭР. Опираясь на ранее представленную аргументацию [Ильин 2022; 2025], признаем: ни одна, ни другая стратегия как мейнстрим глобального развития ресурсно, технологически, гуманитарно не обеспечена. Грядущее нельзя проектировать, как прежде, – отвлеченно – спекулятивным броском мысли в качественном залоге, минуя сдерживающие «полет фантазии» реифицирующие детализации. Так выстраиваются утопии-ухропии, повествующие о «нигде-никогда» – несбыточном.

Пионером разоблачения беспредметного спекулирования в созидании социально-политических фантазмагорий был Мальтус, впервые в культуре обостривший сюжет количественного наполнения провидений. Английский священник ошибся в оценке интенсивности роста народонаселения, но был абсолютно прав в предложении соотносить наращивание демографической массы с обеспечивающей ее проживание продуктивной мощностью среды обитания. До него в такой плоскости перспектива воспроизводства человечества как родового владельца-пользователя-распорядителя геобиосферы не рассматривалась, не обсуждалась.

Вероятно, по данной причине на мальтузианство с грозными инвективами обрушился Маркс, отдававший отчет, что разрабатываемая им доктрина «научного» коммунизма несет родимые пятна коммунизма «ненаучного», – как и он, игнорирующая момент квантативизации рассуждений, а потому (как и он) допускающая трансцендентные (неверифицируемые) положения: «богатства польются полным (!) потоком»; «от каждого по способностям, каждому по потребностям» (!) [Его же 2009].

С вступлением человечества в зону острой нехватки (истощенность, истонченность) естественных средств жизнеобеспечения; усиливающейся борьбы за не ставшую историей географию (конкуренция за промышленно неразработанные территории, акватории), – призывы к руководствованию стратегиями УР, ЭР либо утопичны, либо империалистичны.

О первом. Более или менее рациональные трактовки УР, ЭР в нашем *homo* – в семантике не «безудержный прогресс», а «предсказуемость, легальность, регулируемость». Современное проектирование будущего опирается:

– на выверенные *visions*, количественно удостоверяемое индикативное планирование, к чему пришли ресурсно бедные страны – Япония, Китай, Вьетнам, равно как Россия, экономика которой переходит на патронируемый государством холдинговый принцип организации державного производства;

– усиление государственного (!) (не либерально-рыночного) участия в управлении макросоциальной, макроэкономической политики.

О втором. С учетом крайне непростой фазы державного, регионального развития стран Дальнего Юго-Востока (развивающийся мир), в большинстве своем получающих дотации, безвозмездные, льготные долгосрочные кредиты, субсидии, риторика УР (исключительно в семантике «самоподдерживаемость»), ЭР для них не актуальна.

Совокупный вестерн (ЕС + США), переживая не лучшие дни своей «блестящей» истории, не как прочие (перефразируя Григория Великого) – пускается в соблазн, отступаясь от истины. Истина же такова: некогда процветающие цивилизационно продвинутые авангардные страны развитого мира ныне – патентованные банкроты: государственные, затратно обслуживаемые долги, составляют: у США – 37 трлн долларов; Великобритании – 2,8 трлн фунтов стерлингов; Франции – 3,3 трлн евро; ФРГ – 2,9 трлн долларов.

На Abendland (прежде всего – Германия, Франция) как ядро ЕС тяжким бременем ложится забота содержать несамодостаточных новоевропейцев (прежде всего – страны Балтии), коррумпированную «черную дыру» Украину.

На фоне падения уровня жизни собственного населения, переобременения внутренними проблемами, краха социальной политики, продолжающейся рецессии, кризиса повседневности от снижения бытового комфорта возникает «великий соблазн» – использовать канонический прием – неоимпериалистическое порабощение, казалось бы, уже свободного мира.

Реставрация империализма – перезапуск колонизаторского предпринимательства, – срывая все и всякие маски благообразия, попирая целесообразные принципы выживания в агрессивной среде – «единством и трудом», «вместе сила», – на полном серьезе полагает возможным снимать груз застаревающих проблем за счет других.

Стратегически анонсируется курс планетарной гегемонии: *The West against the Rest*. Тактически проводится нюансировка:

– закабаление (финансовое, информационное, цифровое, коммуникационное, логистическое, технологическое) развивающихся стран, России (совокупный вестерн);

– фронтальное ослабление геостратегических конкурентов ЕС, России, Китая (США: трампистская наступательная платформа “*Make America great again*”);

– уничтожение России (планируемый горячий конфликт на дистанции 5–7 лет при показной экспансионистской апатии США, – ЕС);

– доминирование в АТР (англосаксонский АУКУС). *Etc.*

Незатейливая калькуляция демонстрирует: самый несговорчивый оппонент положительной теории и практики глобальных взаимодействий – вестерн, – *mar te*, *poп arte*, вступающий в намеренную конфронтацию со всем далеко не актерствующим миром, разыгрывающий авантурную карту цивилизационного сепаратизма, мир-системного монополизма.

(2) Перспективы природозатратного инструментально-потребительного постова. Грядущее нещадной некомпенсируемой утилизации природного тела, продуктивной планетарной оболочки для поддержания открытого неолитом хрематического хозяйственно-культурного типа, говоря словами поэта, – «иль пусто, иль

темно». Интересующий нас прагматический разворот темы перебирает минимальный и – небезупречный набор вариантов, подчиненных «оптимальному» вхождению в точку сатурации – геобиосферного ресурсного ступора 2050 г. как результата неспособности естественного остова существования *Ното* выдерживать давление на него искусственного антропогенного пресса. В кругу атрибутивных «рабочих программ»:

- анонсированная саммитом в Глазго широкоформатная «зеленая» энергетическая повестка, концептуально приемлемая, но технологически (во всяком случае пока!) должным образом не проработанная (свидетельство чего – расконсервация ранее закрытых угольных разрезов в ряде европейских стран);

- сообразно неомальтузианским необузданным рецептам – наведенное прорежение популяции истребительными инструментами пандемии, этнических пикировок, региональных конфликтов, державных стычек, – в популярном ныне полукриминальном лексиконе, – тактикой «летучих» зачисток переобременяющего «балласта». В таком ключе правомерно толкование инспирированных вестерном горячих противостояний Украина – Россия, Израиль – Иран, нацеленных на выбивание славянской группы в центрально-европейской части Евразии; мусульманской группы в ближневосточной, азиатской части Евразии (точнее – от Магриба до Пакистана); не упоминая инициацию сплошной нестабильности в Южной Америке, на Карибах, в Африке, АТР, Юго-Восточной Азии;

- перевод трофики на синтетику задействованием прорывного авангардного комплекса NBICS, гидропоники, массовизации эрзацев, суррогатов, генных модификатов. Проблему, однако, составляет пикантный нюанс: кто-нибудь где-нибудь просчитал, как потенциально повлияет на геномику смена питательной базы жизнепроизводства? [Ильин 2022];

- промышленное освоение околоземного пространства. Космизм как ближайшая цивилизационная диспозиция доктринально заманчив, но индустриально не полномочен; располагается в плоскости «благословенно благословляющего».

В качестве рационального паллиатива, перефразируя Горация, хоть бы и для оттягивания наступления «суровой зимы», имело бы смысл включить консолидирующие рычаги выживания согласно тацитовскому *commune periculum concordia propulsandum*;

- законодательное отчуждение участков поверхности Земли (до 6 %) под рекреацию;

- законодательный – под гарантии универсальных жесточайших санкций – запрет на развязывание войн;

- обязательное отчисление доходов стран гудланд в бюджеты стран бедланд на преодоление отсталости (Всемирный фонд развития) [Там же];

- введение потолков рождаемости для стран с 2 % и более ежегодным демографическим ростом. *Еtc.*

На деле же – игра не по всемирному праву, а по атлантистским правилам – *sine jure* – без доброй совести и справедливости – по понятиям сильного – *obturpet causam* навязывать злую волю, как говорил Вергилий, *odora canum vis*, – то *пах Americana*, то *пах Britannica*, то *пах Romana*, то *пах Teutonica*... Главное – в попрание духа философии глобализма – *mundus occidentalis* взамен взыскуемого *mundus totus* [Ильин 2025].

(3) Досадный хиазм: почему цивилизационный прогресс имплицитно недопустимый геобиопланетарный регресс? Причина коллизии, говоря фигурально, – несовершенный принцип жизнестроения по оксюморонному «всеобщее невсеобщее».

Как излагал Светоний: лисица шерстью лияла, да нрав не меняла.

Неолитический фазовый переход первого рода открыл опасную страницу природопотребительской производительной цивилизации, интенсивное наступление которой на среду обитания знаменовалось вехами: промышленная революция; массовый конвейерный постав; товарная колонизация Старого Света; территориальная колонизация Нового Света; либерально-рыночная глобализация. Просто и непривлекательно.

Мизансцены меняются, спектакль неизменен: всеобщее торжество нерепрезентирующего всеобщее техногенно-политического империализма.

Между тем и колосья не жнет серп неразумно устроенного.

Непреодолимое фиаско мирового империализма во всех ипостасях – в безвыходно-безысходных тупиках антигуманизма, манифестируемых провалами консьюмеризма, техницизма, пауперизма.

Паушально – человеческого измельчания. В прямом (а) и переносном (б) смыслах.

(а) Взять ситуацию в ядре вестерна – США, – ее отличает стремительное гражданское расслоение с ростом обездоленных: в период 1979–2019 гг. доходы 1 % богатейших возросли на 160 %, тогда как доходы беднейших – на 24 %; доходы черных в 2021 г. составляли 61 % доходов белых; 1 % наиболее состоятельных владеет 32 % всего богатства страны, в то время как 50 % беднейших – 2 % его же.

(б) Словно предчувствуя собственный мир-системный «закат», вестерн готовится к принятию мер демпфирующих, попустительствуя самоперерождению человечности. Только в таком свете получают интерпретацию шаги, нацеленные на пестование нового «подведомственного» человека без анцестральных свойств – существа с отсутствующими аутентичными качествами – без лица. С невыразительно-податливой личиной – дериватом «5Т»: трансгендерность – утрата полового самопризнания; трансгенность – утрата натуральных зачатков вследствие ET (enchantment technologies) вмешательств с потенциальным серийным выпуском управляемых киборгов, аватаров; транснациональность – утрата национальной принадлежности в привитии антипатриотизма, космополитизма; трансперсональность – утрата самоидентификации с эрозией «Я-концепции»; транскультурность – утрата духовно-традиционной связи с питающей мирознание соотечественной почвой.

Проводя критико-аналитическую оценку исторического материала, Бьюкенен связывает крах империй с крупнейшими мегасоциальными потрясениями: крах Германской, Австро-Венгерской, Османской, Российской империй по итогу Первой мировой войны; крах возрожденной Третьим рейхом Германской империи, Британской, Японской империи по итогу Второй мировой войны; крах возрожденной СССР Российской (шире – социалистической) империи по итогу третьей мировой холодной войны [Бьюкенен 2003]; в настоящий момент правильно фиксировать крах объединенной западной империи (вестерн, атлантизм – ЕС + США) –

итог фронтального банкротства международного империализма по итогу упрочения многополярного полицентричного мира с антигегемонистской энергетикой взаимодействия.

С фиаско вестерна как имперо-цивилизационного проекта, похоже, начинает смиряться утратившая наступательные кондиции Европа, фактически брошенная своим заокеанским патроном в недомерное субконтинентальное плавание. Но не смиряются США, играющие мускулами вселенского домината. Обновляемая версия всепланетарного монополия в северо-американском издании: господство в сфере искусственного интеллекта; оседлание криптовалютной финансовой политики; оцифровка международных властных потоков в нужном направлении; контроль интернациональных коммуникационных, торговых артерий (Суэцкий, Панамский каналы, Северный морской путь, Шелковый путь), *etc.*

С целью давления на международное сообщество США вышли из Соглашения по климату, ВОЗ; в духе корыстолюбия шантажируют деятельность интернациональных институтов – ООН, МАГАТЭ, МОК и др.

В контуре рефлексии обсуждаемого важно не упускать главного: недопустимости неоимпериалистической платформы добывания собственного благополучия за счет ограбления других.

Плохой в сущности – плох всегда. Объединенная Европа уже пожинает несъедобные плоды невыращиваемых ею урожаев. С тем же столкнутся и США, которые в скором времени испытают на себе восстание возмущенных масс под водительством антиамериканской лиги: *The Rest against USA*.

Диспозиция: кто завтра будет пастухом, получит все стадо, – становится безнадёжным пережитком прошлого. Становится им и нерасчетливая диспозиция империалистического прогрессизма: вселенское благополучие «золотого миллиарда» всесторонне оплачено. Оплачено чем? Как говорил Ювенал, – кормлением кусками с чужого стола?

В преддверии вселенского момента истины 2050 г. современный глобальный мир не может не жить по современной глобальной философии; в свою очередь современная глобальная философия, о которой вовлеченно рассуждали И. Кучуради, У. Макбрайд, Л. М. Скаратели, А. Н. Чумаков, не может не артикулировать жизнеоснования современного глобального мира.

Содержательный эпицентр современного философского глобализма – не онтолого-гносеологический перспективизм, но перспективизм антропологический: будущность человечности в свете не частичности (индивидуальной, страновой, региональной), а тотальности: ядро философствования образует судьба человечества как такового – в его родовой имплементации.

Антропологический поворот в философии тематически ассистируется аксиологическим поворотом [Ильин и др. 2024]. Единство родового призвания прошлая философия конституировала утрированием то космизма, то теизма, то рационализма и т. д.; современная философия осуществляет это утрированием аксиологизма: если на кон ставится «жить!» – *ex definitio* упраздняется любой (персональный, групповой) уникализм, вытесняемый родовым универсализмом: «жить человечеству!».

В такой стереоскопии формулируется закон самовозрастания человечности, предотвращающий гибель человекоотчужденного мира.

В животном царстве средством предотвращения дисбалансов, дисфункций, диспропорций, деформаций служит саморегулирующий механизм естественного отбора; в человеческом царстве подобным средством служит регулирующий механизм автоадаптации на базе природо-, культуроподобия [Ильин 2019].

И одно, и другое комбинирует высокоэффективными технологиями ресурсосбережения, добиваясь оптимальности, достижительности, эргономичности обмирщаемых инициатив, преобразовательных актов.

Темпоральный строй современности – не трехвременность, а единовременность – всеобщий родовой зон пролонгации собственного вершения собственной суверенной истории. С генеральной интенцией – не «больше» (невыверенные УР, ЭР), но «лучше». Лучше же – ближе к аутентичной первой и второй природе, структурные, композиционные, функциональные паттерны которых отмечены совершенством гармонии (пропорциональность, минимакс, фрактальность):

– природоподобие: технологией наносборки «снизу вверх» позволяет генерировать потребные (!) комплексы антропо-вещной среды;

– культуроподобие: технологией аналектики (консенсуальность, толерантность, открытость) позволяет генерировать потребные (!) комплексы антропосоциальной среды.

Кто прав и к цели твердо ведет, того
Ни гнев народа, правду забывшего,
Ни взор грозящего тирана
Век не откинут с пути.

Во всем прав говорящий так, наставляющий нас из древности Гораций, правоту которого упрочает правота современной глобальной философии, сподвигающей на разрешение кардинальных проблем планетарного масштаба и значимости в духе спасительного гуманизма – искренности, взаимоуважения, паритета, человеколюбия.

Как всякую идеально-типическую форму современную глобальную философию отмечает некий флер абстрактности, атрибутивный классическим широкоформатным философским конструкциям, рефлексивно представляющим рационально оформленные реалистичные тенденции. Смыслоточность последних – двоякая:

– подобно традиционным идеальным моделям (идеальная паровая машина) репрезентировать изучаемые явления в «чистом» канонически-сущностном, не искажаемом влиянием флуктуаций виде;

– подобно традиционным устремительным моделям (теории пределов, экстремумов) – репрезентировать изучаемые явления в «совершенном» канонически-эталонном, не искажаемом влиянием рандомизаций виде.

С гносеологического угла зрения идеально-типическая философия глобализма генеалогически выстраивается по отнесению к человеческим ценностям, визируя тем самым свою «живую» антропологически-аксиологическую «вечность». Без, так сказать, «пятен... неизбежных в природе людской» (Гораций).

С социологического угла зрения она выстраивается как реалистичная «утопия», в устремлении на терминальный апекс в мысленном выражении доводящая до предельного воплощения собственные изменения.

Консолидированная гносеолого-социологическая точка зрения вводит деонтическое пространство возможного мира W, коррелированное с фактическим

пространством действительного мира W_0 отношением неограниченного приближения. В наиболее простой и явной понятийной экипировке существо дела передает фигура «направление», обеспечивающая сближение подверженного изменению явления с неким финальным, интерпретируемым в качестве «чаемого», «потребного» состояния пунктом изменения.

Литература

- Бьюкенен П. Смерть Запада. М. : АСТ, 2003.
- Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М. : Наука, 1991.
- Гете И. В. Малое собр. соч. СПб. : Азбука, 2017.
- Ильин В. В. Мир Globo: вариант России. М. : КДУ, 2009.
- Ильин В. В. Теория познания. Симвология. Теория символических форм. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013.
- Ильин В. В. История и философия науки. М. : Проспект, 2018.
- Ильин В. В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Spisiosa miracula*: тотальный мировейник. М. : Проспект, 2019.
- Ильин В. В. Аксиология. М. : Проспект, 2020.
- Ильин В. В. Метафилософия. Поэтика философии. М. : Проспект, 2022.
- Ильин В. В. Российская империя. Отжившее и живое. М. : Проспект, 2023а.
- Ильин В. В. Философия кризиса. Человечество в эпоху катастрофических перемен. М. : Проспект, 2023б.
- Ильин В. В. Россия и Запад: борьба миров. *Actio popularis*. М. : Проспект, 2025.
- Ильин В. В., Ильин К. В. Археология творчества: потенциал ноэзиса (Статья 1) // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2025. № 2(72). С. 32–43.
- Ильин В. В., Кокоева И. А., Родин П. Н. Шафигуллина Т. В., Яловенко Я. В. Философия глобализма: сценография *homo aestimator* // Век глобализации. 2024. № 1(49). С. 22–34.
- Кучуради И., Макбрайд У., Скарантино Л. М., Чумаков А. Н. Философия перед лицом мировых проблем XXI в. // Век глобализации. 2025. № 1(53). С. 3–24.
- Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века / отв. ред. Л. Б. Баженов. СПб. : РХГИ, 1999.
- Публицистика русского зарубежья (1920–1945) / сост. И. В. Кузнецов, Е. В. Зеленина. М. : СоюзПолиграфПром, 1999.
- Шкловский В. Диалоги с прошлым // Новый мир. 1984. № 1. С. 233–240.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

«СЛОВО» И «ЦИФРА» НА СЛУЖБЕ ДИПЛОМАТИИ*

Воронкова Л. П.**

В дипломатическом дискурсе выработаны определенные правила вербального общения. С изменением международных взаимоотношений трансформируется и язык – инструмент дипломатии. Если традиционный язык дипломатии отличался «обработанностью» и строгостью формулировок, то сегодня в речи политиков и дипломатов появляются новаторские слова и авторские выражения. Дипломатический дискурс, уже имеющий свои традиционные устные и письменные жанры, стремительно завоевывает просторы Интернета и новейшего виртуального мира. В статье рассматриваются особенности использования в дипломатической практике цифровых инструментов, что открывает горизонты для более быстрого и гибкого обмена мнениями и идеями, создавая новые форматы взаимодействия. Цифровые технологии выступают как инструмент и новая среда дипломатической практики. При этом возможности искусственного интеллекта, используемые для достижения задач дипломатии, будут только расширяться, формируя цифровую дипломатию. Показаны риски, стоящие перед цифровой дипломатией, в том числе такие как сохранение и обеспечение цифрового суверенитета страны.

Ключевые слова: цифровизация, международные отношения, дипломатический дискурс, искусственный интеллект, цифровая дипломатия.

“WORD” AND “DIGITISATION” IN THE SERVICE OF DIPLOMACY

Certain rules of verbal communication have been developed in diplomatic discourse. With the change in international relations, language, as an instrument of diplomacy, is also being transformed. If the traditional language of diplomacy was distinguished by its “processing” and strictness of wording, today innovative words and authorial expressions appear in the speech of politicians and diplomats. Diplomatic discourse, which already has its traditional oral and written genres,

* **Для цитирования:** Воронкова Л. П. «Слово» и «цифра» на службе дипломатии // Век глобализации. 2025. № 4. С. 139–150. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.12.

For citation: Voronkova L. P. “Word” and “Digitisation” in the Service of Diplomacy // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 139–150. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.12 (in Russian).

** Воронкова Людмила Петровна – д. ф. н., профессор, заведующая кафедрой глобальных коммуникаций факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: 123msu@gmail.com.

Lyudmila P. Voronkova – Dr. Phil., Professor, Head of Department of Global Communications, at the Faculty of Global Processes at Lomonosov Moscow State University. E-mail: 123msu@gmail.com.

is rapidly conquering the Internet and the newest virtual world. The article examines the features of using digital tools in diplomatic practice, which opens up horizons for a faster and more flexible exchange of opinions and ideas, creating new formats of interaction. Digital technologies act as a tool and a new environment for diplomatic practice. At the same time, the capabilities of artificial intelligence used to achieve the objectives of diplomacy will only expand, forming digital diplomacy. The risks facing digital diplomacy are shown, including such risks as preserving and ensuring the country's digital sovereignty.

Keywords: digitalization, international relations, diplomatic discourse, artificial intelligence, digital diplomacy.

Цифровизация охватывает все больше различных сфер современного общества. В наше время «по существу глобализация и цифровизация – это два параллельных и в то же время тесно взаимосвязанных процесса планетарного масштаба» [Чумаков 2021: 39–40]. Влияние цифровизации обнаруживается во многих областях и имеет значительные последствия для международных отношений, что проявляется в переходе от традиционных дипломатических практик к современным цифровым технологиям. Такая трансформация, безусловно, оказывает влияние на дипломатические практики. Важно понять, как она сочетается с общепринятыми подходами в дипломатии.

Взаимодействие между государствами всегда представляло собой переплетение сотрудничества и острой конкуренции, нередко приводящей к кровопролитным столкновениям. История человечества – это не просто череда войн и конфликтов, но и многовековая история дипломатии, сложного и переменчивого искусства достижения согласия и мира. Порой истоки дипломатической деятельности усматриваются в Священных текстах Библии и Корана [Ламрауи 2018: 16]. Сама история показывает, что искусство дипломатии – это деятельность, которая уходит корнями в древнейшие времена, когда существовали договоры, скрепленные клятвами верности и символическими жертвоприношениями. Постепенно шло оттачивание протоколов ведения переговоров и формировался институт послов. Из исторических источников известно, самым ранним из сохранившихся документом о сотрудничестве государств считается Египетско-хеттский мирный договор, заключенный почти 3500 лет назад в 1296 г. до н. э.

Эволюция дипломатии в древних цивилизациях Ближнего и Дальнего Востока с их уникальными, отличающимися от европейской, традициями, показывает, что на определенных стадиях развития государства появляется потребность в дипломатах и дипломатическая практика представляла собой общечеловеческий, универсальный феномен. Во все времена и на всех континентах требовались посредники, которые с помощью переговоров и других форм общения стремились к налаживанию связи с другими народами, выражению и защите интересов своего государства.

Дипломатия по сути своей ориентирована на поиск зон соприкосновения между народами, зачастую говорящими на разных языках, исповедующими различные религии и обладающими уникальными культурными кодами. Постепенно вырабатывался особый дипломатический язык, представляющий собой важнейший инструмент построения отношений на международной арене.

Особенности дипломатического языка

Исследованию дипломатического языка посвящено немало научных публикаций [Гудалов, Чернов 2020; Кузембаева, Хэ Ли 2022; Кравец 2017]. Заслуженным вниманием специалистов пользуется книга выдающегося советского и российского дипломата Анатолия Гавриловича Ковалева «Азбука дипломатии», впервые увидевшая свет в 1965 г. Акцентируя внимание на важности языка, автор книги подчеркивал, что будни современной дипломатии проходят не на дипломатическом паркете. «Без дипломатии за письменным столом нет и дипломатии за столом круглым, за столом переговоров» [Ковалев 1984: 35]. В одном из параграфов своей книги «Вес слова в дипломатии» А. Г. Ковалев на многочисленных исторических примерах иллюстрирует тот факт, что устное и особенно письменное слово становится действенным оружием дипломата. «Бывали и такие случаи, что слово это специально было рассчитано на привлечение внимания к определенной международной проблеме или ситуации, а то и на прямой международный скандал» [Там же: 70].

В отечественной традиции дипломатическому языку как одному из факторов развития международных отношений уделялось значительное внимание. Неслучайно в 2002 г. по указу президента РФ 10 февраля был установлен День российской дипломатии. Именно в этот день в 1549 г. вышло в свет первое письменное упоминание Посольского приказа, который стал основой для многих талантливых дипломатов России. Посольские и думские дьяки играли ключевую роль в осуществлении внешней политики страны. Одним из известных глав Посольского приказа был боярин Афанасий Ордин-Нащокин (1605–1680). Выдающийся отечественный историк В. О. Ключевский, отмечая заслуги Ордина-Нащокина, называл его не иначе как «говорун и бойкое перо» [Ключевский 2002].

Дипломатический язык, постоянно развиваясь, впитывал культурный контекст международных отношений. Овладеть тонкостями вербальной коммуникации на другом языке мало, для успешной международной коммуникации необходимо понимание историко-культурных особенностей как своего языка, так и языков других народов. Можно с уверенностью сказать, что российская дипломатия тонко реагировала на происходящие изменения в международных коммуникациях. В процессе эволюции дипломатической практики сформировался уникальный дипломатический язык, характеризующийся специфическим набором слов и выражений, соответствующим нормам и требованиям дипломатического протокола.

Важное место в дипломатическом общении занимает наличие особой силы убеждения и влияния, направленной на завоевание доверия и симпатии широких масс людей. Непринужденность и доступность поддерживаются использованием простых, повседневных выражений и фраз. При этом видимая простота сочетается с глубиной мысли, позволяющей создавать пространство диалога, пространство формирования позитивного общественного мнения.

Наряду с этим язык официальных документов дипломатии благодаря специальным терминам и профессиональным оборотам приобретает специфичность, при этом формируется официальный стиль со своей структурой и особенностями. В дипломатическом дискурсе вырабатываются определенные правила вербального общения. Дипломатический язык стремится к ясности и лаконичности, что

позволяет коммуникантам выстраивать отношения, основанные на международных условностях, а также принципах вежливости, уважения и корректности.

В дипломатии при этом наблюдается стремление к завуалированности высказываний и политической корректности, что помогает избежать раскрытия истинного положения дел и минимизирует риск конфликтов и ненужных вопросов. Дипломатический язык становится эмоционально окрашенным, с проявлением смысловой неопределенности, дистанцированности и театральности, что часто связано с ходом политических коммуникаций.

Современная дипломатия постоянно трансформируется, меняется, что отражается в ее дискурсе. С изменением международных взаимоотношений трансформируется и язык – инструмент дипломатии. За последние годы отмечается рост популярности неологизмов, включая окказионализмы, отражающие новые реалии и вызовы, стоящие перед дипломатами. Если традиционный язык дипломатии отличался «обработанностью» и строгостью формулировок, то сегодня в речи политиков и дипломатов появляются новаторские слова и авторские выражения. Эти слова зачастую используются для воссоздания выразительности и образности речи, формируя уникальный стиль выступлений дипломатов, привлекающий внимание к обсуждаемым вопросам и к самим выступающим. Как полагают исследователи, окказионализмы могут выполнять оценочную функцию, а также функцию привлечения внимания и убеждения [Борисенко, Мкртчян 2020: 89]. Более того, окказионализмы становятся манипулятивной силой в арсенале дипломатического дискурса, способствующего яркому обозначению своей позиции посредством вербальных средств. При этом, отмечают исследователи, следует проявлять особую осторожность в использовании неологизмов и окказионализмов, поскольку в современных условиях информационных войн они могут быть истолкованы по-разному.

На протяжении веков слово остается главным оружием дипломатии. Дипломатический язык постоянно обогащается новыми терминами и стилистическими приемами, отражающими реалии происходящей трансформации. Использование постоянно обновляющегося дипломатического языка в сочетании с невербальной коммуникацией, интонацией, жестами способно влиять на судьбы современного, динамично меняющегося мира. В этом контексте старые традиции сливаются с современными технологиями, создавая уникальный симбиоз, формирующий облик нового дипломатического дискурса и влияющий на его форму и содержание.

Процессы цифровизации, охватившие современное общество, неизбежно оказывают влияние на дипломатию, изменяя каналы дипломатических коммуникаций и деятельность представительских учреждений. Взаимодействие становится более многослойным, пронизанным различными нюансами, требующими от дипломатов искусной интерпретации и передачи информации.

Влияние цифровизации на дипломатическую практику

В нашем глобализованном и взаимосвязанном мире наблюдается не просто эволюция дипломатического языка, но и появление новых каналов и механизмов его распространения. Все более значимую роль в этой сфере начинает играть «цифра». Слово, уже имеющее свои традиционные устные и письменные жанры, среди которых дипломатическая переписка, международные переговоры, брифинг-

ги и публичные выступления, стремительно завоевывает просторы Интернета и новейшего виртуального мира. Подобное обогащение дипломатического языка открывает горизонты для более быстрого и гибкого обмена мнениями и идеями, создавая новые форматы взаимодействия.

Цифровизация открыла перед дипломатией большие возможности и горизонты. Академик А. В. Торкунов заметил, что цифровая эпоха – это не просто увеличение потока информации, а качественный скачок, позволяющий использовать цифровые технологии для сбора, анализа и распространения информации, а также для построения новых коммуникационных каналов [Торкунов 2024]. Это привело к появлению такого феномена, как цифровая дипломатия, известная также под названиями «электронная дипломатия», «интернет-дипломатия», «кибердипломатия» и даже «Твиттер-дипломатия», или «твитдипломатия»¹. Последнее название связывают с ролью, которую сыграла эта социальная сеть в становлении цифровой дипломатии [Усачев 2018]. Однако стоит отметить, что эти термины лишь частично описывают феномен, ведь цифровая дипломатия – это не просто использование отдельных цифровых платформ, а комплексное применение информационно-коммуникационных технологий для решения широкого спектра дипломатических задач.

Обширная научная литература рассматривает различные аспекты цифровизации дипломатической практики, обращая внимание на то, что формирующаяся цифровая дипломатия способна изменить саму природу дипломатии [«Цифра»... 2024; Цифровые... 2023; Синчук, Каширина 2021; Bjola, Zaiotti 2020 и др.]

Одним из направлений применения цифровых технологий в дипломатии считается использование цифровизации как инструмента дипломатической практики. Созданные онлайн-платформы и социальные медиа, такие как Facebook, Instagram², Twitter (ныне сеть X), стали неизменной частью дипломатического дискурса, обеспечив инновационные и эффективные средства для решения дипломатических задач. Необходимость и значение использования этих площадок обусловлено постоянным ростом их количества и числа посетителей. Ежегодно аудитория пользователей соцсетей растет, постоянно расширяется в среднем на 9,6 % в год, и к 2027 г., по прогнозам, аудитория соцсетей должна составить примерно 5,85 млрд человек [Бегин 2025]. В настоящее время использование цифровых платформ, социальных медиа открывает возможности для обмена мнениями, выражения собственной позиции, адресованной широким слоям населения. Это позволяет сделать дипломатическую практику более открытой для различных групп людей, прессы и профильных специалистов, что приводит к более широкому охвату аудитории, продвижению в социальных сетях, а также укреплению сотрудничества с международными информационными структурами и медиаструктурами других стран. Кроме того, обширные ресурсы и инновационные стратегии позволяют быстро и адекватно реагировать на вызовы в современном информационном пространстве, противостоять фейкам и дезинформации [Лебедева 2021].

¹ Социальная сеть Twitter (X) принадлежит организации Meta, признанной в России экстремистской.

² Социальные сети Facebook и Instagram принадлежат организации Meta, признанной в России экстремистской.

От современного дипломата требуется постоянная адаптация к меняющейся обстановке при быстром реагировании на стремительно увеличивающиеся потоки информации. Значение имеет и формирование новых навыков эффективного применения цифровых инструментов в своих целях. Необходим постоянный мониторинг восприятия информации общественным сознанием и с учетом его результатов корректировка принятия решений для продвижения национальных интересов. Это становится стандартной практикой для большинства внешнеполитических ведомств мира.

Министерство иностранных дел России является одним из пионеров создания персональных аккаунтов своих сотрудников для информационно-разъяснительной деятельности. По инициативе Департамента информации и печати МИД России созданы аккаунты министра иностранных дел и других российских дипломатов в соцсетях. Так, в Twitter на русском и английском языках еще в 2011 г. были созданы аккаунты МИД России, у которых на русском языке более 1,2 млн, а на английском около 200 тыс. подписчиков.

Второе направление использования цифровых технологий заключается в формировании новой среды для дипломатической практики. Использование информационных технологий приводит к появлению и формированию виртуального пространства, часто определяемого как взаимосвязанная цифровая среда, в которой происходит общение с использованием Интернета, сетевых технологий и цифровых коммуникаций. Виртуальное пространство – это инновационная антропогенная среда, представляющая собой сложную взаимосвязанную систему технологических и гуманитарных компонентов. К настоящему времени виртуальное пространство превращается в одно из важных пространств коммуникации, в том числе и проведения повседневных встреч, деловых контактов дипломатов в гибридном формате. В отличие от реального мира, в котором контакты бывают ограничены географическими, геополитическими и другими факторами, виртуальное пространство позволяет объединять людей с беспрецедентной скоростью и качеством. Взаимодействие людей, организаций и государств происходит все чаще и интенсивнее в виртуальной среде.

Правительства, дипломатические структуры и международные организации активно внедряются в это пространство, меняя правила игры в международных отношениях. Виртуальный мир постоянно расширяется, и многие страны стремятся зафиксировать в нем свое присутствие [База... 2024]. Освоение интернет-пространства происходит по разным направлениям. Здесь возникают виртуальные страны, не отображенные на географических картах, формируя тем самым уникальные метавселенные. В аналитическом докладе «“Цифра” и искусственный интеллект на службе дипломатии», подготовленном в МГИМО, подчеркивается, что в этих метавселенных зарождаются новаторские формы «виртуальной» микрогосударственности, такие как Молоссия в Неваде и Либерленд в Юго-Восточной Европе. Эти виртуальные государства могут оказывать вполне реальное влияние на международную ситуацию. В этом смысле показателен пример Вейшнории, созданной для целей военных учений «Запад-2017» как выполнение функции условного противника Союза России и Беларуси, которая продолжила свое существование в виртуальном пространстве до сих пор со своей символикой, флагом, виртуальными паспортами и приемом в гражданство. Был зарегистриро-

ван аккаунт Министерства иностранных дел этого виртуального государства. Вейшнория превратилась в своеобразную игру, политическую сублимацию [Веселов 2022].

В то же время виртуальные пространства способны служить платформами для цифровой дипломатии, создавая равные возможности для малых и крупных стран. Более того, активное виртуальное присутствие малых государств может заметно расширить их участие в международной политике [«Цифра»... 2024: 59].

Дипломатия начинает осваивать такую виртуальную интерактивную среду, как компьютерные онлайн-игры. Эти игры рассматриваются как перспективная платформа для цифровой дипломатии. Государственную поддержку этот сегмент виртуальной реальности получает, поскольку видеоигры обладают большой способностью влиять на молодых людей, которые составляют практически основной контингент игроков [Там же: 55]. Взаимодействие игроков в рамках игрового процесса способствует преумножению положительного опыта общения на межличностном и межкультурном уровнях.

Государственные структуры оценили онлайн-игры в качестве средств публичной дипломатии. Так, в 2003 г. была выпущена многопользовательская онлайн-игра *Second Life*, представлявшая собой интернет-сообщество с элементами социальной сети, у которой всего в мире насчитывается более 64 млн поклонников. Была попытка освоить мир этой игры государственными организациями, так, уже в 2007 г. на так называемом виртуальном дипломатическом острове (*Diplomacy Island*) появилось первое посольство Мальдивской Республики, а также посольства Швеции, Эстонии [В виртуальном... 2007]. С помощью этого острова планировалось исследование возможностей дипломатического взаимодействия, но проект не получил продолжения. В 2024 г. на поисковые запросы игра отвечает отсутствием данного острова.

Создание видеоигр с отечественным контентом позволяет противостоять искажению российской истории в западных видеоиграх и создаваемому там негативному образу нашей страны и ее граждан. За последние годы вышло немало интересных отечественных видеоигр. Можно сослаться на такие видеоигры, как военный авиасимулятор «Ил-2 Штурмовик», созданный еще в 2001 г., ставший популярным в стране и за рубежом. Сегодня укрепление положительного имиджа страны и культуры становится ключевым в публичной дипломатии, позволяя минимизировать влияние зарубежных нарративов и усиливать национальные идеи.

Искусственный интеллект в дипломатической практике

Сравнительно новым феноменом цифровой дипломатии стал искусственный интеллект (ИИ), который представляет собой компьютерные программы, моделирующие мыслительные функции человека на основе использования баз больших данных, интернета вещей и связей нового поколения 5G. Раскрывая возможности искусственного интеллекта, специалисты различают три вида искусственного интеллекта: слабый (*Narrow AI*), сильный (*AGI*) и супер-ИИ (*Super AI*). Системы первого широко доступны, включают чат-боты, языковых переводчиков, «умных помощников», таких как Siri от Apple, Google Assistant, Alexa от Amazon, Алиса от Яндекса и др.

Сильный, или генеративный искусственный интеллект представляет собой компьютерную технологию, с помощью которой программы способны на простейшую креативную деятельность, редактируя или самостоятельно создавая тексты, художественные полотна, компьютерные программы. Предполагают, что к концу века будет создан супер-ИИ, который по своим интеллектуальным возможностям превзойдет человека.

Одним из популярных вариантов генеративного искусственного интеллекта считается ChatGPT, разработанный американской компанией OpenAI. Аббревиатура GPT расшифровывается как Generative Pre-Trained Transformer, то есть «генерирующий натренированный трансформер». ChatGPT был запущен в ноябре 2022 г. и сразу получил мировую известность. Он обладает широкими возможностями: может вести с пользователями диалоги, в том числе и на русском языке, разрабатывать бизнес-планы и сочинять стихи, заниматься редактированием научных статей, переводить с одного языка программирования на другой, генерировать сценарии и многое другое. Значительных успехов в разработке нейросетей достигли Microsoft и Google. По словам digital-специалистов, в России также активно разрабатываются системы искусственного интеллекта, не уступающие продуктам Google, Amazon и других западных компаний. У Яндекса есть такие разработки, как линейка YandexGPT, которые могут решать сложные и разнообразные задачи. Специалисты Сбера разработали чат-бот GigaChat, по функционалу отчасти похожий на ChatGPT и работающий в режиме диалога. GigaChat может вести беседу на двух языках, но оптимизирован для работы с русским языком и, помимо общения в режиме чата, может создавать различный креативный контент. Успешным было появление на мировой арене китайской модели ИИ – DeepSeek-R1, ориентированной на рассуждения, решение задач, требующих логического мышления и самоанализа.

Развитие систем искусственного интеллекта раскрыло новые возможности для дипломатической практики. Дипломатические работники стали использовать искусственный интеллект для подготовки материалов, изучения того, как та или иная страна отражается в новых СМИ. Искусственный интеллект способен оказывать содействие в автоматизации генерации твитов, для планирования и моделирования сценариев ведения переговоров. Помощь, оказываемая искусственным интеллектом, заключается в обработке больших объемов данных, раскрывая в них последовательности и закономерности, в проведении мониторинга общественного мнения. Выполнение этих и других во многом рутинных операций позволяет дипломатам сосредоточиться на решении более важных, стратегических задач. Специалисты не сомневаются, что многие текстоцентрические задачи, такие как дипломатическая отчетность, будут автоматизированы искусственным интеллектом [Гришанина 2021].

Важно то, что искусственный интеллект может развиваться, отвечая потребностям пользователей. Несомненно, перечень возможностей искусственного интеллекта будет постепенно расширяться, став неотъемлемой частью дипломатической практики, что позволит сформировать стратегии использования и технологии функционирования в эпоху цифровизации.

Риски цифровизации дипломатии

Цифровизация дипломатии не только приносит очевидные преимущества, но и ставит вопрос о рисках этого пути. Информационная безопасность становится важнейшим компонентом международного взаимодействия в этой сфере. Согласно Докладу о глобальных рисках за 2023 г. [The Global... 2023], опубликованному Всемирным экономическим форумом (ВЭФ), к числу топ-10 рисков глобальной стабильности были причислены и риски в области цифровизации, такие как рост киберпреступности и кибернетическая незащищенность. В предыдущих докладах, опубликованных Всемирным экономическим форумом, среди рисков выделялись необходимость усиления контроля над цифровой сферой и проблема цифрового неравенства. Неравномерный доступ к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) создает асимметрию в информационном пространстве и провоцирует цифровой разрыв, который представляет собой комплексную проблему, затрагивающую «все уровни социально-экономического неравенства в современном мире, а также приобретает международно-политическое измерение, становится важным фактором международной информационной безопасности» [Зиновьева 2021]. Для обеспечения стабильности важно понимать, что профиль рисков, с которыми сталкивается общество, может меняться, но риски цифровизации только углубляются.

Одним из рисков в виртуальной среде является сохранение и обеспечение *цифрового суверенитета*, добиться которого в цифровой среде достаточно сложно. Интернет построен по сетевому принципу, и это определяет цифровую взаимозависимость его пользователей. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в 2020 г. представил «Дорожную карту по цифровому сотрудничеству», определившую пробелы и вызовы неотложного характера в области цифрового сотрудничества. В этом документе отмечается, что «цифровые технологии не существуют в вакууме – они обладают мощным потенциалом конструктивных преобразований, но они также могут углубить и усилить существующие противоречия и обострить экономическое и иное неравенство» [Дорожная... 2020]. В «Дорожной карте» определены приоритетные направления цифровизации, среди которых обеспечение всеобщего подключения к Интернету к 2030 г., поддержка глобального цифрового сотрудничества в области искусственного интеллекта и укрепление доверия и безопасности в цифровой среде. Особо подчеркивается, что в области искусственного интеллекта остаются нерешенные проблемы, и одна из них заключается в недостаточной разработанности нормативно-правовых документов и необходимости более строго государственного регулирования в этой сфере. «В настоящее время во всем мире насчитывается более 160 сводов этических принципов и принципов управления в области искусственного интеллекта, принятых конкретными организациями, странами или согласованных на международном уровне. Однако общей платформы для объединения этих отдельных инициатив не существует» [Там же]. Все более актуальным и значимым становится вопрос о разработке единых правовых аспектов использования цифровых технологий в профессиональной деятельности.

Примечательно, что люди, стоявшие у истоков создания нейросетей, одними из первых осознали опасности разработки супермощных нейросетей вплоть до ка-

тастрофических последствий для человечества. Одним из них был Илон Маск, до 2018 г. входивший в состав руководства компании OpenAI. Позднее на сайте некоммерческой организации Center for AI Safety («Центр безопасности ИИ») ведущие эксперты в области систем нейросетей, представители крупнейших технологических компаний, занятых разработкой систем искусственного интеллекта, такие как Google, Microsoft, OpenAI, а также специалисты ряда ведущих западных университетов выступили с заявлением о том, что «снижение риска вымирания из-за ИИ должно стать глобальным приоритетом наряду с другими рисками социального масштаба, такими как пандемии и ядерные войны» [цит. по: Правила... 2023]. Все сильнее осознается потребность в международном сотрудничестве по регулированию технологий виртуальной реальности, по разработке своеобразного международного этического кодекса цифровой дипломатии.

На этом фоне важно помнить, что использование искусственного интеллекта в дипломатической сфере требует ответственного подхода и тщательного соблюдения всех мер предосторожности. В дипломатических кругах осознают опасности, которые раскрываются масштабным использованием нейросетей для распространения дезинформации и пропаганды. Технические возможности искусственного интеллекта позволяют подделывать изображения, голоса людей и видеоматериалы. Некорректное применение искусственного интеллекта способно принести серьезные репутационные потери стране, порождая потоки обмана и манипуляций в виртуальном пространстве. Вот почему важно проверять достоверность информации в Интернете, для чего создаются многочисленные компании как инструменты для оценки надежности и прозрачности сайтов. Так, одна из них – News Guard Technologies – опубликовала отчет, согласно которому с мая 2023 г. количество веб-сайтов, публикующих фейковые статьи, созданные с помощью искусственного интеллекта, возросло более чем на 1000 % [ИИ... 2023]. Переход к цифровой дипломатии подразумевает не только использование инновационных информационных технологий, но и понимание их влияния на международные отношения.

Заключение

Цифровая дипломатия, основываясь на традиционных практиках, модифицирует формы коммуникации, но дальнейшее развитие цифровой дипломатии, интеграция искусственного интеллекта в дипломатическую практику возможны на основе формирования цифровой компетентности специалистов-международников, выработки навыков использования искусственного интеллекта как дополнения к творческой деятельности дипломатов. Как подчеркнула официальный представитель МИД России М. В. Захарова, «цифровая дипломатия в условиях развернутой “коллективным Западом” гибридной войны против нашей страны выступает важнейшим каналом взаимодействия с внешним миром и каналом трансляции объективной информации» [«Цифра»... 2024: 5]. Цифровая дипломатия открывает возможности для решения сложных вопросов современного мира [Цифровой... 2023]. От того, насколько дипломатические ведомства и правительства смогут адаптироваться к реалиям цифровизации, сохраняя при этом принципы этики и ответственности, зависит наше будущее.

Литература

База данных веб-сайтов посольств и консульств по всему миру. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://embassies.org/ru> (дата обращения: 22.11.2024).

Бегин А. Статистика соцсетей в мире. 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://inclient.ru/global-social-networks-stats/> (дата обращения: 11.01.2025).

Борисенко В. А., Мкртчян Т. Ю. Оказионализм как манипулятивная речевая единица в политическом дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 85–96.

В виртуальном мире открыто первое настоящее посольство [Электронный ресурс] : Лента.ру. 2007. 24 мая. URL: <https://lenta.ru/news/2007/05/24/embasy/> (дата обращения: 22.01.2025).

Веселов Я. Себе на уме: феномен виртуальных государств и микронаций [Электронный ресурс] : РБК. 2022. 18 октября. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/634e62769a794711b65adaa3> (дата обращения: 22.01.2025).

Гришанина Т. А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования [Электронный ресурс] : Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 4. С. 10–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-rol-i-napravleniya-issledovaniya/viewer> (дата обращения: 22.01.2025).

Гудалов Н. Н., Чернов И. В. Роль языка в реалистической традиции изучения международных отношений // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. 2020. Т. 96. № 2. С. 54–66.

Дорожная карта по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/102/53/pdf/n2010253.pdf?2020> (дата обращения: 09.01.2025).

Зиновьева Е. С. Международно-политическое измерение цифрового разрыва. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodno-politicheskoe-izmerenie-tsifrovogo-razryva/> (дата обращения: 18.01.2025).

ИИ как инструмент дезинформации: развитие технологий вызвало 1000 % рост фейков в Интернете. 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/news/544718.php> (дата обращения: 19.01.2025).

Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция LVII. 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch57.htm> (дата обращения: 09.01.2025).

Ковалев А. Г. Азбука дипломатии. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Международные отношения, 1984.

Кравец Т. Н. Дискурсивные особенности современной дипломатической коммуникации // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2017. Т. 12. № 5. С. 54–63.

Кузембаева А. Б., Хэ Ли. Влияние языка на международные отношения [Электронный ресурс] : Известия. Сер.: Международные отношения и Регионоведение. 2022. Т. 48. № 2. URL: <https://bulletin-irr.ablaikhan.kz/index.php/j1/article/view/193/147> (дата обращения: 09.02.2025).

Ламрауи М. Н. Особенности языка русской дипломатии // Вестник магистратуры. 2018. № 3–1(78). С. 15–18.

Лебедева О. В. Роль социальных сетей в дипломатической практике России [Электронный ресурс] : Международная жизнь. № 3. 2021. С. 20–27. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2482> (дата обращения: 09.02.2025).

Правила наши, контроль – за вами: зачем создатели ИИ просят себя ограничивать. 23.06.2023. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/490276-pravila-nasi-kontrol-za-vami-zacem-sozdateli-ii-prosat-seba-ogranicivat> (дата обращения: 09.02.2025).

Синчук Ю. В., Каширина Т. В. Перспективы и возможности цифровой дипломатии [Электронный ресурс] : Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 2. С. 87–101. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/45291/view> (дата обращения: 09.02.2025).

Торкунов А. В. «Цифра» позволяет решить насущные проблема человека. И дипломатии тоже [Электронный ресурс] : Российская газета – Федеральный выпуск. 2024. 16 апреля. URL: <https://rg.ru/2024/04/15/chto-u-nas-v-diplomate.html> (дата обращения: 09.02.2025).

Усачев В. Твиттер-дипломатия – новое слово в глобальной политике! 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://strah.mirtesen.ru/blog/43011117680/Twitter-diplomatiya-%E2%80%94novoe-slovo-v-globalnoy-politike!> (дата обращения: 15.01.2025).

«Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад / под ред. Е. С. Зиновьевой. М. : МГИМО-Университет, 2024.

Цифровой поворот в международных отношениях: как новые технологии меняют мировую политику и науку о ней / под ред. М. А. Сучкова, И. В. Болговой. М.: МГИМО-Университет, 2023.

Цифровые международные отношения: в 2 т. / под ред. Е. С. Зиновьевой, С. В. Шитькова. М. : Аспект Пресс, 2023.

Чумаков А. Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 36–46.

Bjola C., Zaiotti R. Digital Diplomacy and International Organisations: Autonomy, Legitimacy and Contestation. London : Routledge, 2020.

The Global Risks Report. 18th ed. Insight Report. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.eticanews.it/wp-content/uploads/2023/01/WEF_Global_Risks_Report_2023_compressed.pdf (дата обращения: 08.02.2025).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – ПЕРВЫЙ ШАГ К ЦЕЛОСТНОМУ СУЩЕСТВОВАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА*

Нуруллин Р. А.**

Достижения глобального мира, с одной стороны, казалось бы, призваны вывести человечество на качественно новые уровни космического бытия, но, с другой стороны, вызывает сомнения, что эта целостность может быть достигнута путем установления шаткого соответствия материальных и духовных факторов конкурентного существования цивилизации и культуры соответственно. Эти механизмы в истории эффективно работали только на пути формирования глобальной цивилизации, которое всегда осуществлялось путем войн и революций. Источником беспокойства выступают люди, которые через энергетические и финансовые рычаги власти цивилизации пытаются навязать свои изживающие структуры всему миру. Представляется, что путь к достижению гармонии в отношениях целостного бытия человечества лежит через устранение мотивирующего фактора материальных ценностей в человеческих отношениях. Это сегодня становится реально возможным с развитием систем искусственного интеллекта (ИИ). Именно единая система ИИ могла бы взять на себя всю неопределенность в человеческих отношениях, связанных с производством и потреблением благ, передав управление автоматическим системам, тем самым освободив людей для творчества.

Ключевые слова: культура, цивилизация, искусственный интеллект, самоорганизация, глобализация, дифференциация.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE – THE FIRST STEP TO THE HOLISTIC EXISTENCE OF HUMANITY

On the one hand, the achievements of global world seem to be intended to bring humanity to qualitatively new levels of cosmic being, but on the other hand, it is questionable whether this integrity can be achieved by establishing a precarious correspondence between the material and spiritual factors of the competitive existence of civilization and culture, respectively. These mechanisms in history have worked effectively only on the path to the formation of a global civilization,

* **Для цитирования:** Нуруллин Р. А. Искусственный интеллект – первый шаг к целостному существованию человечества // Век глобализации. 2025. № 4. С. 151–161. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.13.

For citation: Nurullin R. A. Artificial Intelligence – the First Step to the Holistic Existence of Humanity // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 151–161. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.13 (in Russian).

** Нуруллин Рафаиль Асгатович – д. ф. н., профессор кафедры общей философии Института социально-философских наук Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: nurulla958@mail.ru.

Rafail A. Nurullin – Dr. Phil., Professor of Department of General philosophy, Institute of Social and Philosophical Sciences of Kazan (Volga region) Federal University. E-mail: nurulla958@mail.ru.

which has always been achieved through wars and revolutions. The source of concern is people who, through the energy and financial levers of power of civilization, are trying to impose their outlived structures on the entire world. It seems that the path to achieving harmony in the relationships of the integral existence of humanity lies in eliminating the motivating factor of material values in human relationships. This is becoming truly possible today with the development of artificial intelligence (AI) systems. It is a single AI system that could take on all the uncertainty in human relationships associated with the production and consumption of goods, transferring control to automatic systems, thereby freeing people for creative work.

Keywords: culture, civilization, artificial intelligence, self-organization, globalization, differentiation.

Культура в первом приближении в качестве социальной памяти может рассматриваться в качестве бессистемной совокупности различных форм общественного сознания. В то же время культура может рассматриваться в качестве динамично развивающейся во времени структуры общественного сознания. Поэтому положения культуры перманентно подвергаются своему историческому переосмыслению, исходя из исторически возникающих новых форм духовности, под объективно и необходимо меняющиеся общественные отношения. Каждая историческая эпоха характеризуется своими представлениями об идеалах духовного объединения различных субъектов всех уровней, начиная с человека, рода, племени, национальности, нации, государства, коалиций стран, блоков и заканчивая человечеством. К историческим формам представлений идейного объединения людей относятся: мораль, миф, философия, право, политика, религия, искусство, наука и т. д. Новая форма духовности всегда возникает в общественном сознании с декларативного утверждения о своей исходной значимости как нового способа (аспекта, метода, подхода) видения человеком мира и себя в этом мире. Новая форма отражения не возникает случайно, а выступает теоретическим оформлением необходимых изменений общественных отношений, связанных с развитием средств производства. Любое открытие на уровне как индивидуального сознания, так в сознании общества исходно всегда пытается претендовать на гипертрофированный статус своей ценности. Необходимость новых отношений сначала бессознательно проникает во все сферы обыденного мышления, и только потом через труды теоретиков – философов и политиков начинает идеологически определяться и сознательно использоваться не только в организации структуры реальных отношений в обществе, но и в переосмыслении всех предшествующих форм духовности в общественном сознании.

Возрастанием масштабов объединения субъектов, определяющих развитие общества на данное историческое время, приводит к значимости те духовные формы общественного сознания, которые соответствуют образовавшимся новым структурам, что неизбежно приводит к необходимой идеологической трансформации и пересмотру всех последующих форм и стилей мышления. Так, в Античности возникает философия как способ мышления, которая позволяет переосмысливать в едином начале разрозненное тотемное мифическое сознание; в Средние века монотеистические религии как прогрессивная форма духовного единения людей «по вере» уже ставит философию на службу оправдания своих догматов;

в эпоху Возрождения онтологического статуса удостоилась эстетика пантеистического восприятия тождества Бога и природы, и искусство начинает определять мировоззрение эпохи; в Новое время наука как рациональное мышление пытается найти свое место в общественном сознании и на свой лад переопределить все свои отношения с предшествующими ей формами культуры; в Новейшее время эту миссию пытается взять на себя такая форма общественного сознания, как политика. Возникает вопрос: «Какие идеи сегодня (в эпоху нелинейного информационного развития цивилизации) движут реальными поступками людей, которые могли бы обеспечить духовное единение субъектов всех уровней человечества планетарного масштаба?»

Эпоха становления информационной цивилизации идейно обслуживается культурой постмодерна, которая по сути более напоминает контркультуру, так как обсуждает влияние на общественное сознание феноменов техногенного мира. Постмодерн в целом более не сосредоточен на создание новых онтологических моделей бытия с большим идеологическим нарративом, способных идейно сподвигнуть массы на их достижение в направлении поиска оптимальных путей дальнейшего развития человечества [Терещенко, Шатунова 2003]. Поэтому от постмодерна бессмысленно ждать идейного оформления качественно новой ступени становления системной целостности планетарной цивилизации на основе поиска духовных скреп единения народов. Отмечая высокий динамизм изменений общественных отношений современного мира, представления постмодерна сосредотачиваются более на критике и предупреждении современного мира, зараженного идеями неограниченного потребления энергии, ресурсов и благ цивилизации, угрожающего всему человечеству становлением Хаосмоса [Делёз 1997: 242].

Степень быстроты развития цивилизации определяется частотой качественных изменений в обществе за период времени, соизмеримый с периодом жизни одного поколения людей. Высокий динамизм процессов современного мира привел к инверсии скоростей изменения двух базовых составляющих общества, которые определяют его развитие, – культуры и цивилизации [Чумаков и др. 2024]. Если феномены культуры (представления, идеи, теории, концепции) определяют собой линейную динамику изменений общественного сознания в силу своей привязанности к смене поколения людей в обществе, то развитие цивилизации (техника, технологии, Интернет, приборы, новые товары и т. п.) определяет собой нелинейное развитие общественных отношений и зависит от скорости смены поколения технологий. После Второй мировой войны эти динамики поменялись местами, и сегодня интенсивность смены поколения технологий обогнала динамику смены поколения людей [Нуруллин 2017: 126–129].

Такое положение дел в настоящем человечества, находящегося по шкале времени за точкой перегиба на воображаемом графике экспоненциального развития факторов цивилизации (техники и технологий), сегодня не приводит к образованию новых форм общественного сознания. Связано это с тем обстоятельством, что динамика развития феноменов культуры (которая описывается линейным графиком изменений, следующих за сменой поколения людей) не может угнаться за бурным нелинейным развитием факторов информационной цивилизации (которая подчинена динамике смены поколения техники и технологий и определена ею) [Капица 2004]. Сегодня развитие информационной цивилизации определяется даже не

столько производством техники, сколько качественными показателями производства информации, которая косвенно определяет динамику развития технологий. При этом количество вращающейся в обществе информации во времени факториально возрастает, что просто по своей природе намного опережает динамику процессов материального мира, которые, как известно, подчинены экспоненте [Колмогоров 1965].

В системе многоголосицы различных форм общественного сознания в открытом мире информационной цивилизации индивидуальное сознание человека оказывается в условиях идеологической неопределенности. Одна сторона этой неопределенности восприятия индивидуальным сознанием провоцируется инверсией действия самой частной культуры, частью которой человек оказался по рождению. Если ранее в условиях относительной замкнутости развития рядоположенных культур усилия частной культуры всегда работали на духовную интеграцию людей сообщества, то в условиях открытого информационного поля действия множества других культур отдельная культура по необходимости оказывается работающей не на духовное единение людей, а на дифференциацию культур между собой. Любые действия частной культуры в общем поле информационного взаимодействия других культур оказываются сосредоточенными на самозначимости и неповторимости собственных ценностных установок. Другой стороной возникновения неопределенности в восприятии индивидуальным сознанием феноменов культуры является принципиальная невозможность объективного количественного определения значимости смыслов и ценностей различных культур между собой.

Так как мы сегодня живем в эпоху становления информационной цивилизации, то следует отметить, что проблемы неоднозначности восприятия ценностей разных культур людьми соотносятся и перекликаются с некоторыми трудноразрешимыми проблемами теории информации. Так, краеугольным камнем теории информации является презумпция того, что разнообразные сообщения (разные содержания о разных явлениях) могут быть переведены на общий язык, а информация, которую эти сообщения несут, может быть количественно измерена. С помощью такой количественной меры можно оценивать сообщения любой формы. Это положение объективно позволяет построить единую теорию информации. Подобно тому, как введение понятия энергии позволило рассматривать все явления в природе с единых позиций, так и введение понятия информации (количество информации) позволяет подойти с единых позиций к изучению самых различных процессов [Нуруллин 2012: 49–50].

Если культуру рассматривать в качестве общественной информационной системы производства смыслов, то достижение искомых соотношений идеалов теории информации с культурой потребовало бы создания некой теоретической универсальной модели – «чистого типа культуры», которая с единых позиций давала бы возможность оценки разнообразия проявлений всех ценностных образований. Думается, что создание абсолютной модели культуры представляет собой сегодня неосуществимую задачу, с одной стороны, по причине понимания сложности самой модели, а с другой – принципиальной относительности наших знаний о мире в силу незавершенности мировой истории человечества. Но с развитием информационных технологий, и в особенности квантовых систем исчисления и систем ИИ, создание относительно полных моделей сложных структур человечества,

позволяющих судить о возможных судьбах его дальнейшего развития, становится возможным.

Современный человек в экзистенциальном плане выступает сосредоточением множества ценностных установок, обусловленных своим одновременным участием отношений в структуре множества субъектов: рода, национальности, трудового сообщества, нации, религии и т. п., целостное существование которых регулируется культурой отношений. Поэтому, с одной стороны, можно считать, что человек находится под влиянием структуры частной культуры, имеющей длительную историю развития своих субъектов, а с другой – человек является представителем человечества, духовность которого еще находится лишь на зачаточном уровне своего становления. Все эти факторы делают восприятие человеком себя в мире крайне противоречивым. С одной стороны, развитие цивилизации привело к возникновению информационных сетей, которые стали полем действия множества субъектов. Цивилизация, в отличие от культуры, всегда работает в сторону унификации и тиражирования [Бердяев 1990]. Чтобы избежать унификации и не раствориться в общем информационном потоке цивилизации, частная культура вынуждена сосредоточиваться на своих отличительных особенностях и установлении культурных границ. Такая внутренняя установка со стороны частной культуры никак не способствует движению своих носителей в сторону достижения синтетического духовного единения между представителями разных культур. С другой стороны, глобальный характер развития информационной цивилизации все более способствует расширению удобств и возможностей человека, от которых никто из людей не хочет отказываться, к какой бы культуре он себя ни относил. В общем информационном поле конкурентной борьбы многих культур за сознание масс голос частной культуры элиминируется в общей какофонии различных точек зрения своих идеологов. Таким образом, глобализацию необходимо рассматривать в единстве с обратными к глобализации процессами дифференциации, которые А. Н. Чумаков называет деглобализацией [Чумаков 2023].

В условиях возрастания значимости сетевой составляющей бытия общества можно говорить о снижении фактора влияния разных культур на сознание человека, что одновременно может рассматриваться в качестве создания необходимых условий для появления новых ценностных установок, отвечающих требованиям сегодняшнего дня. Становление равнозначности всех культурных образований вблизи точки бифуркации в фазе развития системы человечества способствует забыванию субъектами своих собственных культурно-исторических корней, что приводит к общему падению нравов. Но становление хаоса эффективно только в борьбе с разрушением старого мира. Поэтому творение хаоса исходно воспринимается человеком как стремление достичь свободы, но это «свобода от», и только потом она для некоторых лидеров переходит в творческий феномен – «свободу для», которая оказывается необходимой лишь для выбора и задания новых исходных оснований для дальнейшего развития общества в системе человечества по новым правилам.

Исторически, если ранее отражение развития феноменов культуры в общественном сознании (как системы значимых ценностей для своего времени) осуществлялось в диалектическом противопоставлении культуры сначала к природе, потом к Богу [Гуревич 2001], то с начала XX в. культура стала рассматриваться в противопоставлении к цивилизации [Шпенглер 2010]. Весь XX век можно пред-

ставить в виде идейной борьбы на международной арене между собой двух основных на сегодня систем социальной организации: с одной стороны, построенной на приоритете в общественном сознании значимости материальных ценностей, а с другой – построенной на приоритете идеологического верховенства духовных общественных ценностей. В данной работе нами не преследуется цель поиска ответов на вопрос: «Какая из систем общества является лучше или хуже, справедливее или несправедливее в организации жизни человека?» По отдельности эти системы организации социума по-своему в чем-то преуспели, а в чем-то оказались несовершенными. В первом приближении и материальные, и духовные факторы мотивации являются важными составляющими общественного развития. Свою задачу мы видим в констатации необходимости создания теоретической модели, которая собой могла бы отразить взаимно обусловленное единство отношений ключевых для современного мира факторов взаимодействия культуры и цивилизации. Создание такого «чистого типа» позволило бы получать объективные оценки от сравнительного анализа нашей модели с событиями реальных процессов [Ростиславлева 2015].

Человечество, к сожалению, еще не научилось создавать искусственные системы социального управления на основе знаний законов диалектики естественных объектов. Использование подходов синергетики как теории развития самоорганизующихся систем, думается, позволило бы в недалеком будущем выйти к созданию искусственных природоподобных технологий, в которых так нуждается современная цивилизация [Ковальчук 2016]. Представляется, что не только использование искусственных систем в производстве вещей, но и создание на основе знаний о самоорганизации процессов в обществе с использованием принципов отрицательной обратной связи позволили бы общей системе управления человечеством избежать ухода своих подсистем в разрушительные крайности. Как превращение тех или иных составляющих форм культуры в идеологии, так и идеология безмерного потребления благ цивилизации ведут человечество к своему краху. Поэтому синергетика как теория самоорганизации, думается, могла бы сделать шаг в сторону выявления количественных значений взаимоотношений диалектических структур для создания искусственных систем самоуправления на основе знаний функционирования систем: как биосферы, так и ноосферы. Тенденции повышения значимости для современного мира научного анализа не только теоретического, но и практического использования знаний законов функционирования нелинейных систем сегодня неумолимо растут [Малинецкий 2021].

С изобретением систем ИИ создание систем управления и самоуправления некоторых алгоритмирующихся структур общества переходят из формально-возможного в разряд реально-возможного бытия. Поведение самоорганизующихся систем математически описывается нелинейными неоднородными дифференциальными уравнениями высших порядков. Как известно, такие уравнения не имеют общего решения, поэтому к их решению можно выйти лишь случайными актами. Первый – это удачный подбор частных параметров из данных эмпирических наблюдений. Второй характерен для теоретических исследований и осуществляется подбором подходящих кусочков кривых функций из веера известных экспонент, так как все эволюционные процессы материального мира, по сути, состав-

ляют комбинации степенных функций, которые описываются набором разных экспонент [Мингулов 2018: 79–86].

Если коснуться описания динамики развития таких сложных, многопараметрических и многомерных систем-ансамблей, как живой организм, человек, общество, популяция и человечество, то его, наверное, можно было бы осуществить лишь с использованием возможностей систем ИИ. Создание искусственной управляемой социальной системы человечества на основе знаний законов диалектики потребовало бы наличия единых правил организации отношений для всех существующих видов субъектов на планете. О создании такой системы самоуправления человечеством мечтали еще марксисты и их последователи, считавшие, что задачей философии диалектики материализма является не столько создание теорий, сколько практические преобразования общества на основе научных знаний [Кондрашов 2015; Осинский 2018].

Но в истории попытки сведения философии к науке не увенчались успехом, а привели в лице позитивистских и сциентистских учений к изгнанию метафизики из науки. Все это, с одной стороны, сильно сузило мировоззрение основания науки, снизив ее эвристический потенциал, и способствовало ее сегодняшнему превращению в технотнауку, а с другой стороны, привело философов от науки к необходимости отказа философии в познании мира, оставив ей лишь узкий диапазон исследования возможностей языков естественных и гуманитарных наук в направлении достижения intersubjectивности понимания и знания. Но в теоретическом плане философы часто обгоняют время практических преобразований, а потому, например, практиками коммунизма было проигнорировано фундаментальное системное требование теории марксизма – положение о выполнении необходимого условия перехода человечества к бесклассовому обществу исходно должно осуществляться через достижение всеобщей технико-технологической победы капитализма во всем мире, наступление которого стало очевидным лишь в наши дни, а не 100 лет назад [Поляков 2021].

Истинность последнего утверждения также следует из фактов истории, показывающих на многих примерах из жизни невозможность создания отношений, которые по времени сходились бы к одному идеалу (нарративу) сосуществования в отдельной взятой стране в условиях незавершенности истории на всей Земле. Конечно, такие системы могут структурно обеспечить свое относительно устойчивое существование путем самоизоляции от мира, но относительно замкнутые системы не имеют возможности к развитию, пределом которых является стагнация. Попытка создания общества справедливости в условиях недостаточного развития материальной базы капитализма привела к возникновению феномена социализма – как системы постепенного преобразования форм государственного управления от диктатуры к общенародному [Петров 2019].

Сегодня на реальном уровне существования человечества образовались два основных подхода в организации систем жизни, построенных на идеалах приоритетов материального и духовного бытия, которые в конкурентной борьбе между собой за мировое господство пытаются поддерживать хрупкое состояние неустойчивого равновесия в мире. Общее состояние системы, обусловленное действием противоречащих друг другу сторон этой системы в теории устойчивости нелинейных динамических систем в математике, получило название «седло» [Ма-

линецкий, Потапов 2011: 81–156]. В теории самоорганизации состояние системы вблизи неустойчивого равновесия описывается поведением системы вблизи точки бифуркации, которая является точкой выбора пути, после которой система, если выживает, по необходимости асимптотически стремится к следующему аттрактору – как относительно устойчивому состоянию, но уже на более высоком уровне целостного бытия [Курашов 2004].

Сегодня также можно говорить о приближении к точке бифуркации, относящемся ко всему ансамблю составляющих на Земле субъектов, за которым (если хватит землянам здравого смысла договориться по совместному решению глобальных проблем) для человечества может появиться возможность целостного существования на качественно более высоком уровне развития. Особенностью состояния нахождения системы на энергетической вершине является то, что это не только определяет уровень максимальной чувствительности к внешним изменениям, но одновременно характеризуется уровнем максимальной информационной избыточности, в которой все составляющие будущего ансамбля получают возможность свободно менять свои значения для создания будущих структур [Нуруллин 2023].

Все это позволяет системе в условиях критического несоответствия внешним условиям своего существования использовать весь свой внутренний арсенал возможных изменений для создания собой новых комбинаций и тем самым попытаться противопоставить себя изменившимся условиям окружающего мира, но уже в качестве новой структуры. Данный иерархический уровень неиерархии, который должна преодолеть самоорганизующаяся система на каждом этапе своего качественного преобразования, был предложен казанским философом Э. М. Хакимовым, который, по сути, говорит о том, что система при переходе от одного аттрактора к другому проходит не через Хаос, как это рисуется в синергетике, а через определенные уровни организации беспорядка – неиерархии. Поэтому для каждого уровня организации порядка в мире должен существовать свой определенный уровень неиерархии [Хакимов 2007].

Но, чтобы находиться в этом информационно выгодном состоянии с максимальным уровнем чувствительности к изменениям и информационной избыточности, системе требуется постоянное потребление энергии на высоту этой параболы, что определяет характер активности или пассионарности системы [Гумилев 1990]. Для поддержания устойчивого бытия социальных систем характер значимости управления видами энергии с развитием общества в истории меняется. В животном мире энергию относительно устойчивого существования биологических систем определяет энергия пищи. История на уровне бытия общества начинается с использования энергии возможностей других животных и людей (рабовладение и Средневековье). Далее с появлением машин для поддержания структур в обществе стали использоваться энергия полезных ископаемых (капитализм, социализм), где активная позиция человека, стимулируемая стремлением к финансам, определялась уровнем материальной пассионарности. Сегодня мир все больше подбирается к осознанию ценности использования духовной энергии и творческих способностей человека, что требует создания системы оценки смыслов информации [Афанасьева 2023].

Таким образом, хотя энергия (пища, сырье) продолжает использоваться непосредственно, но сегодня более определяется косвенно надстроечными отношениями управления, осуществляемыми через: первую производную – финансы и вторую производную – эмоции и желания субъектов человечества. Именно эти факторы безусловного стремления индивида заявить о себе миру как личности, направленные на организацию внешнего мира и/или себя, определяют характер активности или пассионарности человека. Но на сегодняшнем уровне отношений в обществе ни о каком достижении справедливого соответствия между субъектами: с одной стороны, обладающими определенными благами цивилизации (вещами, энергией, деньгами), а с другой – определенными качествами внутренней организации духовной личности (информацией, знаниями, моралью), – говорить не приходится. В недостаточно организованном мире человечества на сегодня будем всегда иметь колебания вблизи точки неустойчивого равновесия между ценностными установками субъектов в социуме, где каждая из сторон будет стремиться с переменным успехом к системному господству. И в истории развития человечества это будет продолжаться до тех пор, пока каким-то образом не аннулировать стремления субъектов общества только к материальным или только к духовным ценностям. Если идти по пути нивелирования значимости стремления человека к духовным высотам, то это неизбежно приведет человечество к системе отношений, основанных на классовых различиях по степени материального богатства, что неизбежно ведет человечество к исходному состоянию. Если идеологически насаждать уничтожительное отношение стремления человека к личному материальному обогащению ради большой и светлой идеи, то, как показывает история, это тоже неизбежно ведет к тотальному равенству в личной нищете большинства людей при богатом государстве. Возникает вопрос: «Можно ли в условиях большой энергетической и информационной насыщенности цивилизации в создании системы новой организации человечества взять под контроль стихийный характер диалектики противоречивых отношений, которые в планетарном масштабе могут привести к опасной черте мирового пожара?» Если ответ – да, то возникает новый вопрос: «Как же можно, не снижая уровень материального благосостояния народа, поставить людей перед необходимостью жить в системе стремления к духовным ценностям на принципах всеобщей любви друг к другу и добра?» Думается, что это становится возможным с изобретением квантовых компьютеров и развитием систем ИИ. Как в свое время паровая машина стала могилищиком феодальных отношений, так ИИ может стать фактором конца капитализма. Представляется, что именно системы ИИ позволят людям перейти к полной автоматизации всех процессов материального производства вещей и рутинных вычислений и сделать шаг в сторону значимости стремления свободных от материальных проблем людей к творчеству.

Заключение

Формы духовности общественного сознания, миф, мораль, философия, право, религия, наука, политика, формировались в исторической последовательности по мере появления необходимых для развития человечества субъектов: семья, род, город, страна, государство. Сегодня само человечество переживает становление в целостный субъект единицы Космоса. Возникает вопрос: «Какие идеи сегодня (в эпоху нелинейного информационного развития цивилизации) движут реально-

ми поступками людей, которые могли бы обеспечить духовное единение субъектов всех уровней человечества планетарного масштаба?»

Со становлением информационной цивилизации резко изменились масштабы и динамика развития общества. Высокий динамизм процессов современного мира привел к инверсии скоростей изменения двух базовых составляющих общества, которые определяют его развитие, – культуры и цивилизации. Если феномены культуры определяют собой линейную динамику изменений общественного сознания в силу своей привязанности к смене поколения людей в обществе, то развитие цивилизации определяет собой нелинейное развитие общественных отношений и зависит от скорости смены поколения технологий.

Сегодня стало очевидно, что в эпоху больших энергий и становления глобального информационного мира строить систему целостности человечества на принципах стихийного установления неустойчивого равновесия в точке соответствия отношений культуры и цивилизации становится опасным и неприемлемым. В этих условиях существования, полагаем, необходимо вывести механизмы производства и развития цивилизации за пределы общественных отношений. Следует при этом отметить, что для этого созрели не только необходимые, но и достаточные условия, которые связаны с появлением квантовых компьютеров и изобретением систем ИИ. Думается, именно системы ИИ позволят людям перейти к полной автоматизации всех процессов материального производства вещей и рутинных вычислений и сделать шаг в сторону значимости стремления свободных от материальных проблем людей к творчеству.

Поэтому мир, построенный на противоборстве этих двух начал – материального и духовного, может быть разрешен лишь путем выведения из значимости отношений между людьми материальных ценностей, не путем отказа от них, а передачи их производства автоматам во главе с системой ИИ. Все это, вероятно, позволит перейти субъектам всех уровней к эффективным методам решения своих глобальных проблем. Только урегулировав все свои внутренние противоречия в отношениях своих подсистем, человечество может получить возможность существовать в структуре отношений субъектов в системе Космоса.

Литература

Афанасьева Н. А. Духовная и материальная пассионарности человека // *Univsum: общественные науки*. 2023. № 4(95). С. 4–10. DOI: 10.32743/UniSoc.2023.95.4.15351.

Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. М. : ИМА-пресс, 1990.

Гумилев Л. Н. *Этногенез и биосфера Земли*. М. : Гидрометеиздат, 1990.

Гуревич П. С. *Философия культуры: учеб. для высш. шк.* М. : NOTA BENE, 2001. С. 2–10.

Делёз Ж. *Складка. Лейбниц и барокко*. М. : Логос, 1997.

Капица С. П. Об ускорении исторического времени // *Новая и новейшая история*. 2004. № 6. С. 3–16.

Колмогоров А. Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // *Проблемы передачи информации*. 1965. № 1(1). С. 3–11.

Курашов В. И. Начала философии науки. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2004. С. 135–144.

Ковальчук М., Нарайкин О. Природоподобные технологии – новые возможности новые угрозы // Индекс безопасности. 2016. № 3–4(118–119). С. 103–108.

Кондрашов П. Н. Философия практики Карла Маркса и материализм // Вестник Омского университета. 2015. № 3(77). С. 79–84.

Малинецкий Г. Г. Самоорганизация нелинейность и теория научных революций // Знание. Понимание. Умение: Философия, этика, религиоведение. 2021. № 1. С. 67–82. DOI: 10.17805/zpu.2021.1.5.

Малинецкий Г. Г., Потапов А. Б. Нелинейная динамика и хаос. М. : Эдитория URSS, 2011.

Мингулов Х. И. Эвристический потенциал математики. Самара : Изд-во Самарского гос. экон. ун-та, 2018.

Нуруллин Р. А. Концепции современного естествознания: учебно-методический комплекс. Казань : Изд-во КФУ, 2012.

Нуруллин Р. А. Культура как линейное производство новаций в условиях нелинейного развития инновационной цивилизации // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сб. науч. статей / под общ. ред. И. Т. Касавина, А. М. Фейгельмана. Н. Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2017. С. 126–129.

Нуруллин Р. А. Философские проблемы определения феномена информационной избыточности // Socio Time / Социальное время. 2023. № 2(34). С. 44–59. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.44.

Осинский И. И. Карл Маркс – основоположник революционного учения // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Философия. 2018. № 3(2). С. 3–12. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-3-3-12.

Петров А. А. И. В. Сталин о роли диктатуры пролетариата в строительстве социализма // Политическое просвещение. 2019. № 6(113). С. 14–28.

Поляков А. Ф. Коммунизм как будущее человечества // Символ науки. 2021. № 6. С. 192–199.

Ростиславлева Н. В. Концепция «идеальных типов» Макса Вебера как полидисциплинарный проект // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение, Языкознание. Культурология. 2015. № 9. С. 122–129.

Терещенко Н. А., Шатунова Т. М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб. : Алетейя, 2003.

Хакимов Э. М. Динамика иерархии и неиерархии в философии и научном знании. Казань : Фэн, 2007.

Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. № 3(47). С. 19–34. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.02.

Чумаков А. Н., Гринин Л. Е., Малков С. Ю. и др. Цивилизация как объект международного исследования (материалы круглого стола) // Век глобализации. 2024. № 3(51). С. 40–57. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.03.

Шпенглер О. Закат Европы // Социология власти. Философия, этика, религиоведение. 2010. № 6. С. 226–236.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА НЕЗАПАДНЫХ СТРАН НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И В РАМКАХ БРИКС+*

Герасимов В. И., Коданева С. И.**

В статье представлен обзор материалов VII Международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». Представлены цели и задачи конференции, приоритетные тематические направления, общие количественные показатели. Основное внимание уделяется докладам, посвященным сотрудничеству западных стран на евразийском пространстве и в рамках БРИКС+. Рассматриваются перспективные области сотрудничества западных стран (в том числе в решении приоритетных проблем в области экологического развития).

Ключевые слова: Большая Евразия, БРИКС, международное сотрудничество, национальные интересы, новый миропорядок.

PROSPECTS FOR COOPERATION BETWEEN NON-WESTERN COUNTRIES IN THE EURASIAN SPACE AND WITHIN THE FRAMEWORK OF BRICS+

The article provides an overview of the materials of the VII International Scientific and Practical Conference "Greater Eurasia: national and civilizational aspects of development and cooperation". The goals and objectives of the conference, priority thematic areas, and general quantitative indicators are presented. The main focus is on reports on cooperation between non-Western countries in the Eurasian space and within the framework of BRICS+. Promising areas of cooperation between non-Western countries (including in solving priority problems in the field of environmental development) are being considered.

* **Для цитирования:** Герасимов В. И., Коданева С. И. Перспективы сотрудничества западных стран на евразийском пространстве и в рамках БРИКС+ // Век глобализации. 2025. № 4. С. 162–172. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.14.

For citation: Gerasimov V. I., Kodaneva S. I. Prospects for Cooperation between Non-Western Countries in the Eurasian Space and within the Framework of BRICS+ // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 162–172. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.14 (in Russian).

** Герасимов Владимир Иванович – к. филол. н., в. н. с. Университета мировых цивилизаций. E-mail: coopinion@mail.ru.

Vladimir I. Gerasimov – Ph.D. in Philology, Leading Researcher at the University of World Civilizations. E-mail: coopinion@mail.ru.

Коданева Светлана Игоревна – к. ю. н., в. н. с. Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: kodanevas@gmail.com.

Svetlana I. Kodaneva – Ph.D. in Law, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kodanevas@gmail.com.

Keywords: *Greater Eurasia, BRICS, international cooperation, national interests, new world order.*

Введение

27–29 ноября 2024 г. в Москве состоялась VII Международная научно-практическая конференция «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества», направленная на конструктивное обсуждение ключевых проблем социально-экономического, инновационно-технологического и духовно-гуманитарного развития стран Большой Евразии, стратегий и механизмов международного сотрудничества, интеграционных и дезинтеграционных процессов, происходящих в современном мире, представление результатов и перспектив в области экономического, инновационно-технологического, научного и культурного сотрудничества незападных стран на Евразийском пространстве и в рамках БРИКС+.

Организаторы конференции: Университет мировых цивилизаций, Евразийский информационно-аналитический консорциум, Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, Российский центр научной информации, Национальный комитет по исследованию БРИКС, МГИМО МИД России, МИРЭА – Российский технологический университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Национальный НИИ общественного здоровья, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере, Международный научно-исследовательский институт проблем управления, фонд «Достояние России». Конференция проводилась при участии Международного союза экономистов, Международного союза научных и инженерных общественных объединений и Ассамблеи народов Евразии.

Особое внимание в работе конференции было уделено:

- национальным интересам стран Большой Евразии в изменяющемся мире;
- новым вызовам и угрозам развитию стран Большой Евразии и механизмам их противодействия;
- национальным и международным стратегиям социально-экономического и научно-технологического развития и сотрудничества стран Большой Евразии;
- глобальным и региональным аспектам сотрудничества стран БРИКС, в том числе в области охраны окружающей среды, продвижения экологически чистых и энергосберегающих технологий, перспективам реализации мегапроекта «Экологическая платформа БРИКС+»;
- разработке и реализации приоритетных национальных проектов и программ;
- сбережению здоровья населения и модернизации здравоохранения;
- обеспечению технологического суверенитета стран Большой Евразии;
- развитию человеческого потенциала;
- национальной идентичности, исторической памяти и проблемам межкультурной коммуникации;
- формированию у подрастающего поколения патриотизма, готовности к созидательной деятельности и защите Отечества.

В программе Конференции^{***} было заявлено участие 656 специалистов из 37 регионов РФ и 14 зарубежных стран (118 участников), а также 464 доклада (в том числе 144 заочных). Доклады заслушивались на пленарном заседании и на 11 секциях. В рамках данного обзора представлены доклады, посвященные современному состоянию и перспективам сотрудничества незападных стран на евразийском пространстве и в рамках БРИКС+. Посвященные этой теме доклады были представлены как на пленарном заседании, так и на нескольких секциях.

Основные направления сотрудничества незападных стран в рамках БРИКС+ и на евразийском пространстве

Участники конференции представили свои разработки по различным направлениям сотрудничества незападных стран в рамках БРИКС+ и на евразийском пространстве. Наибольшее внимание было уделено вопросам управления, дедолларизации экономики, экологическим проблемам, научно-техническому сотрудничеству, а также безопасности.

Так, д. ф. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова А. Н. Чумаков обратил внимание участников на то, что международное сотрудничество в условиях глобализации может быть эффективным только при условии правильного понимания современного глобального мира [Philosophical... 2022]. Под влиянием процессов глобализации мировое сообщество сформировалось в целостную систему. В то же время механизмы управления, адекватные этому целостному состоянию, отсутствуют и не формируются целенаправленно. Более того, даже теоретические дискуссии на эту тему сегодня довольно редки и не находятся в центре всеобщего внимания, как они того заслуживают. При понимании глобализации как реального объективного исторического процесса следует искать средства решения порожденных глобализацией проблем в сфере структурных изменений мирового общества. При этом следует исходить из того, что саморегуляции сложных систем уже недостаточно. Требуется управление, которое соотносится с такими понятиями, как «целеполагание», «обратная связь», «законодательство», то есть сознательно осуществляемых действий с целью достижения определенного результата. С этой точки зрения очевидно, что человечество достигло рубежа, за которым стихийное регулирование общественных отношений больше продолжаться не может. Это суровая объективная реальность, которую нельзя игнорировать. Именно поэтому регулирование должно быть дополнено сознательным и целенаправленным выстраиванием системного управления, поскольку мир глобальных отношений без эффективного глобального управления столкнется с еще более серьезными испытаниями.

По мнению к. полит. н., доцента РАНХиГС при Президенте РФ Т. С. Черемной, происходит формирование двуполярного мира, где полюсы – это западная и евразийская цивилизация [Грачев 2023]. В основе противостояния этих полюсов лежат духовно-религиозные различия. Соответственно, объединяющими факторами сотрудничества для незападных стран Большой Евразии и стран БРИКС+ являются противостояние западным либеральным ценностям; духовно-политическая повестка, основанная на дружбе народов и духовном единстве; диалог культур; единая система духовных традиционных семейных ценностей. Автор

^{***} Полный текст программы опубликован на сайте «Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество» (<http://ukros.ru/archives/38535>).

предложила ряд шагов по укреплению сотрудничества внутри евразийской мега-цивилизации, включая обеспечение превалирования духовных ценностей над политическими, сопоставление принимаемых политических решений с едиными мировоззренческими ценностями Евразии, развитие межгосударственного диалога, основанного на единстве мировоззренческих ценностей, расширение сотрудничества с другими православными странами на Евразийском континенте и др.

Д. соц. н., профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий Луганского государственного университета А. В. Яковенко выразил убеждение в том, что создание общества социальной гармонии в контексте Большой Евразии – это не утопия, а сверхзадача, к которой мы должны стремиться. Евразия, по мнению автора, может, способна и должна выступать инициатором и организатором новых, более конструктивно ориентированных социальных проектов. В Евразии наблюдается отчетливая ориентация на выработку позитивных сценариев будущего. Значительный фундамент гуманистических традиций, сформированный на этом континенте, способен (с опорой на совершенные технологические новации, включая искусственный интеллект) стать надежным подспорьем в созидании подлинно человеческой социальной реальности.

К. ф. н., доцент, профессор кафедры мировой и национальной экономики Всероссийской академии внешней торговли И. Ю. Ткаченко полагает, что наиболее важными являются такие форматы сотрудничества, которые объединяют страны с разными культурами и экономическими моделями, но с общей целью – построение справедливого и устойчивого мира. При этом данные форматы не должны иметь жесткой институциональной структуры и системы подтвержденных взаимных обязательств, формализованных в уставных документах. Именно такой структурой является БРИКС+, жизнеспособность которого в рамках пересмотра мирового геоэкономического и геополитического порядка подтверждена рядом факторов. Важным является то, что БРИКС+ строится на принципе инклюзивности и открытости для всех заинтересованных сторон. В рамках объединения не только обсуждаются вопросы торговли, инвестиций, финансовой поддержки, но и происходит реальное создание новых экономических механизмов, таких как Новый банк развития (НБР), который предоставляет финансирование для инфраструктурных проектов в странах-участниках, платежная система BRICS BRIDGE.

Д. э. н., профессор, директор по научной работе НИИ БРИКС+, заведующая сектором Экспертного совета БРИКС+ при ВШЭ, заведующая кафедрой МГИМО МИД России И. З. Ярыгина и к. э. н., доцент МГИМО МИД России М. Н. Хубулава обратили внимание на необходимость построения независимой и устойчивой инфраструктуры, обеспечивающей непрерывность международных операций с ценными бумагами, совершаемых через национальные и международные расчетно-клиринговые организации, обмен информацией о них, в том числе по корпоративным действиям, расширение сотрудничества и увеличение объема взаимных инвестиций стран БРИКС+, а также инвестиций в ранее недоступные финансовые инструменты в странах-партнерах. Они отметили, что в настоящее время существуют следующие барьеры, препятствующие созданию расчетно-депозитарной инфраструктуры БРИКС+: 1) недостаточный уровень развития системы определения курсов между валютами стран БРИКС+; 2) слабое развитие сети банков-корреспондентов в странах БРИКС+ для проведения трансграничных платежей в местных валютах; 3) санкции США и других западных стран против Московской биржи и ее дочерних организаций, а также опасность введения против представи-

телей «дружественных» государств вторичных санкций; 4) тесная связь инфраструктуры финансовых рынков стран БРИКС+ в целом с западными финансовыми организациями, которые являются фактически основными иностранными инвесторами на рынках развивающихся стран. Исходя из этого, возможны три варианта создания расчетно-депозитарной инфраструктуры стран БРИКС+: соединение имеющихся в странах БРИКС+ национальных клиринговых центров и депозитариев в единую сеть; создание нового отдельного международного клирингового центра и центрального депозитария или создание дублирующей сети клиринговых центров и центральных депозитариев, не соединенных с западной финансовой системой, которые будут выполнять страховочную функцию на случай ухудшения геополитической ситуации и введения санкций против стран БРИКС+ помимо Российской Федерации и Ирана. Предпочтительным, по мнению докладчиков, является третий вариант. Вновь созданным институтам целесообразно объединиться в ассоциацию и выработать собственные отраслевые стандарты для независимой платежно-расчетной инфраструктуры. Данная резервная инфраструктура представляется также оптимальной площадкой для запуска сотрудничества стран БРИКС+ по использованию цифровых финансовых активов.

Д. э. н., профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета С. Г. Ковалев также полагает, что актуальными и перспективными для РФ направлениями сотрудничества в рамках БРИКС+ является кооперация в областях: а) совершенствования мирового денежного обращения; б) цифровизации. Он полагает, что электронные мировые деньги – это возможное будущее мировой денежной системы, однако о создании единой валюты для БРИКС+ речь в обозримом будущем не идет. Процесс дедолларизации также не означает быстрого отказа от этой валюты, поскольку она выполняет функцию не только мировых расчетных денег, но и мировых стоимостей (цен). Поэтому более перспективным для БРИКС+ является сотрудничество в области цифровизации и искусственного интеллекта. В этой области Китай и Индия имеют большие достижения, соединение усилий может дать весомый результат и позволит отойти от зависимости от западного информационно-цифрового капитала [Ковалев 2024].

Д. э. н., академик РАЕН, заслуженный экономист России, профессор МГУ В. Д. Андрианов, согласившись с актуальностью дедолларизации экономик стран БРИКС+, предложил использовать аналог цифровой платежной платформы mBridge – Project Connecting economies through CBDC, разработанной инновационным центром Банка международных расчетов (BIS) для расчетов в цифровых валютах. Проект направлен на развитие трансграничных платежей с использованием общей платформы, основанной на технологии распределенных реестров, на которой несколько центральных банков могут выпускать и обменивать свои цифровые валюты и активы. Докладчик полагает, что в случае использования подобной системы в рамках БРИКС+ финансовая экосистема будет представлять собой фрактально организованные узлы (точки доступа), объединенные блокчейн-платформой. В результате страны БРИКС+ фактически смогут использовать BRICS UNIT для проведения международных расчетов во внешнеэкономической сфере, валютных платежей, накопления капитала, осуществления трансграничных инвестиций, ведения ценообразования и бухгалтерского учета и др. [Андрианов 2021].

Значительное количество докладов было посвящено экологической повестке и перспективам реализации экологической платформы БРИКС+.

Так, д. э. н., профессор, советник Института ВЭБ В. И. Мунтиян полагает, что системный кризис человеческой цивилизации по многим сферам жизнедеятельности превысил уровень пороговых значений. Ситуацию усугубляет нарастание масштаба и темпов антропогенной нагрузки на биосферу Земли, что приводит, в свою очередь, к безвозвратным изменениям ее структуры, вещественного состава, физических полей, свойств выходных потоков и целого ряда других изменений, нарушивших динамическую устойчивость биосферы планеты в целом. Следовательно, проблема экологической безопасности является жизненно важной проблемой современного мира. Поэтому экологическое сотрудничество стран БРИКС+ сегодня приобретает особое значение. В этой связи было предложено разработать принципиально новую модель цивилизационного развития, на основе принципов и пропорциональных отношений нообиогеоценоза. Построение матрицы новой модели развития стран БРИКС+ должно соответствовать контурам безопасности и параметрам нормальности по векторам социально-институционального, экономического, экологического, духовно-нравственного и ноосферного измерений.

Д. г.-м. н., профессор Южно-Российского института управления РАНХиГС при Президенте РФ Кокин А. В., директор ООО «Алкон» А. А. Кокин и старший преподаватель Южно-Российского института управления РАНХиГС при Президенте РФ Л. Н. Тимейчук, обращаясь к экологической повестке, отметили, что саммит в Казани и конференции ЕС по изменению климата (Баку, 11–22 ноября 2024 г.) показали, что неоглобализм не учитывает национальные и стратегические интересы развивающихся стран, но строится на выгодных для Запада решениях глобальных проблем за счет остального мира. Поэтому ряд стран БРИКС+ (Бразилия, ЮАР, Индия, Китай) выступают против навязывания современной экологической политики. Поскольку в рамках мегапроекта «Экологическая платформа БРИКС+» предусматривается последовательное решение глобальных экологических и региональных проблем на основе совместных усилий входящих в объединение стран, то, по мнению докладчиков, необходим строгий естественно-научный анализ возникновения причин глобальных изменений, охватывающих геосферы Земли. При этом решение экологических проблем не должно ставить под угрозу национальные и стратегические интересы. Платформа должна быть нацелена не на борьбу с изменением климата (что, по мнению докладчиков, невозможно и нецелесообразно), а на адаптацию к нему. При этом следует отказаться от «глобального углеродного шовинизма» и ориентироваться на использование всех видов энергоресурсов, включая ВИЭ, не во вред экономике, ресурсной и экологической политике [Кокин 2024].

Концепция экологической платформы БРИКС+ была представлена к. ф. н., в. н. с. Университета мировых цивилизаций В. И. Герасимовым и к. ю. н., в. н. с. ИНИОН РАН С. И. Коданевой. Платформа должна представлять собой сетевую коммуникационно-деятельностную среду, содействующую интенсивному, скоординированному и результативному взаимодействию экспертного сообщества, органов государственной власти и управления, бизнес-структур, научно-исследовательских и профильных организаций системы образования, общественных, политических организаций и СМИ по ключевым проблемам экологического развития и сотрудничества стран БРИКС. Деятельность Платформы в значительной степени должна быть ориентирована на разработку и реализацию конкретных программ и проектов [Герасимов, Коданева 2024].

К. э. н., доцент, руководитель Центра международного научно-технического сотрудничества Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере И. Н. Васильева и аналитик Центра международного научно-технического сотрудничества Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере Р. С. Богатова подчеркнули, что при создании экологической платформы БРИКС+ необходимо изучить уже налаженные и функционирующие направления деятельности в области экологического сотрудничества. Поэтому они представили созданный ими каталог научных центров стран БВСА, который призван упростить поиск партнеров для реализации совместных проектов. Они отметили, что планируют создать подобный каталог по странам БРИКС+ и странам – партнерам объединения. Авторы рассмотрели вопросы взаимодействия в сфере экологии и окружающей среды между Россией и ОАЭ, Египтом, Саудовской Аравией, Турцией и Алжиром. В частности, были проанализированы соглашения о научной кооперации, заключенные между университетами России и стран Ближнего Востока и Средиземноморья, и предложено провести их инвентаризацию и актуализацию, для чего обратиться к сторонам соглашений с предложением обновить информацию об экологическом сотрудничестве и предоставить данные о совместных проектах для размещения на экологической платформе БРИКС+.

Д. ю. н., независимый эксперт Кожемяков А. С. и аспирант, председатель Совета молодых ученых Института экологии РУДН С. А. Кожемяков в рамках обсуждения перспектив реализации проекта экологической платформы БРИКС+ посвятили свой доклад контент-анализу Декларации Казанского саммита БРИКС+ (22–24 октября 2024 г.). Проведенный ими анализ показал, что специального раздела по экологии в Декларации нет, данная проблематика затронута в разделе «Экономика и финансы» (пункты 80–90). К этому следует добавить еще десять пунктов из других разделов, связанных с экологией. Основными темами в Декларации являются: энергетика, устойчивое развитие и климатическая повестка. Вероятная перспектива – создание «общей климатической коалиции». В этой связи докладчики обратили внимание на актуальность разработки «пилотных кризисных проектов», которые со временем по мере изменения климата и деградации окружающей среды из «потенциальных» могут перейти в разряд «неотложных задач первоочередной важности».

Д. э. н., доцент, профессор кафедры экономики природопользования, директор Центра исследования экономических проблем развития Арктики МГУ С. М. Никоноров и исследователи филиала МГУ в г. Ташкенте Е. П. Мелекова и Д. Н. Галиуллина посвятили свой доклад «зеленой повестке», в которой заинтересованы и страны БРИКС+ [Минаева 2024]. Каждая из этих стран разрабатывает собственные уникальные решения, основанные на своих ресурсах, экономических приоритетах и международных обязательствах [Никоноров и др. 2024]. Так, Китай лидирует в разработке возобновляемых источников энергии, но сталкивается с вызовами по снижению своей угольной зависимости; Индия делает ставку на солнечную энергетику, но нуждается в улучшении инфраструктуры; Россия балансирует между экспортом углеводородов и развивающимися зелеными технологиями [Nikonov 2023]; Бразилия и Южная Африка продолжают развивать свои возобновляемые секторы, но сталкиваются с социальными и экономическими вызовами. Их опыт показывает, что устойчивое развитие возможно только при условии ком-

плексного подхода к внедрению новых технологий, международного сотрудничества и осознания важности снижения углеродного следа.

К. т. н. ВНИИ ГОЧС (ФЦ) МЧС России С. Е. Байда полагает, что важным направлением сотрудничества стран БРИКС+ может стать создание сети мониторинга и прогнозирования опасных природных явлений. Докладчик представила разработки, свидетельствующие о том, что такие опасные явления, как землетрясения, цунами и т. п., провоцируются солнечной активностью и влиянием предыдущих землетрясений. Соответственно, признаком появления очага землетрясения является увеличение локальной напряженности электрического поля. Новые технологии позволяют обнаруживать такие признаки, однако для этого необходимо создание глобальной сети мониторинга.

В ряде выступлений были представлены различные аспекты сотрудничества в научно-технической и образовательной сфере.

И. В. Медынская, д. э. н., профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, в отношении международного сотрудничества научно-образовательных организаций стран ЕАЭС и других стран Большой Евразии признает необходимым:

1. Активно развивать сетевые международные образовательные программы между государствами – членами ЕАЭС, СНГ, а также Китаем, Индией, Ираном, Турцией и другими государствами Азии.

2. С учетом геополитических изменений развивать новые векторы и географию международного сотрудничества, проводить поиск новых партнеров из дружественных стран и установление с ними взаимовыгодных отношений.

3. Активно внедрять новые эффективные модели и форматы международного сотрудничества на основе лучших практик и поиска конкурентоспособных технологий.

4. Совместно с научными организациями разработать эффективные взаимовыгодные пути взаимодействия и коммуникации международных структур университетов и научных центров РФ, а также механизмы их кооперации для более перспективного международного позиционирования.

5. Шире использовать возможности имеющихся подготовительных факультетов российских университетов за рубежом для подготовки иностранных граждан к поступлению в российские вузы.

6. При формировании региональной стратегии международной деятельности, а также стратегии социально-экономического развития субъекта РФ активно использовать экспортные программы региональных образовательных и научных организаций.

Д. э. н., доцент, в. н. с. ИПУ РАН Я. С. Матковская отмечает, что в научной сфере ярко проявляются деглобализационные процессы, которые создали условия для формирования многополярного мира, но вместе с тем сделали менее достижимой возможность решения современных глобальных проблем. Докладчик оценила научно-технический потенциал стран БРИКС+, показав, что в целом он растет, однако каждая из них является лидером в одних областях, но нуждается в тех или иных технологиях или научно-технических знаниях, что и определяет значимость их научно-технического сотрудничества в рамках БРИКС+, хотя оно и не достигает необходимых масштабов, что обусловлено рядом проблем. Основными сложностями, препятствующими развитию НТС стран БРИКС+, являются информационные, коммуникационные, мотивационные, а также обусловленные тер-

риториальной отдаленностью некоторых стран БРИКС+ друг от друга. Для их преодоления необходимо построить «каркас» НТС стран БРИКС+. Одним из первых шагов может стать формирование условий для создания межкорпоративных инновационных экосистем трансграничного характера между компаниями стран БРИКС+, как это было предложено автором для российских компаний [Матковская 2023].

К. э. н., аналитик Регионального центра экономического развития Г. В. Иванов проанализировал формы международного сотрудничества в научно-инновационной сфере, вероятные предпосылки его развития, методологические подходы к механизмам международного сотрудничества, а также его формы и методы. На основе проведенного анализа докладчик сформулировал основные методологические подходы к развитию такого сотрудничества: 1) разработка и реализация национальных программ с ориентацией на формирование «экономики знаний» и «умной экономики»; 2) многовекторность взаимодействия с различными международными организациями; 3) активизация и расширение зон сотрудничества и сфер взаимодействия с эффективно функционирующими региональными экономическими интеграционными объединениями на основе принципа «интеграции интеграций».

К. э. н., в. н. с. Центрального экономико-математического института РАН А. А. Никонova также обратила внимание на неравномерность научного потенциала международного научно-технического сотрудничества (МНТС) между странами БРИКС+ и признала объективную необходимость во взаимно дополняющем обмене знаниями и технологиями. Но в то же время она обратила внимание присутствующих на возникающие угрозы для аутсайдеров в случае неэквивалентного обмена. Наличие подобных рисков требует выработки адекватных показателей измерения результативности НИОКР. Докладчик представила разработанные ею показатели на примере анализа МНТС России, который исторически намного слабее, чем у КНР или стран Запада, показав, что предложенный методологический подход позволяет дать научно обоснованный ответ на вопросы: с кем сотрудничать, в какой области знаний, по какому предмету и как выстроить модель МНТС, соответствующую, с одной стороны, национальной цели технологического суверенитета в ситуации санкций в сфере НИОКР и изолирования России; с другой стороны, мировому тренду открытой науки и углубления межграницных взаимодействий в НИОКР.

Д. в. н., профессор РАНХиГС при Президенте РФ Д. В. Гордиенко представил методику оценки эффективности реализации политики вмешательства во внутренние дела государства, которая позволит более эффективно вырабатывать соответствующие контрмеры, позволяющие снизить результативность вмешательства во внутренние дела стран членов БРИКС+ со стороны стран – членов НАТО с использованием информационно-коммуникационных технологий [Гордиенко 2024]. В соответствии с авторским подходом значения показателей реализации политики вмешательства во внутренние дела государства могут отражать уровни ограничений его независимости (суверенитета) и свободы, а также торможения нормального политического, экономического, социального и культурного развития. Разработанная методика позволит обеспечить выявление целенаправленности и интенсивности такого вмешательства со стороны агрессивных иностранных государств. В качестве примера использования представленной методики докладчик

представил анализ эффективности реализации политики вмешательства США во внутренние дела Китая в отношении Тайваня.

Заключение

На основе материалов этой конференции, посвященных современному состоянию и перспективам сотрудничества незападных стран на евразийском пространстве и в рамках БРИКС+, считаем возможным сделать некоторые обобщения:

1. В современном мире в результате приобретения субъектности многими незападными странами происходит качественное изменение основ глобальной экономики и формирование системы международных отношений, основанной не на конфронтации, а на сотрудничестве.

2. В условиях формирующегося нового миропорядка сотрудничество незападных стран является важнейшим фактором укрепления их политической независимости, экономической конкурентоспособности, успешности национально-культурного и социально-экономического развития.

3. Развитие взаимодействия и сотрудничества незападных стран имеет огромную геополитическую и геоэкономическую значимость. В складывающихся условиях настоятельно требуется формирование нового качества взаимодействия между незападными странами на основе скоординированного социально-экономического развития, эффективного экономического, инновационно-технологического, научного, гуманитарного и экологического сотрудничества.

4. Процессы сотрудничества незападных стран существенно различаются по своему содержанию и характеру, однако их общей чертой является обеспечение национальных интересов взаимодействующих стран, выражающееся прежде всего в формировании более предсказуемой и благоприятной внешней среды их существования.

5. Основными сферами сотрудничества незападных стран являются:

– глобальное и региональное взаимодействие по обеспечению безопасности и поддержанию мира;

– торгово-экономическое взаимодействие;

– сотрудничество в сфере науки и образования;

– сотрудничество в сфере валютно-финансовых отношений;

– сотрудничество в сфере энергетики;

– сотрудничество в сфере продовольственной безопасности;

– сотрудничество в сфере экологии и рационального природопользования;

– сотрудничество в сфере транспорта и логистики;

– сотрудничество в сфере высоких технологий;

– военно-техническое сотрудничество;

– сотрудничество в гуманитарной сфере.

6. Особое значение имеет сотрудничество незападных стран по решению глобальных экологических проблем, включая изменение климата, обезлесение, опустынивание, утрату биоразнообразия, острую нехватку ряда природных ресурсов и загрязнение окружающей среды.

7. Реализация потенциала взаимодействия и сотрудничества незападных стран может быть обеспечена на основе системного подхода и программно-целевого подхода. Программно-целевой подход к взаимодействию и сотрудничеству незападных стран предполагает:

- ориентацию на национальные интересы, находящие свое выражение в концепциях и стратегиях социально-экономического и научно-технического развития, национальных приоритетных проектах, национальных целевых программах, в содержании двусторонних и многосторонних соглашений и договоров;
- ориентацию на приоритеты экономического, инновационно-технологического, научного, гуманитарного и экологического сотрудничества;
- скоординированное использование имеющихся материальных, финансовых, интеллектуальных и информационных ресурсов для достижения экономически и социально значимых результатов во взаимодействии и сотрудничестве.

Литература

Андрианов В. Д. Мировая финансовая архитектура: возможные направления структурной трансформации // Общество и экономика. 2021. № 9. С. 4–21.

Герасимов В. И., Коданева С. И. О мегапроекте «Экологическая платформа БРИКС+» // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. М. А. Булавина, В. И. Герасимов. М. : УМЦ Москва, 2024. С. 448–455.

Гордиенко Д. В. Методика оценки эффективности реализации политики вмешательства во внутренние дела государства // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 2. № 8(147). С. 54–70.

Грачев Б. В. Эссенциальные характеристики Большой Евразии. Цивилизационный проект – идея, цели, идеология // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 1. С. 47–66.

Ковалев С. Г. Субъектная несубъектность БРИКС в мировом экономическом порядке // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. М. А. Булавина, В. И. Герасимов. М. : УМЦ Москва, 2024. М., 2024. С. 126–131.

Кокин А. В. Ассимиляционный потенциал природы и территорий: нетривиальные следствия управления устойчивым эколого-экономическим развитием // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. С. 158–168.

Матковская Я. С. Инновационные экосистемы: исследование корпоративных инновационных экосистем и перспективы формирования межкорпоративных экосистем в России // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2023. Т. 14. № 4. С. 352–367.

Минаева Л. В. Зеленая повестка: обратная сторона медали // Коммуникационное пространство Глобального Юга. М., 2024. С. 40–46.

Никоноров С. М., Палинкаш Л. В., Кошкина Н. Р., Никонорова С. Ю. Проблемы ускоренного экономического развития Китая // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. М. А. Булавина, В. И. Герасимов. М. : УМЦ Москва, 2024. С. 319–322.

Nikonorov S. Low-Carbon Development of Russia: Problems and Prospects // BRICS Journal of Economics. 2023. No. 4. Pp. 429–437.

Philosophical Aspects of Globalization: A Multidisciplinary Inquiry / ed. by A. N. Chumakov, A. DeBlasio, I. V. Ilyin. Leiden; Boston : Brill, 2022.

ПРОЕКТЫ И ПРОГНОЗЫ

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ РОССИИ И ЕАЭС В ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ НОВОЙ МИР-СИСТЕМЕ*

Глазьев С. Ю.**

Если структурные изменения мировой экономики, обусловленные сменой технологических и мирохозяйственных укладов, носят устойчивый характер и связанные с ними тенденции сохраняются до конца прогнозного периода, то перспективы развития государств – членов ЕАЭС в решающей степени зависят от проводимой ими политики.

Политика опережающего развития ЕАЭС ориентирована на полноценное включение государств-членов в ядро нового МХУ. Она основывается на стратегии опережающего развития на базе нового технологического уклада. Ее реализация позволит ЕАЭС стать локомотивом формирования Большого евразийского партнерства, которое может послужить фундаментом интегрального мирохозяйственного уклада. Выработка общей для цивилизаций Евразии системы ценностей на основе идеологии социально-консервативного синтеза и гуманистически-ноосферной этики позволит ЕАЭС занять лидирующие позиции в мировом социально-экономическом развитии.

Ключевые слова: ЕАЭС, Россия, Мир-Система, экономическая политика, сценарии развития, стратегическое планирование, опережающее развитие, Евразийские технологические платформы.

MANAGING THE DEVELOPMENT OF RUSSIA AND THE EAEU IN THE EMERGING NEW WORLD-SYSTEM

While the structural changes in the global economy, driven by the shifts in technological and global economic systems, are sustainable, and associated trends persist until the end of the forecast period, the development prospects of the EAEU member-states depend crucially on the policies they pursue.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Глазьев С. Ю. Управление развитием России и ЕАЭС в формирующейся новой Мир-Системе // Век глобализации. 2025. № 4. С. 173–187. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.15.

For citation: Glazyev S. Yu. Managing the Development of Russia and the EAEU in the Emerging New World System // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 173–187. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.15 (in Russian).

** Глазьев Сергей Юрьевич – д. э. н., профессор, академик РАН, г. н. с. Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ. E-mail: Glazyev@spa.msu.ru.

Sergey Yu. Glazyev – Dr. Econ., Professor, Academician of the RAS, Chief Research Fellow of the Centre for Stability and Risk Studies of the National Research University Higher School of Economics. E-mail: Glazyev@spa.msu.ru.

The EAEU's advanced development policy aims to fully integrate member-states into the core of the new global economic paradigm. It is based on a strategy of accelerated development based on a new technological paradigm. Its implementation will allow the EAEU to become a driving force in the formation of the Greater Eurasian partnership, which can become the foundation for an integrated global economic paradigm. The development of a common set of values for Eurasian civilizations based on the ideology of social-conservative synthesis and humanistic-noospheric ethics will enable the EAEU to take a leading position in global socio-economic development.

Keywords: EAEU, Russia, World-System, economic policy, development scenarios, strategic planning, advanced development, Eurasian technology platforms.

1. Сценарии развития

Если структурные изменения мировой экономики, обусловленные сменой технологических и мирохозяйственных укладов, носят устойчивый характер и связанные с ними тенденции сохранятся до конца прогнозного периода, то перспективы экономического развития государств – членов ЕАЭС в решающей степени зависят от проводимой ими экономической политики. В этой связи возможны два базовых сценария: инерционный, не предполагающий ее принципиальных изменений, и сценарий опережающего развития на основе нового технологического уклада за счет использования инструментов и создания институтов нового мирохозяйственного уклада.

1) Сценарий инерционного развития предполагает отсутствие изменений в макроэкономической политике государств-членов и в динамике интеграционных процессов, их продолжение в рамках существующей договорно-правовой базы ЕАЭС и системы принятых документов органов ЕАЭС. В том числе продолжается следование рекомендациям МВФ в макроэкономической политике, включая политику «таргетирования инфляции» центральными (национальными) банками со свободно плавающими обменными курсами национальных валют и изменениями ключевой ставки процента пропорционально инфляции.

Результатом продолжения проводимой в настоящее время макроэкономической политики станут характерные для нее во всех странах в течение полувека последствия:

- макроэкономическая нестабильность вследствие естественного втягивания экономики в стагфляционную ловушку посредством следующей цепочки зависимостей: повышение ключевой ставки в целях снижения инфляции – снижение кредитования инвестиций – технологическое отставание – деградация экономики и снижение ее конкурентоспособности – девальвация курса национальной валюты – всплеск инфляционной волны;
- высокая волатильность обменных курсов национальных валют, затрудняющая планирование инвестиционных проектов;
- низкая интенсивность механизмов кредитования инвестиций, сохранение нормы накопления в диапазоне 20–25 % ВВП;
- низкие темпы экономического роста, нарастающее отставание по уровню развития от передовых стран;

- стагнация и высокая дифференциация доходов населения, чрезмерное социальное неравенство;
- консервация экономического развития, дальнейшее снижение веса ЕАЭС в мировой и евразийской экономике;
- нарастающее технологическое отставание и закрепление технологической зависимости от передовых стран, преобладающий импорт овеществленных результатов зарубежных НИОКР по сравнению с насыщением внутреннего рынка собственными наукоемкими технологиями;
- низкий уровень производственной кооперации, ограничивающий глубину сотрудничества взаимной торговлей товарами и услугами;
- ориентация на торговые отношения с третьими странами при незначительной доле взаимной торговли;
- зависимость от иностранных инвестиций при низком объеме совместных инвестиций;
- неэквивалентный внешнеэкономический обмен вследствие преобладания сырьевых товаров в экспорте и товаров конечного спроса в импорте;
- масштабный вывоз капитала и утечка умов;
- отсутствие собственных долгосрочных источников кредита, доминирование краткосрочных операций спекулятивного характера на финансовом рынке;
- закрепление сырьевой специализации ЕАЭС на периферии мировой экономики.

При реализации сценария инерционного развития темпы экономического роста в ЕАЭС на горизонте до 2035 г. будут находиться в диапазоне 0,4–2,2 %. При этом в государствах-членах темпы прироста ВВП будут варьироваться от 1,1 % до 4,5 %. В силу демографических, природно-ресурсных и институциональных факторов сохранится тенденция опережающего развития Республики Армения, Республики Казахстан и Кыргызской Республики по отношению к Республике Беларусь и Российской Федерации. При этом на прогнозном горизонте в странах с высокими темпами роста динамика значений показателя будет превышать среднемировые темпы (3,0 %), в то время как в странах с низкими – будет ниже среднемировых. В целом за 2022–2035 гг. прирост ВВП ЕАЭС, по прогнозу, составит 25,2 % против среднемирового прироста ВВП на 65 %, в том числе в Китае в 2,4 раза, в Индии – в 2,7 раза.

Важной особенностью данного сценария является удержание государств – членов ЕАЭС в «сырьевой ловушке» уже по отношению к странам-лидерам нового мирохозяйственного уклада, в частности Китая и Индии. Сохранение такого положения дел будет означать продолжение неэквивалентного внешнеэкономического обмена государств – членов ЕАЭС с внешним миром, вымывание национального богатства и активов, углубление технологической и экономической зависимости от передовых стран.

2) Сценарий опережающего развития предполагает ускоренную экономическую модернизацию экономики на основе форсированного становления базисных производств нового технологического уклада, а также перестройку системы управления экономическим развитием на основе использования институтов, механизмов и инструментов экономического развития нового мирохозяйственного

уклада. Для его осуществления необходимо создание системы стратегического управления долгосрочным развитием экономики государств-членов и ЕАЭС в целом.

Реализация этого сценария позволяет рассчитывать на вхождение государств – членов ЕАЭС в ядро нового мирохозяйственного уклада на длинной волне опережающего экономического роста на основе нового технологического уклада. Это, в свою очередь, создает условия для ускорения формирования нового МХУ путем расширения и углубления евразийской интеграции – реального сопряжения ЕАЭС и «Один пояс – один путь», создания широкой сети преференциального торгово-экономического сотрудничества в Евразии, реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов с интеграционной составляющей, развития международной научно-производственной кооперации. Все это создает основу для становления Большого евразийского партнерства. Важной составляющей этого сценария является переход к новой валютно-финансовой системе с введением новой мировой расчетной валюты, инициатором которого мог бы стать ЕАЭС.

2. Создание системы стратегического управления развитием экономики государств – членов ЕАЭС

Для реализации целевого сценария необходимо устранение узких мест и решение проблем, затрудняющих экономический рост государств ЕАЭС, к числу которых следует отнести: технологическое отставание и зависимость экономики государств ЕАЭС от импорта результатов НИОКР и иностранной технологической базы; старение населения и сокращение его численности в России и Белоруссии; недоступность долгосрочного кредита для большинства отраслей реального сектора экономики, низкий уровень инновационной и инвестиционной активности. Для этого необходимо приведение системы управления развитием экономики в соответствие с производственными отношениями, институтами и механизмами воспроизводства нового мирохозяйственного уклада и ее настройка на реализацию стратегии опережающего развития на основе нового технологического уклада. При этом следует опираться на использование лучшего отечественного и международного опыта стран, демонстрирующих опережающее экономическое развитие в процессе перехода к новым технологическому и мирохозяйственному укладам. Внедрение механизмов и институтов развития нового мирохозяйственного уклада нужно начинать с создания системы стратегического планирования, подчинения государственного регулирования экономики задачам повышения инвестиционной активности, ориентации частно-государственного партнерства на форсированное создание и расширение производств нового технологического уклада, инвестиции в освоение и распространение его базовых технологий.

2.1. Стратегическое планирование

Стратегическое планирование является стержнем современной системы управления развитием экономики. Стратегическое планирование развития экономики государств-членов и ЕАЭС в целом должно включать: долгосрочное прогнозирование научно-технического и социально-экономического развития; выбор приоритетных направлений наращивания научно-технического потенциала и развития экономики на основе нового технологического уклада, исходя из имеющихся конкурентных преимуществ и ресурсных возможностей государств-членов; опреде-

ление инструментов и механизмов их реализации на основе программно-целевых методов управления; организацию контроля и создание механизмов ответственности за достижение запланированных результатов. Банки, корпорации, институты развития, научные и проектные институты государственного сектора должны принимать обязательное участие в разработке и реализации документов стратегического планирования и отвечать за достижение установленных им целевых показателей. Негосударственные предприятия и организации могут участвовать в разработке и реализации документов стратегического планирования на началах государственно-частного партнерства на основе многосторонних инвестиционных соглашений с уполномоченными государственными и муниципальными органами управления, банками и институтами развития по организации совместной деятельности с целью достижения целевых показателей документов стратегического планирования. Эти планы, программы и проекты должны обеспечивать связывание имеющихся ресурсов для достижения запланированных показателей. Стратегические планы должны предусматривать создание благоприятных для их реализации макроэкономических условий и применение необходимых для достижения установленных целей мер национального и наднационального регулирования.

Эффективность системы стратегического планирования критически зависит от достоверности применяемых методов технологического прогнозирования. Ее исходным элементом является стратегическое планирование научно-технического развития, задающее пространство перспективных направлений развития экономики и предопределяющее определение приоритетов долгосрочной инвестиционной политики.

2.2. Система технологического прогнозирования

Ключевая функция государства с превращением НТП в ведущий фактор экономического роста – организация долгосрочного прогнозирования и проектирования научно-технического и экономического развития. Государство, таким образом, в условиях быстрых технологических изменений помогает субъектам хозяйствования сориентироваться во всем спектре технологических траекторий и правильно инвестировать. Определяя перспективные направления экономического роста и заблаговременно создавая необходимые для их реализации заделы научно-исследовательских разработок, объекты инфраструктуры и образовательный потенциал, государство поднимает конкурентоспособность национальной экономики, наращивая сравнительные преимущества на прорывных направлениях технико-экономического развития.

2.3. Интеграция и повышение научно-технического потенциала государств ЕАЭС

С учетом нарастающего технологического отставания государств ЕАЭС от передового мирового уровня необходимо существенное увеличение объема инвестиций со стороны правительств и предприятий в НИОКР. Целевой показатель на конец прогнозного периода не может быть ниже максимального среди передовых стран в настоящий момент, составляющего 5 % ВВП. В качестве промежуточного возможно определение уровня расходов на НИОКР на уровне стран ОЭСР – 2,56 % ВВП. Увеличение финансирования целесообразно концентрировать на перспек-

тивных направлениях, в которых организации стран ЕАЭС имеют конкурентные преимущества.

Для развития научно-технического потенциала, повышения эффективности НИОКР, стимулирования инновационной активности требуется освобождение от налогообложения всех расходов на НИОКР, а также предоставление льготных кредитов для предприятий государств ЕАЭС, осуществляющих инновационные проекты, включая совместные.

2.4. Интенсификация использования евразийских технологических платформ

Интенсификация использования евразийских технологических платформ в целях совместной разработки и коммерциализации перспективных технологий, организации кооперации по производству высокотехнологичной и конкурентоспособной продукции.

Целевые программы и инвестиционные проекты ЕАЭС должны стать основной формой реализации общих приоритетов долгосрочного технико-экономического развития. Они должны соответствовать следующим критериям:

- передовой научно-технический уровень разрабатываемых технологий и создаваемых производств относительно мировых образцов;
- значительный потенциал расширения конкурентоспособного на мировом рынке производства высокотехнологических товаров и услуг;
- высокий интеграционный эффект при реализации проекта в масштабах ЕАЭС.

3. Создание благоприятных макроэкономических условий для опережающего развития государств – членов ЕАЭС

Сценарий опережающего развития экономики государств-членов и ЕАЭС в целом реализуем на основе повышения научно-технологического и производственного потенциала, расширения емкости внутреннего рынка, улучшения макроэкономической среды для продуктивной кооперации и реализации значимых евразийских инвестиционных проектов. Для его осуществления необходима переориентация макроэкономической политики на цели развития в соответствии с принципами нового МХУ, основные направления которого излагаются ниже.

Создание современной системы стратегического управления развитием экономики включает постановку и реализацию согласованных между собой целей всех составляющих макроэкономической политики. Ее главной целью должно стать создание благоприятных условий для роста инвестиций в развитие производства на основе нового технологического уклада, повышение эффективности и объемов производства товаров и услуг для поступательного роста общественного благосостояния. Все ее составляющие, включая денежно-кредитную, налогово-бюджетную, внешнеэкономическую политику, должны быть подчинены достижению этой цели и включены в систему управления развитием экономики.

3.1. Денежно-кредитная политика

Денежно-кредитная политика государств – членов ЕАЭС должна ориентироваться на создание благоприятных условий для наращивания кредитования инвестиций в реальный сектор экономики, в том числе реализуемых в рамках сов-

местных целевых программ и инвестиционных проектов, имеющих интеграционный потенциал и предусматривающих расширение международной научно-производственной кооперации.

Требуется увязка монетарной политики с задачами кредитования модернизации и роста экономики, для этого нужно удвоить инвестиции. Для этого – расширение внутренних каналов монетизации, в том числе расширение рефинансирования банков под обязательства предприятий и уполномоченных органов государственного управления. Целевое долгосрочное кредитование реального сектора должно вестись под целевые программы, задающие направления роста и модернизации производства. Каналы такого кредитования должны выстраиваться через контролируемые государством банки под индикативные планы роста инвестиций и производства. В том числе в целях замещения импорта, развития инфраструктуры, расширения экспорта. В основе целевого кредитования – многосторонние инвестиционные соглашения, заключаемые в рамках государственно-частного партнерства для реализации документов стратегического планирования. Целевое использование кредита позволяет с гарантией удерживать процентные ставки по предоставляемым кредитам для конечных заемщиков не выше 2 %.

Очевидна необходимость создания государствами – членами ЕАЭС своей системы оценки кредитных рисков на основе собственной методологии, используемой национальными и межгосударственными рейтинговыми агентствами.

В целях прекращения утечки капитала и защиты национальных сбережений от санкций недружественных стран целесообразно введение норм валютного регулирования, ограничивающих трансграничные операции с капиталом в валюте третьих стран инвестициями в создание объектов внешнеторговой инфраструктуры, добычу и производство необходимого для отечественной промышленности сырья, импорт передовых технологий и другие связанные с повышением конкурентоспособности национальной экономики направления. При этом в целях сокращения издержек во взаимной торговле целесообразно отменить валютный контроль за текущими трансграничными операциями, совершаемыми в национальных валютах между государствами-членами. Этому должно предшествовать сближение систем валютного регулирования в государствах – членах ЕАЭС, в том числе в части ограничений на операции с капиталом.

Чрезвычайно важным для наращивания инвестиционной активности, обеспечения макроэкономической устойчивости и контроля над инфляцией является стабилизация обменных курсов национальных валют. Целесообразно введение в договорно-правовую базу ЕАЭС обязательства для центральных банков по поддержанию взаимных котировок обменных курсов национальных валют в определенных рамках, необходимых для поддержания стабильных условий взаимной торговли и совместных инвестиций. Для балансировки взаимной торговли целесообразен обмен валютно-кредитными свопами между центральными банками государств ЕАЭС. Важную роль в обеспечении стабильности обменных курсов национальных валют может сыграть введение единых нормативов обязательной продажи валютной выручки экспортерами. Введение единого налога на операции по покупке валюты третьих стран в целях предотвращения спекулятивных атак

против национальных валют государств ЕАЭС также стабилизирует финансовый рынок.

Наряду с указанными выше мерами по стабилизации финансового рынка ЕАЭС во избежание необоснованного роста цен на товары отечественного производства следует признать индексацию цен по обменному курсу национальной валюты недобросовестной торговой практикой, подлежащей антимонопольному регулированию.

3.2. Создание собственной платежно-расчетной инфраструктуры

В целях обеспечения экономической безопасности ЕАЭС наряду с переходом на национальные валюты во взаимной торговле необходимо организовать систему клиринга расчетов в национальных валютах. При этом следует перейти к прямой котировке курсов обмена валют, интегрировав валютные биржи. Для обеспечения долгосрочной стабильности и финансовой устойчивости государства ЕАЭС вместе с заинтересованными партнерами могли бы создать платежный союз с использованием специально учрежденного для этих целей Межгосбанка СНГ.

Перспективным представляется использование цифровых валютных инструментов, прежде всего – национальных цифровых валют с технологией контроля за их обращением посредством системы распределенного реестра (блокчейн). В условиях санкций технология блокчейн имеет особое преимущество в применении к международным расчетам, позволяя обмениваться финансовой информацией и осуществлять переводы, минуя уязвимые для санкций банки. При этом исчезает необходимость в малоэффективных и коррупциогенных административных методах валютного контроля. Применение цифровых технологий облегчит перевод внешнеторговых операций на национальные валюты государств ЕАЭС и дедолларизацию экономики. Возможно также создание распределенной цифровой валютной биржи для обмена и курсообразования национальных валют в цифровом формате.

Для государств ЕАЭС важно активно участвовать в формировании основ и механизмов новой мировой валютно-финансовой системы в активном взаимодействии со странами БРИКС и ШОС. В том числе по вопросу создания новой международной расчетной валюты, которая может быть образована в цифровой форме на основе корзин национальных валют стран-участниц и биржевых товаров, по которым у стран-участниц есть существенная доля в мировых запасах и производстве.

3.3. Налогово-бюджетная политика

Налогово-бюджетная политика должна быть сориентирована на цели экономического развития, что предполагает снижение налоговой нагрузки на все виды инновационной и высокотехнологической деятельности, а также приоритетное выделение бюджетных ассигнований на поддержку критически значимых для становления нового технологического уклада государственных расходов. Прежде всего – расходов на науку, образование и здравоохранение, объем которых необходимо в перспективе довести до уровня передовых стран, в которых расходы государственного бюджета на функции социально-экономического развития (на образование, здравоохранение, науку, инвестиции) втрое превышают расходы на традиционные функции (бюрократия и силовые структуры). Государствам ЕАЭС целесообразно установить следующие ориентиры по расходам на цели развития:

5 % ВВП – на НИОКР, 15 % – образование, 20 % – здравоохранение, половина из которых должна приходиться на государственное финансирование указанных сфер).

Поскольку природная рента и труд имеют наибольший вес в структуре генерирования национального дохода государств ЕАЭС, целесообразно изменение налоговой системы в направлениях: изъятия природной ренты в доход государственного бюджета, экспортных пошлин на вывоз сырьевых товаров, платы за использование гидроэнергетических ресурсов; снижения налогов на труд, включая социальный налог и НДС; восстановления прогрессивной шкалы подоходного налога с увеличением необлагаемого дохода до двукратной величины прожиточного минимума; включения всех расходов на НИОКР в себестоимость продукции; введения экологических налогов и платежей за загрязнение окружающей среды.

3.4. Показатели финансовой устойчивости

Показатели финансовой устойчивости государств ЕАЭС должны быть дополнены с учетом адекватного отражения основных факторов, влияющих на макроэкономическую стабильность. В рамках целевого сценария она обеспечивается за счет повышения объемов и эффективности производства конкурентоспособных товаров и услуг благодаря выводу экономики на траекторию опережающего роста на основе нового технологического уклада.

3.5. Повышение эффективности антимонопольной политики

Следует добиться повышения эффективности антимонопольной политики, которая должна быть ориентирована на стимулирование добросовестной конкуренции на общем рынке ЕАЭС и противодействие недобросовестной конкуренции, в том числе со стороны иностранных компаний и их партнеров в государствах ЕАЭС. Необходимо расширение компетенции Комиссии в части контроля за экономической концентрацией на общем рынке ЕАЭС и соблюдением общих правил конкуренции, в том числе путем наделения Комиссии полномочиями по пресечению их нарушений на трансграничных рынках хозяйствующими субъектами третьих стран.

В сфере **государственной поддержки** программ и проектов целесообразно введение в право Союза нормы, предоставляющей национальный режим предпринятиям всех государств – членов ЕАЭС в доступе к вводимым в любом государстве-члене льготам и преференциям, влияющим на обращение товаров, услуг, капитала и рабочей силы либо имеющим целью получение экономического эффекта применительно к объему выпуска и/или ценовой конкурентоспособности соответствующей продукции (предприятия должны соответствовать критериям господдержки, если таковые установлены регулятором). Национальный режим в данной сфере необходим, исходя из влияния государственной поддержки на интеграцию: субсидии и преференции должны не создавать односторонние конкурентные преимущества, а способствовать увеличению связанности экономик государств-членов, в том числе стимулируя кооперацию.

3.6. Проведение единой торговой политики

Проведение единой торговой политики предполагает устранение остающихся изъятий из Единого таможенного тарифа (ЕТТ), чем будет обеспечено фактическое применение государствами-членами единого внешнеторгового режима в соответствии с нормами Договора о ЕАЭС. Также последовательно должно быть

прекращено применение индивидуальных таможенных льгот в отношении как субъектов хозяйствования, так и зон (территорий) с особым статусом.

Не менее значимым приоритетом является гармонизация вывозных таможенных пошлин государств – членов ЕАЭС с последующим введением единого экспортного тарифа (ЕЭТ) Союза на вывоз углеводородов, металлов, зерна, круглого леса и других сырьевых товаров низкой степени переработки. Установление ставок ЕЭТ должно вестись по единой методологии, исходя из разницы мировой цены вывозимого товара и произведения его себестоимости на среднюю рентабельность продукции промышленности. Расчет экспортного тарифа на вывоз углеводородов может вестись на основе их энергетического эквивалента в тоннах условного топлива; на металлы и химическое сырье – на основе их энергоемкости в том же эквиваленте или углеродного следа. Важнейшая функция ЕЭТ – обеспечить формирование внутрисоюзных цен на ключевые сырьевые товары без влияния зарубежных спекулянтов и монополистов на основе соотношения внутреннего спроса и предложения с целью формирования благоприятных для расширенного воспроизводства и опережающего развития экономики ценовых пропорций, с учетом необходимости диверсификации экспорта и повышения доли отраслей обрабатывающей промышленности с высокой добавленной стоимостью. Введение единого экспортного тарифа будет способствовать конвергенции экономик государств – членов ЕАЭС, сократит сокрытие оставляемой за рубежом части и вывоз капитала. При этом нулевой экспортный тариф и возврат НДС следует гарантировать в отношении продукции высокотехнологических и кооперационных производств, отказавшись от возврата НДС по сырью и продукции низкотехнологических переделов.

3.7. Повышение связанности экономик государств – членов ЕАЭС

Приоритетным направлением развития ЕАЭС представляется расширение научно-технической и производственно-технологической кооперации, которая является основой для последовательного наращивания объемов взаимной торговли и совместных инвестиций, поступательного социально-экономического развития ЕАЭС. Повышению связанности экономик государств ЕАЭС будет содействовать также реализация совместных проектов развития инфраструктуры, повышающих транспортную доступность и способствующих выстраиванию логистических сетей.

Для организации производственной и научно-технической кооперации, реализации совместных инвестиционных проектов, объединения деятельности экономических субъектов государств ЕАЭС целесообразно использовать форму консорциумов.

В целом поддержание необходимого для опережающего развития ЕАЭС уровня инвестиционной и инновационной активности требует организации общих воспроизводственных контуров финансирования инвестиционных проектов, включающих: предоставление центральными банками долгосрочного и дешевого кредита посредством специальных инструментов рефинансирования; предоставление государственными ведомствами доступа к энергетике и инфраструктуре предприятиям всех государств ЕАЭС; государственное стимулирование проведения необходимых НИОКР, образования и подготовки кадров путем предоставления предпринимателям налоговых льгот и заказов под внедрение инноваций и осуществление инвестиций в новые технологии. Частно-государственное партнерство при

этом подчиняется общественным интересам развития экономики, повышения народного благосостояния, улучшения качества жизни.

4. Развитие человеческого потенциала и повышение благосостояния населения

Повышение благосостояния населения государств ЕАЭС и развитие их человеческого потенциала является главной целью политики опережающего развития Союза. В зависимости от результатов ее реализации будет формироваться общественное мнение об эффективности евразийской интеграции. Следование этой цели должно сопровождать формирование общего рынка труда и способствовать гармонизации процессов социально-экономического развития государств ЕАЭС.

Показатели ожидаемой продолжительности здоровой жизни, экологическое благополучие (состояние и сохранение разнообразия окружающей среды), уровень развития образования, науки и культуры, биологическая и информационная безопасность, уровень неравенства в собственности и доходах являются параметрами «образа будущего», соответствующего стратегической цели развития экономики. Наряду с показателями роста экономической и инвестиционной активности они должны войти в систему целевых индикаторов реализации политики опережающего развития.

4.1. Развитие образования, науки и здравоохранения

Развитие образования, науки и здравоохранения является неотъемлемой составной частью реализации целевого сценария опережающего экономического развития государств ЕАЭС. Он предусматривает существенное увеличение финансирования сферы образования и науки в государствах – членах ЕАЭС до уровня передовых стран. Процессы старения населения будут сопровождаться ростом расходов на здравоохранение. В совокупности расходы на воспроизводство человеческого и интеллектуального потенциала по мере роста нового технологического уклада будут увеличиваться до половины используемого ВВП (до 20 % – на здравоохранение; до 15 % – на образование; до 5 % – на науку, до 4 % – на культуру, до 6 % – на развитие социальных сетей, развлечений, туризма). При этом около половины расходов на науку и здравоохранение и до 80 % расходов на образование, исходя из оптимизации источников финансирования этих сфер по критерию максимизации роста интеллектуального потенциала, должно брать на себя государство.

4.2. Развитие медицины

Развитие медицины является одним из важнейших направлений социально-экономического развития государств ЕАЭС. Необходимо развивать общий потенциал медицинской науки с учетом особенностей национальных норм регулирования. Целесообразно создание общего инновационного пространства исследовательской деятельности и клинических испытаний новых препаратов и методов лечения.

Целесообразна также совместная разработка и внедрение передовой медицинской техники, позволяющей на более качественном уровне проводить диагностику, контроль и лечение заболеваний. С учетом существенных различий в уровне медицинского обслуживания в различных регионах государств ЕАЭС перспективным является развитие телемедицины и удаленного контроля за здоровьем

пациента. Необходимо широкое внедрение технологий дистанционного отслеживания состояния здоровья человека в режиме реального времени, которые позволяют удаленно контролировать течение заболевания и анализировать поступающие данные, использовать искусственный интеллект и «большие данные» для дистанционной диагностики, постановки диагноза и индивидуальной схемы лечения. Необходимо устранение правовых барьеров, мешающих трансграничному оказанию этих медицинских услуг.

4.3. Совместное развитие высшего и среднего специального образования

Совместное развитие высшего и среднего специального образования для подготовки высококвалифицированных специалистов является важной составляющей реализации сценария опережающего экономического развития. Формирование общего образовательного пространства ЕАЭС в сфере профессионального образования является важной стратегической задачей, которая вытекает из логики интеграционных процессов и направлена на формирование единого рынка труда Союза. Необходима организация профессиональной подготовки кадров по востребованным на рынке труда ЕАЭС специальностям, что требует внедрения в ЕАЭС образовательных онлайн-программ с их последующим размещением на популярных образовательных платформах. Это возможно реализовать посредством разветвления сетевых форм научно-образовательного сотрудничества в ЕАЭС.

Эффективным инструментом наращивания такого сотрудничества является создаваемый консорциум заинтересованных вузов государств – членов Союза – Евразийский сетевой университет (ЕСУ). Отличительными особенностями ЕСУ является его многопрофильность и нацеленность на подготовку кадров для единого рынка трудовых ресурсов ЕАЭС с учетом права ЕАЭС.

5. Создание механизмов финансирования совместных программ и инвестиционных проектов в ЕАЭС

Сценарий опережающего экономического развития не может быть реализован без определения источников, масштабов и механизмов финансирования совместных программ и проектов государств-членов, разрабатываемых и реализуемых в рамках охарактеризованных выше основных направлений экономического развития. Общий объем этого финансирования, только исходя из масштаба поставленных задач и потребностей в ресурсах для полноценной реализации Стратегических направлений евразийской экономической интеграции до 2025 г., оценивается в 1,5 трлн руб. ежегодно (около 1 % ВВП ЕАЭС). В том числе финансируемая за счет государств-членов часть расходов по этим направлениям, исходя из имеющихся проектов, должна составлять не менее 150 млрд руб. ежегодно. Всего же общий размер капитала и привлеченных средств, необходимых для формируемой евразийской системы поддержки развития и интеграции оценивается в 30–40 % от общего объема прироста инвестиций в государствах ЕАЭС или в 3–5 % ВВП Союза (5–8 трлн руб. в год). Чтобы выйти на эти объемы прироста инвестиций по совместным программам и проектам, необходимо как многократное увеличение возможностей собственных институтов развития, так и активизация сотрудничества с другими международными институтами развития (НБР, АБИИ и др.), размер которых сегодня на порядок больше институтов развития в регионе ЕАЭС. При этом, согласно международному опыту, необходимо формирование «полной линейки» таких институтов, включая (кроме ЕАБР и ЕФСР) элементы

полной финансовой инфраструктуры поддержки развития экономики: научные фонды, венчурные фонды и фонды прямых инвестиций, экспортные агентства, лизинговые и страховые компании.

5.1. Управление совместными программами и инвестиционными проектами

Для управления совместными программами и инвестиционными проектами ЕАЭС необходимо соответствующее расширение полномочий ЕЭК.

Инвестиции государств ЕАЭС в создание новых институтов развития ЕАЭС могут быть ограничены минимально необходимыми размерами уставных капиталов данных организаций с дальнейшим привлечением к их работе национальных институтов развития (по направлениям) и принятием центральными (национальными) банками государств – членов ЕАЭС обязательств (портфелей) евразийских институтов развития к рефинансированию на постоянной льготной основе.

Для придания устойчивости формируемой Евразийской системы поддержки развития и интеграции предлагается последовательное развертывание собственных источников бюджета Союза, включая часть ввозных (в том числе антидемпинговых) и часть экспортных пошлин, что потребует принятия решений на национальном уровне и изменений в Договор о ЕАЭС.

5.2. Источники доходов бюджета ЕАЭС

Источниками доходов бюджета ЕАЭС, наряду с практикуемыми сегодня взносами государств-членов, а также уже намеченными отчислениями от взимаемых в ЕАЭС антидемпинговых пошлин, могут быть: ввозные таможенные пошлины; платежи за загрязнение окружающей среды; экспортные пошлины на вывоз сырьевых товаров с таможенной территории ЕАЭС. Использование ввозных таможенных пошлин потребует внесения изменений в действующий механизм их распределения и повлечет снижение бюджетных доходов государств – членов ЕАЭС. Платежи за загрязнение окружающей среды имеют целевое назначение и должны направляться в систему экологических фондов.

С точки зрения удобства администрирования и целей экономического развития ЕАЭС наиболее подходящим источником финансирования бюджета развития ЕАЭС являются экспортные пошлины.

5.3. Создание механизмов целевого кредитования

Необходимо создание механизмов целевого кредитования совместных инвестиционных проектов и развития производственной кооперации банками и институтами развития. Возможности неинфляционной ремонетизации экономики (кредитов предприятиям, реализующим проекты со значительным интеграционным эффектом), по оценкам, составляют до 10 трлн руб. в год. Займы должны оформляться по аналогии с реализуемыми в России специнвестконтрактами – многосторонними инвестиционными соглашениями, предусматривающими целевое использование кредитов.

В совокупности общий объем указанных источников финансирования может составить до 10 % ВВП ЕАЭС (12–15 трлн руб. в год), из которого 4 % ВВП могли бы составить ассигнования бюджета ЕАЭС за счет экспортных пошлин; 1 % ВВП – инвестиции и расходы экологических фондов; 5 % ВВП – рефинансирование уполномоченных коммерческих банков и институтов развития со стороны центральных банков.

6. Формирование системы ценностей евразийской экономической интеграции

Любое объединение предполагает наличие общих ценностей его участников, на основе которых строится его деятельность. Дальнейшее развитие евразийской интеграции предусматривает укрепление взаимного доверия сторон. Оно возможно только на фундаменте общих нравственных ценностей. Без их представления дружественным странам трудно надеяться на их полноценное партнерство и вхождение государств ЕАЭС в ядро нового МХУ.

И мировой экономический кризис, и технологическая революция, и экономические чудеса в Китае, Индии и странах Индокитая не находят объяснения в рамках идеологии рыночного фундаментализма, которой продолжают руководствоваться МВФ, Мировой банк и многие другие международные организации, включая региональные интеграционные структуры.

Для реализации стратегии опережающего развития на основе нового технологического уклада необходимо опираться на современную научную парадигму, изучающую процессы развития экономики во всей их сложности, неравновесности, нелинейности и неопределенности^{***}. Ее научной основой является системный подход к достижению гармонии интересов на базе роста общественного благосостояния и теория устойчивого развития. На этом строится управление развитием экономики в государствах ядра нового МХУ, обеспечивая гармонизацию интересов различных социальных групп на основе критерия максимизации темпов экономического роста. Общим знаменателем этой гармонизации является сочетание принципов социальной справедливости и экономической эффективности, закрепленных в правовых нормах, определяющих ответственность всех ветвей власти и бизнеса перед обществом. Конкретная конфигурация прав и обязанностей регуляторов и участников хозяйственной деятельности зависит от национальной культуры и традиции страны. Соответственно, меняется и идеология международного сотрудничества – модель либеральной глобализации в интересах частного капитала ведущих стран мира сменяется парадигмой устойчивого развития в интересах всего человечества.

Идеологическим фундаментом нового мирохозяйственного уклада является концепция социально-консервативного синтеза, объединяющая систему ценностей мировых религий с достижениями социального государства и научной парадигмой устойчивого развития. Обосновываемое ею сочетание идей социальной справедливости, национальных интересов и прав частного предпринимательства при примате общественных интересов показывает свою эффективность в опережающем развитии стран ядра нового МХУ.

Сопоставление систем традиционных ценностей государств ЕАЭС и стран ядра нового МХУ показывает их комплементарность. Воплощением идеологии социально-консервативного синтеза может стать реализация изложенных выше основных направлений экономического развития ЕАЭС. В его практической деятельности реализуются принципы международного партнерства и сотрудничества

^{***} Эволюционная теория экономических изменений / под ред. Р. Р. Нельсона, С. Дж. Уинтера. М. : Дело, 2002; Глазьев С. О новой парадигме в экономической науке // Экономическая наука современной России. 2016. № 3. С. 7–17; № 4. С. 10–22.

на основе общих экономических интересов, комплементарных нравственных ценностей и сочетания духовных традиций.

Государства ЕАЭС могли бы выступить с инициативой формирования евразийской системы ценностей, сочетающей традиционные ценности народов государств ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, стран Персидского залива. Тем самым был бы заложен идеологический фундамент создания БЕП, согласующийся с инициативой руководства КНР по формированию сообщества единой судьбы человечества.

В интересах устойчивого развития человечества, а также для формирования новой эффективной мировой валютно-финансовой системы, исключающей спекуляции и присвоение «избранными» глобального эмиссионного дохода, предлагается ввести общеевразийский налог на валютнообменные операции в размере 0,001 от объема совершаемых транзакций. Он взимался бы в строгом соответствии с национальными законодательствами государств – участников БЕП и перечислялся на организацию сотрудничества в рамках партнерства. В рамках замещения технологических укладов важно было бы использовать поступления от налога на создание международной образовательной сети из ведущих университетов Евразии для обучения и переквалификации граждан развивающихся и слаборазвитых стран. Такой подход насытил бы повестку сотрудничества в рамках БЕП гуманитарным измерением, позволил бы деятельно актуализировать общее культурно-историческое и духовное наследие народов Евразии, содействовал бы разработке идейно-мировоззренческой платформы перспективного сотрудничества.

Переход от глобального кризиса к новому МХУ предполагает становление интегрального социокультурного строя, основанного на сочетании НТП и традиционных нравственных ценностей, формирование гуманистически-ноосферной этики, включающей следующие составляющие.

- Возрождение гуманизма, которое включает: создание условий для достойной жизни и всестороннего развития, признание прав и ответственности каждой личности; исключение насилия и милитаризма; альтруизм как основу взаимоотношений в обществе.
- Демократия и справедливость, в том числе: недопущение дискриминации в любой сфере, поляризации и неравенства в экономических, социальных и политических отношениях; принцип равенства всех граждан; помощь отстающим странам в выравнивании уровня развития на основе использования передовых технологий.
- Нравственность, социальная и экологическая ответственность бизнеса.
- Моральные устои семьи как первичной и основной ячейки общества, поддерживаемой общественной моралью и государством.
- Экологический императив, рациональное потребление, коэволюция человека и природы.

Реализация политики опережающего развития ЕАЭС ориентирована на полноценное включение государств-членов в ядро нового МХУ. Она основывается на стратегии опережающего развития на основе нового технологического уклада. Ее воплощение позволит ЕАЭС стать локомотивом формирования Большого евразийского партнерства, которое может послужить фундаментом интегрального мирохозяйственного уклада. Выработка общей для цивилизаций Евразии системы ценностей на основе идеологии социально-консервативного синтеза и гуманистически-ноосферной этики позволит ЕАЭС занять лидирующие позиции в мировом социально-экономическом развитии.

ВЫЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В БУДУЩЕМ В АФРИКАНСКИХ СТРАНАХ И ОТЛИЧИЕ ЭТОГО РАЗВИТИЯ ОТ БУДУЩЕГО КАПИТАЛИЗМА В СТРАНАХ ЗАПАДА*

Гринин Л. Е., Коротаев А. В.**

Хотя в связи с СВО происходит разделение мира на зоны, увеличились противоречия между развитыми и развивающимися странами, а глобализация откатывается назад, тем не менее общие цели, которые стояли как приоритетные перед большинством стран Мир-Системы еще недавно, никуда не делись. В худшем случае их реализация задержится на некоторое время. И их совместное решение объективно абсолютно необходимо. Поэтому проблема исследования стратегий и их достижения остается актуальной по-прежнему. В то же время страны из группы Глобального Севера и из группы Глобального Юга, особенно среди последних африканские, очень сильно отличаются. Во-первых, капитализм, условно говоря, уже давно перерел, а во-вторых, во многих случаях еще не развился до нормального уровня. Поэтому необходимо учитывать особенности страновых, региональных и глобальных, мир-системных условий, уровней, задач, чтобы найти оптимальные способы внедрения глобальных целей на национальном уровне. В настоящей

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Для цитирования: Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Выявление особенностей развития капитализма в будущем в африканских странах и отличие этого развития от будущего капитализма в странах Запада // Век глобализации. 2025. № 4. С. 188–202. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.16.

For citation: Grinin L. E. Korotayev A. V. Identifying the Characteristics of Capitalism Development in African Countries in the Future and the Difference between this Development and the Future of Capitalism in Western Countries // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 188–202. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.16 (in Russian).

** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., г. н. с. НИУ ВШЭ, в. н. с. Института востоковедения РАН, руководитель Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования. E-mail: lgrinin@mail.ru.

Leonid E. Grinin – Doctor in Philosophy, chief Researcher at the National Research University Higher School of Economics, Leading research fellow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Euroasian Centre for Big History and Systemic Forecasting. E-mail: lgrinin@mail.ru.

Коротаев Андрей Витальевич – д. и. н., профессор, директор Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, г. н. с. Института Африки РАН. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Andrey V. Korotayev – Dr. Hist., Professor, Director of the Center for Stability and Risk Analysis of the HSE University, Professor of Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University, Senior Research Professor of Institute for African Studies of the RAS. E-mail: akorotayev@gmail.com.

статье обсуждается необходимость избрания разных стратегий для различных групп стран для успешного движения к достижению целей.

Ключевые слова: капитализм, Африка, страны Сахеля, Запад, Глобальный Север, Глобальный Юг, Мир-Система, Великая конвергенция, экономическое развитие, мировая экономика.

IDENTIFYING THE CHARACTERISTICS OF CAPITALISM DEVELOPMENT IN AFRICAN COUNTRIES IN THE FUTURE AND THE DIFFERENCE BETWEEN THIS DEVELOPMENT AND THE FUTURE OF CAPITALISM IN WESTERN COUNTRIES

Although the world is divided into zones due to the Special Military Operation, the contradictions between developed and developing countries have increased and globalization is rolling back, the common goals that were recently a priority for most countries in the World-System still persist. At worst, their implementation will be delayed for some time. However, their joint achievement is objectively absolutely necessary. Therefore, the study of strategies and their implementation remains relevant. At the same time, countries in the Global North and the Global South, particularly African countries among the latter, differ greatly. First, capitalism has, theoretically speaking, been overdue for a long time, and, second, in many cases, it has not yet reached normal levels of development. Therefore, it is necessary to take into account the peculiarities of the country, regional, and global, world-system conditions, levels, and challenges in order to find optimal ways to implement the global goals at the national level. This article discusses the need for different strategies so that different groups of countries can successfully achieve these goals.

Keywords: capitalism, Africa, Sahel countries, the West, Global North, Global South, World-System, Great Convergence, economic development, world economy.

Введение

Несмотря на то что уровни развитых и развивающихся стран постепенно сближаются (см. ниже), они все еще остаются очень разными, где-то принципиально разными. Достаточно сказать, что в то время как в странах Глобального Севера, особенно в США, промышленный капитализм сменяется или уже сменился финансовым (а финансиализация начинает препятствовать промышленному развитию)¹, во многих африканских странах, особенно в странах Сахеля, господствуют традиционализм и многоукладность [см. подробнее: Гринин Л. Е. 2020; 2025].

Страны Севера уже давно модернизировались и перешли в новое состояние, тогда как многие страны Юга только находятся в процессе модернизации, на ее разных этапах. Отсюда и разная степень устойчивости обществ к дестабилизациям [Бессонов 2010]. Соответственно, необходимо учитывать особенности страновых, региональных и глобальных, мир-системных условий, уровней, задач, чтобы найти оптимальные способы внедрения глобальных целей на национальном уровне.

¹ Анализ финансиализации в США и ее воздействия на развитие экономики см., например: Гринин А. Л. 2025.

Поскольку модернизация в странах Севера и Юга происходит в разное время, на разных уровнях и в разных условиях, ее результаты во многом также различны. В частности, нельзя ориентироваться на уже окончательный итог модернизации с правильно организованным государством и управлением, думая, что это повторится, причем быстро, в странах Юга. Напротив, следует ожидать своеобразного сочетания позитивных и негативных черт, которые постоянно видоизменяются и трансформируются.

Поскольку модернизация неизбежно влияет и на традиционный образ жизни, то бурно развивается неотрадиционализм [Бессонов 2010], то есть внедрение в традиционные формы новых технологий и отношений. Но естественно, что новые отношения редуцируются к старому уровню, поэтому возникают причудливые комбинации, своего рода химеры старого и нового, характерные для переходных периодов. Тем не менее, на наш взгляд, это тоже путь к модернизации, хотя и далеко не прямой. В этой связи не можем согласиться с идеей, что это псевдомодернизация, которая определяется как модернизация по форме при сохранении традиционного и неотрадиционного содержания [Там же: 57–58]. На наш взгляд, это не псевдомодернизация, а естественный путь в модернизацию при наличном состоянии глубоких отсталости и диспропорций. То же касается и таких пороков в административно-государственном развитии, как коррупция, nepotизм, кумовство (с трайбалистским акцентом) и др. Их наличие, к сожалению, скорее правило, отсутствие – редкое исключение, что не снимает вопрос о необходимости борьбы с ними.

Расхождение между путями развития стран Глобального Севера (не говоря уже об огромных различиях в траекториях развития в странах Севера) обозначилось давно. Оно и не могло идти иначе уже потому, что эти страны занимали принципиально разные места в структуре Мир-Системы. Вовсе не удивительно, что реальные изменения в Субсахарском регионе отличаются от предписанных им путей и во многом не похожи на предлагаемые и поддерживаемые извне проекты, образцы, типы развития [Следзевский 2013]. Однако есть немало сходных черт с обществами, которые ранее шли по пути модернизации архаического общества [см. о тех и других: Гринин Л. Е. 2025]

В настоящей статье обсуждается необходимость избрания разных стратегий для различных групп стран в целях успешного движения к намеченным национальным, а также и общепризнанным международным. Стратегии и политика зависят от различных причин и условий, включая демографию, природные ресурсы, исторические традиции и т. д., но особенно они зависят от уровней развития стран, которые очень различны. Наиболее важным и глубоким является разрыв между уровнями доходов развитых и развивающихся стран. Однако нередко случается, когда развитые страны, а также их (или мировые) организации навязывают развивающимся странам жесткие и практически однотипные программы экономического и социального реформирования, преобразования сельскохозяйственной или энергетической сферы и т. д. для достижения утвержденных мировых целей (таких как демократия, углеродная нейтральность, устойчивое развитие, уменьшение неравенства и несправедливости, повышение эффективности государства, темпы экономического роста, оптимизация потребления и т. д.). Эти программы разработаны на основе опыта развитых стран и зачастую не подходят для

многих развивающихся стран. В своих работах мы достаточно подробно рассмотрели несоответствия в поставленных мировых целях условиям и возможностям, которые имеются в развивающихся странах [Grinin L., Grinin A. 2025]. См. также о Шри-Ланке, где в результате внедрения новых зеленых методов ведения сельского хозяйства возник жестокий дефицит продовольствия, сильный финансовый и экономический кризис, завершившийся массовыми протестами и свержением правительства в марте 2022 г.: [Koswanage 2022].

Необходимо отметить, что хотя между развитыми и развивающимися странами по-прежнему существует большой разрыв, процесс Великой дивергенции (когда указанный разрыв увеличивался с начала XIX в.) в последние десятилетия сменился Великой конвергенцией, когда эта разница в развитии сокращается за счет повышения уровня развития в менее благополучных государствах [Акаев 2015; Садовничий и др. 2014; Гринин 2013; Коротаев, Гринин 2017; Baldwin 2017; Grinin, Korotayev 2014; 2015; Korotayev, de Munck 2013; Korotayev *et al.* 2011; 2015; Гринин А. Л. 2025; Grinin *et al.* 2025]. Для этой конвергенции характерна неоднородность – разные темпы развития отдельных государств, на основе которых выделяются быстрорастущие государства и менее развитые государства, преимущественно страны Тропической Африки [Коротаев, Гринин 2016; Коротаев и др. 2014; Korotayev, Zinkina 2014; Grinin 2022].

В связи с этим надо обратить внимание на необходимость формирования глобальных стратегий движения к устойчивому развитию с учетом различий в развитии и имеющихся возможностей. В некоторых странах уровень развития капитализма достиг такого уровня, при котором он уже исчерпывает себя и требуются преобразования, а есть страны, в которых полноценные рыночные отношения еще не сформировались [см. также: Гринин и др. 2022; Grinin *et al.* 2024].

Мы полагаем, что в ближайшие десятилетия мир столкнется со сложным континуумом типов, переходов, комбинаций и форм экономических структур. Мы проанализируем два основных типа. В развитых странах произойдет сдвиг в сторону укрепления распределительных институтов. Развивающиеся страны, продолжающие процессы экономической и социально-политической модернизации, в свою очередь, пойдут по пути укрепления капиталистических рыночных институтов, хотя и с некоторыми важными ограничениями, препятствующими эксплуатации и деградации окружающей среды. Эта особенность требует различных подходов в решении общих для всех стран мира глобальных проблем.

Все это произойдет в процессе новой технологической волны, особенно на ее заключительном этапе, то есть приблизительно в 2050–2070-е гг. [об этой волне см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin *et al.* 2020; Grinin L., Grinin A., Korotayev 2024], с развитием процесса интернационализации рабочей силы (через развитие дистанционной занятости) наряду с интернационализацией капитала.

* * *

Общепризнано, что против России объединились главным образом страны первого мира, так называемого золотого миллиарда, и Восточной Европы. Большинство же остальных стран не поддержали жесткие санкции, кто по причинам антиамериканизма, противодействия Западу, кто по причинам нежелания нанести себе экономический вред или желая извлечь пользу для себя. Таким образом, **начало СВО и последовавший за этим шквал санкций выявили и усилили**

раскол между условным первым и третьим мирами. И в целом в этом конфликте, как мы видим, большинство стран мира заняло открытую или скрытую позицию благожелательного нейтралитета в отношении РФ. Думаем, что в последующие годы это размежевание будет усиливаться, поскольку диктат и непоследовательность Америки большинству стран не нравятся. Главное же – в глобальном масштабе постоянно идет процесс ослабления первого мира и усиления третьего мира, в котором Китай является лишь наиболее выдающейся частью. Но растут Индия и азиатские страны, поднимается Африка, которая сейчас еще не является заметным субъектом, но относительно скоро (через 10–15–20 лет) таким станет.

Поэтому текущий и ближайшие годы продолжат конфигурацию выстраивания тех или иных новых союзов и блоков, временных сотрудничеств и т. п. И их контуры станут немного яснее. Этот процесс, названный нами эпохой новых коалиций, начался в результате экономического кризиса 2008 г. и усилился в период «арабской весны». Мы писали о нем начиная еще с 2009 г.

Сегодняшние тренды, к сожалению, ведут к более или менее сильной деглобализации (о процессе торможения и отката глобализации см.: [Гринин 2018; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2019; Гринин А. Л. 2025]). «К сожалению» – потому, что развитие глобализации (при всех ее недостатках и при всех попытках поставить ее на службу Америке) изменило в положительную сторону жизнь людей, а также позволило многим странам третьего мира развиваться гораздо быстрее [Коротаев, Гринин 2016; Коротаев 2015а; 2015б; Baldwin 2017; Grinin, Korotayev 2014; 2015; Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Коротаев 2024а; 2024б; Гринин А. Л. 2025; Grinin *et al.* 2025]. Это происходило во многом потому, что США и другие западные страны перевели большую часть своей промышленности в страны с дешевой рабочей силой. Этот процесс западной деиндустриализации привел к сокращению разрыва между развивающимися и развитыми странами [Гринин, Коротаев 2016; Коротаев, Билюга 2016; Korotayev *et al.* 2011; 2020; Гринин А. Л. 2025]. Мало того, именно потому, что глобализация стала более выгодна развивающимся экономикам, чем западным странам, США начали тормозить глобализацию и разрушать мировые организации (вроде ВТО). Д. Трамп начал тормозить торгово-экономическую глобализацию, Дж. Байден и его европейские союзники с помощью санкций фактически уже подорвали сами основы экономической глобализации, а теперь Трамп окончательно остановил ее своими тарифами и запретами [Гринин А. Л. 2025].

Итак, глобализация в ее американской версии заканчивается, но новый этап глобализации непременно будет. Однако, когда закончится отлив и начнется прилив, пока неясно. Ясно только, что следующий этап глобализации начнется уже на иных основаниях. Не исключено, что какое-нибудь событие, вроде серьезного экономического кризиса (или, не дай бог, новой пандемии), способно будет запустить новую волну глобализации с попытками переустроить мир.

Различия в уровнях потребностей стран в развитии и различные типы стратегий и программ для достижения общих мировых целей

Мир быстро меняется. Великая дивергенция (первоначальный отрыв индустриально развитых стран от стран периферии Мир-Системы) сменился на Великую конвергенцию, то есть быстрое подтягивание экономик развивающихся стран

к развитым [подробнее см.: Гринин 2013; Акаев 2015; Гринин, Коротаев 2016; Grinin, Korotayev 2015; Baldwin 2017; Grinin *et al.* 2025]. Очевидно, что проблемы конвергенции будут играть все более важную роль. Однако существуют очень разные скорости в рамках развивающихся стран, среди которых есть быстрорастущие (особенно Китай) и достигшие заметных успехов в подъеме уровня жизни (например, страны Персидского Залива, Мексика). А есть среди них так называемые менее развитые, развитие которых хотя и идет с немалыми темпами роста ВВП, но все же пока недостаточно быстро. Особенно много таких в Тропической Африке. Поэтому наиболее серьезная проблема, стоящая в этом плане, – встраивание Африки в мировое развитие.

Как бы то ни было, с колебаниями и приостановками, мы видим, что и динамика развитых и развивающихся стран очень различается. При всех кризисах и сложностях большинство развивающихся стран по причине мощных демографических процессов (общего роста населения, урбанизации) и роста промышленности отличаются заметной динамикой; в том числе и даже особенно это касается и ряда африканских стран [см.: Гринин А. Л. и др. 2024]. Тогда как динамика развитых стран сильно уменьшилась. Имеется и много других проблем, которые очень заметны в развитом мире, включая и рост неравенства [Randers 2012; Schwab, Malleret 2020; Schwab, Vanham 2021].

Так как разные регионы мира имеют разные скорости развития, то и подходы к решению наиболее важных мировых проблем существенно трансформируются для разных групп стран.

В развитых странах в целом уровень потребления вполне удовлетворительный, где-то даже чрезмерный (хотя неравенство в этом отношении и в западных странах сильное). Однако то, что верно для развитых стран, неверно для многих развивающихся. Хотя число людей, находящихся за чертой бедности по классификации ООН, уменьшается, и уменьшилось значительно, в целом уровень жизни во многих, особенно в Тропической Африке и ряде азиатских стран, оставляет желать намного лучшего [см., например: UNDP 2019; 2020; 2022]. Поэтому законсервировать уровень жизни этих стран на современном уровне невозможно. Отсюда вопрос о темпах роста экономики, который последнее время активно поднимается (в смысле необходимости их замедлять), по-разному звучит для развитых и развивающихся стран. Если для первых торможение темпов экономического роста болезненно, но не фатально, то для вторых оно критично, поскольку может привести к серьезному гуманитарному кризису.

Как справедливо замечает Р. Фюкс, «дебаты вокруг общества за пределами роста не учитывают перспективу глобальной динамики роста в ближайшие десятилетия. Будет расти мировая экономика или нет, решается не в Европе» [Фюкс 2016: 18; курсив наш. – Авт.]. Он подчеркивает, что «речь уже идет не о том, продолжится ли рост мировой экономики, вопрос скорее в том, как он продолжится. Нулевой рост – нереалистичная перспектива, а ввиду масштаба бедности еще и крайне нежелательная. Продолжать в том же духе тоже нельзя» [Там же]. Книга Фюкса вполне обоснованно предлагает вступить на «третий путь... – экологически устойчивый, социально приемлемый рост» [Там же].

Поэтому в рамках общей задачи изменения модели потребления общества и индивидов она для развитых стран акцентируется на оптимизации потребления

и сокращении излишнего потребления (хотя это нужно делать весьма осторожно и аккуратно, так как значительные слои и в развитых странах недопотребляют), а для развивающихся стран оптимизация потребления (в том числе и в аспекте движения к сокращению углеродных выбросов) должна идти с акцентом на учет сильного недопотребления в них.

Стало быть, *общее движение к более экоориентированной экономике (а также к более справедливой в плане распределения) должно идти на разных скоростях, должно позволить сблизить уровни развития разных групп стран.*

Относительно демографических проблем можно сказать, что они сильно различаются даже в рамках развивающихся стран. Часть из них, как Китай, имеет практически те же проблемы, что и развитые страны, то есть снижение рождаемости, старение населения, исчерпание демографического дивиденда. Другие, как Индия, уже вошли во вторую фазу демографического перехода, рождаемость в них упала и продолжает падать, но население еще молодое, демографический дивиденд огромный. Соответственно, перед ними стоит задача обеспечить это молодое население работой, а следовательно, их экономика должна расти. Третья группа (Тропическая Африка и некоторые азиатские страны) еще совсем недавно вошла во вторую фазу демографического перехода.

Проблема экономического роста и будущего капитализма

Вопрос о будущем капитализма, в том числе имеет ли он вообще будущее, не нов. Но кризис 2008 г. и последующие за ним крупные изменения придал этой проблеме новое звучание. Мы отмечали [см.: Гринин и др. 2022; Grinin *et al.* 2024], что эпоха капитализма, основанного на либерально-рыночных принципах и ориентированного на максимизацию потребления и прибыли, подошла к рубежу, за которым капитализм продолжит свою трансформацию в сторону еще большего, чем сегодня, регулирования, в том числе и в международном масштабе. Вопрос о том, как быстро, в каких направлениях будет идти такая трансформация и как она будет проявляться в разных группах стран (развитых, развивающихся, бывших социалистических) и регионах является очень важным и представляет собой одну из главных интриг развития мира в XXI столетии. Ведь *если в развитых странах, имеющих длительную историю капиталистического развития, капитализм подошел к рубежу серьезной трансформации, то многие развивающиеся страны страдают от засилья архаических, докапиталистических отношений.*

После кризиса 2008 г. со всей очевидностью проявилась *новая, ставшая важнейшей причина усиления критики капитализма* – сокращение доходности внутри США и доходных вложений в мире вообще. Иммануил Валлерстайн даже назвал свою главу в коллективной монографии «Есть ли будущее у капитализма?» [Валлерстайн и др. 2015] «Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным» [Валлерстайн 2015]. По его мнению, потому, что он больше не приводит к такому росту капитала, как раньше.

Фактически неолиберализм предлагают заменить неким подобием социализма, причем некоторые макросоциологи, даже не скрывая этого, употребляют термин «социализм», описывая эволюцию нынешнего общества в будущем, тогда как другие предпочитают эвфемизмы [см. также: von Weizsäcker, Wijkman 2018; Schwab,

Malleret 2020; Schwab, Vanham 2021; наш анализ этого явления см. также: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021; Гринин А. Л. 2020; Гринин, Малков и др. 2022].

Рецепты и прогнозы здесь сильно различаются, но мейнстрим все сильнее склоняется к тому, что в той или иной мере сходно с социалистическими (или госкапиталистическими) идеями. Поэтому вовсе не удивительно, что в последние несколько лет все активнее ведутся разговоры о том, что капитализм – это плохо, что стремление к прибыли, а также к экономическому росту вредит климату, экологии, в целом человечеству, что его нужно чем-то заменять [подробнее см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021; Гринин А. Л. 2025].

Отметим, что расширенное воспроизводство, то есть экономический рост, – это черта капиталистического хозяйства, которую отмечали многие его исследователи, в частности К. Маркс, а также С. Кузнец [Маркс 1960; Геллнер 1991; Полетаев, Савельева 1993; Abramovitz 1961; Kuznets 1966; Gellner 1983]. Без стремления к прибыли нет капитализма. Отсюда возникает очень важный вопрос: в свете наблюдаемой тенденции к торможению глобальных демографических и экономических показателей не возникнет ли в будущем ситуации, когда не будет ни роста, ни возможности увеличивать прибыль? И, если это случится, каково будущее капитализма?

Развитые и развивающиеся страны: к общей цели на разных скоростях

Проблема судьбы капитализма может быть рассмотрена в разных аспектах. Но в контексте темы настоящей статьи она нам видится следующим образом. Капитализм будет развиваться по-разному в развитых и развивающихся обществах.

Первый путь. Это путь развивающихся стран, в которых продолжают процессы социально-экономической модернизации и подтягивания к экономически развитым странам Центра современной Мир-Системы. В этих странах недостаточно развиты рыночные институты, ведущими секторами в них в ближайшие десятилетия будут *индустриальные* и *постиндустриальные производства первого типа* (то есть простые, неквалифицированные или недостаточно квалифицированные виды услуг), но, конечно, с учетом внедрения и новейших технологий с ИИ и самоуправляемыми системами.

Несмотря на то что капитализм в них будет существенно ограничен регуляцией государства и современным уровнем прав трудящихся (в том числе женщин, детей и т. п.), уровень эксплуатации в них (как было в Китае) останется высоким (низкая заработная плата, длинный рабочий день, слабая охрана труда и социальные гарантии и т. п.). То есть условно это уровень капитализма первой половины – середины XX столетия в развитых странах. С учетом гигантской массы недостаточно квалифицированной молодежи и населения средних лет в развивающихся странах другого варианта и быть не может, иначе невозможно обеспечить всех работой. Постепенно ограничение эксплуатации достигнет уровня второй половины – конца XX столетия в развитых странах.

Не исключено, что эти страны (в основном африканские) станут не просто поставщиками сырья и полуфабрикатов, но и в заметной степени (как страны Азии сегодня) мировой мастерской и (как нынешняя Индия) мощным поставщиком сложных услуг, при этом в них будут сочетаться классический и постклассический капитализм наряду с госсоциализмом и госкапитализмом (то есть будут сочетаться и взаимодействовать рыночные и нерыночные институты). Капитал из

развитых стран будет идти в эти растущие экономики (в силу сохранения там условий для экстенсивного роста), однако социально-политическая обстановка в них будет нестабильной в силу наличия «молодежного бугра» (особенно в странах Тропической Африки), несовершенства и незрелости политических институтов, наличия так называемых «ловушек развития» [Grinin 2022].

В целом этим странам предстоит сложный путь поиска своей модели модернизации и оптимального сочетания рыночных и нерыночных институтов, адаптированного к местным условиям. Это сложный путь в условиях социально-экономической неустойчивости и значительного числа социально-политических рисков. Успешно пройти его можно будет лишь при поддержке развитых стран, если будет реализовываться вариант № 2 движения к будущему глобальному обществу.

Второй путь. Этот путь современных развитых стран. У них ресурсы роста пока (до новой технологической волны) серьезно исчерпаны. Как уже упоминалось, со второй половины прошлого века в развитых странах стали усиливаться меры регулирования в экономической и социальной сфере с целью сглаживания социальных противоречий, порождаемых либерально-рыночными отношениями. Вместе с тем меняется и сам тип экономики:

а) происходит постепенный переход от преимущественного производства товаров (которое сейчас перемещается в развивающиеся страны) к *постиндустриальному производству второго типа*, то есть к производству сложных, высококвалифицированных видов услуг. Это финансовые, юридические, консалтинговые, рейтинговые, культурные, медицинские и т. п. услуги (отдельно стоит выделить дистанционные услуги в сфере медицины и образования). Этот тренд появился довольно давно и отчетливо прослеживается сегодня, но он еще усилится, поскольку доля данных услуг в мировом разделении труда будет увеличиваться;

б) соответственно, корпорации развитых стран будут все больше ориентироваться на экспорт сложных высококвалифицированных видов услуг, включая и финансовые, при этом для минимизации затрат начнут активно привлекать соответствующих сотрудников в развивающихся странах путем удаленного найма. Это, кстати, может усилить перетекание финансовых ресурсов в развивающиеся страны;

в) будут расширяться сферы использования *удаленной работы* и привлечения к ней огромного числа высококвалифицированных работников с развивающейся периферии (с учетом того, что английский и французский языки во многих странах Африки – государственные). Этот тренд также прослеживается сегодня, но далее станет еще более заметным. Отметим, что это один из важных резервов будущего экономического развития, который покроет недостаток демографических ресурсов в развитых странах. Удаленная работа начнет частично заменять эмиграцию.

Таким образом, можно констатировать, что в развитых странах демографическая стагнация и старение общества существенно сократили ресурсы, но для мира в целом это пока еще не так. Новые ресурсы – это растущее молодое население и возможности удаленной работы во многих развивающихся странах, а также большие возможности в них для роста образования и урбанизации. Объективно перед мировым сообществом стоит важная задача – эффективно использовать демографический ресурс развивающихся (особенно африканских) стран для решения глобальных проблем. Однако эта задача в достаточной мере не осознается. Между

тем растущий демографический ресурс развивающихся стран (особенно Черного континента), помимо проблем, о которых много говорят, в мир-системном аспекте может способствовать развитию регионов с пожилым населением. В условиях стремительного расширения возможностей для удаленной работы все больше занятых из развивающихся стран будет связано с экономически развитыми странами. Вовлечение образованной азиатской и африканской молодежи в систему удаленной работы в странах Глобального Севера – это проект на десятилетия, который одновременно смягчит проблему нехватки трудовых ресурсов в западном мире и Китае и может стать одним из способов снизить безработицу в развивающихся странах, поднять уровень жизни в этих странах, сблизить европейскую культуру и культуры иных континентов. Молодые и растущие группы населения в Азии и Африке в будущем также станут важнейшим ресурсом для систем образования развитых стран, страдающих от недостатка собственной молодежи.

Но главное – это грядущая новая технологическая волна, завершающая фаза кибернетической революции [см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; 2019]. Что же касается конца века и начала XXII столетия, то мы ожидаем замедления темпов технологического роста, а также сокращения роли консюмеризма и в целом современной модели потребления в связи с глобальным старением [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2019; Grinin *et al.* 2020]. Но и тогда развитие не остановится, сформируется его новый тип. В каком взаимном отношении он будет находиться с современным капитализмом – вопрос отдельного исследования.

Из вышесказанного можно сделать важные предположения о возможных трансформациях Мир-Системы:

1) в ближайшие десятилетия в мире будет наблюдаться сложный *континуум* видов, переходов, комбинаций и форм экономических укладов (с повышением удельного веса постиндустриальных форм). При этом в развитых странах будет наблюдаться смещение в сторону усиления распределительных институтов, а в развивающихся странах, продолжающих процессы экономической и социально-политической модернизации, – смещение в сторону усиления рыночных институтов;

2) усилится процесс *интернационализации рабочей силы* (за счет развития удаленного найма) наряду с интернационализацией капитала;

3) новая технологическая волна (2030–2070-х гг.) – завершающая фаза кибернетической революции, которая будет эпохой широкого распространения саморегулируемых и самоуправляемых систем, – принесет новые ресурсы и расширит сферу для производства и услуг, что будет поддерживать экономический рост как в развитых, так и в развивающихся странах;

4) при этом в одних направлениях, в частности в медицине, неизбежна очень значительная регламентация экономической деятельности, а в других направлениях, в частности в робототехнике, производстве самоуправляемых машин (автомобилей и пр.), как раз могут усиливаться экономические механизмы рыночно-корпоративного типа [подробнее см.: Grinin L., Grinin A., Korotayev 2024]²;

² Однако не исключено, что развитие промышленных роботов может задержать Африка, которая имеет шансы превратиться в новую мастерскую мира, в какой-то степени повторяя путь Китая. Но это очень сложный вопрос, требующий серьезного изучения с учетом большой цивилизационной разницы между Китаем и Африкой [ср.: Гринин, Коротаев 2016; Grinin L., Grinin A., Korotayev 2024: ch. 10].

5) таким образом, важнейшей задачей в ближайшие десятилетия является повышение *гибкости* социально-экономического развития всех стран мира, а именно – обретения способности к регулированию соотношения рыночных механизмов и распределительных механизмов в зависимости от сфер деятельности и решаемых задач без давления идеологических догм.

В связи с этим можно сказать следующее. Хотя капитализм как социально-экономическая система – это продукт уходящей индустриальной эпохи, многие его институты, пусть и в трансформированном виде, прочно вошли в ткань общества. Каким будет институциональный облик общества будущей кибернетической эпохи – пока не ясно, возможны варианты, о которых говорились выше: все зависит от того, каким путем в конечном итоге пойдет мировое сообщество. Ясно лишь, что «капитализма как социально-экономической системы» уже не будет, но «капитализм как уклад» останется и, скорее всего, будет занимать важную экономическую нишу. Принципиальным в этом случае становится вопрос: будет ли капитализм ведущим укладом или место ведущего уклада займут другие способы организации производства и распределения? Либо ведущим станет какой-то симбиотический с капитализмом уклад? Мы думаем, что все же он будет ведущим или одним из ведущих. В любом случае очевидно, что он будет эволюционировать, будут повышаться роль регулирования и социальные функции бизнеса. *Мы считаем, что необходимо найти способы совмещения всего лучшего, что есть в капитализме, чтобы обеспечить нужный динамизм и инновационность развития, в то же время смягчив все перекосы, которые образовались в результате развития капитализма за последние двадцать лет, имея в виду, что ответственен за это не столько промышленный, сколько финансовый и глобальный финансовый капитализм.*

Но совершенно очевидно, что для многих стран Глобального Юга, особенно в Африке, не хватает именно развития капитализма, поскольку традиционализм еще очень силен и будет силен много десятилетий. Поэтому необходимо развивать те институты и отношения, которые в капитализме являются динамичными, помогают обществу в развитии, в социальных лифтах, проявлении инициативы и пр. Надо бороться с худшими проявлениями как рыночного, так и – особенно – государственно-непотического и монополистического псевдочастного капитализма (который является по сути государственным, а по форме присвоения прибыли – частным). Благо рецепты есть, хотя их выполнение сложно. Поэтому хоронить капитализм для основного населения планеты пока не стоит. Он еще может хорошо послужить Глобальному Югу.

Литература

Акаев А. А. От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции. Математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. М. : URSS, 2015.

Бессонов С. А. Направления и механизмы развития рыночной экономики [Электронный ресурс] : Экономика Африки в условиях рыночных преобразований / отв. ред. И. О. Абрамова, Е. В. Морозенская. М. : Б. и., 2010. С. 48–60. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/ekonomika_afriki_v_usloviyah_rynochnoy_ekonomiki.pdf (дата обращения: 14.08.2025).

Валлерстайн И. Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун // Есть ли будущее у капитализма? М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. С. 216–265.

Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. Есть ли будущее у капитализма? М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991.

Гринин А. Л. Анализируя глобальные проблемы XXI в. Обзор и прогноз на основе доклада Римскому клубу «Come On!» // Век глобализации. 2020. № 4. С. 47–64.

Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок. История. Современность. Будущее. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2025.

Гринин А. Л., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее // История и современность. 2024. № 3. С. 87–112.

Гринин Л. Е. Глобализация тасует карты (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс мира) // Век глобализации. 2013. № 2. С. 63–78.

Гринин Л. Е. Слабости Америки и президент Трамп // История и современность. 2018. № 3. С. 3–31.

Гринин Л. Е. Движение обществ к зрелым социально-политическим и экономическим отношениям как длительный фактор возможной дестабилизации в странах африканской макрозоны нестабильности // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград : Учитель, 2020. С. 666–693.

Гринин Л. Е. О некоторых характеристиках модернизации в странах Африки и их влиянии на процессы дестабилизации // Историческая психология и социология истории. 2025. № 2 (в печати).

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Современные глобальные тенденции и прогнозы на XXI столетие // История и современность. 2019. № 4. С. 3–35.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Размышления об экономическом росте и будущем. Статья первая. Глобализм vs рост ВВП и «закат Запада» // Философия и общество. 2021. № 3. С. 5–34. DOI: 10.30884/jfio/2021.03.01.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Коротаев А. В. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка // Политическая наука. 2024а. № 2. С. 124–150. DOI: 10.31249/poln/2024.02.06.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Коротаев А. В. Контуры нового мирового порядка и БРИКС+ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024б. № 5. С. 61–81. DOI: 10.31249/kgt/2024.05.04.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. Волгоград : Учитель, 2016.

Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гринин А. Л., Коротаев А. В. Умрет ли капитализм? Размышления о капитализме прошлого, настоящего и будущего // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 2. С. 100–130. DOI: 10.1007/978-3-031-95830-4_7.

Коротаев А. В. Глобальный демографический переход и фазы дивергенции – конвергенции центра и периферии Мир-Системы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015а. № 1. С. 149–162.

Коротаев А. В. Математическое моделирование процессов Великой дивергенции и Великой конвергенции // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2015б. Т. 44. С. 97–102.

Коротаев А. В., Андреев А. И., Зинькина Ю. В., Фоломеева Д. А. О структуре глобальной конвергенции // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2014. № 3–4. С. 74–82.

Коротаев А. В., Билюга С. Э. О некоторых современных тенденциях мирового экономического развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 4. С. 20–39.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е. Конвергенция и дивергенция в мировой экономике // Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, Р. С. Гринберга. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016. С. 175–225.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е. Дивергенция и конвергенция в мировой экономике // Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. М. : Учитель, 2017. С. 252–308.

Маркс К. Капитал. Т. II. Гл. 21 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 24. М. : Политиздат, 1960. С. 556–596.

Поletaев А. В., Савельева И. М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования). М. : Наука, 1993.

Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики. М. : Наука, 2014.

Следзевский И. В. Африканский опыт догоняющей модернизации: теория и практика // Россия реформирующаяся. 2013. № 10. С. 471–521.

Фюкс Р. Зеленая революция: экономический рост без ущерба для экологии. М. : Альпина нон-фикшн, 2016.

Abramovitz M. The Nature and Significance of Kuznets Cycles // Economic Development and Cultural Change. 1961. Vol. 9(3). Pp. 225–248.

Baldwin R. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2017.

Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford : Blackwell, 1983.

Grinin L. Revolutions of the 21st Century as a Factor of the World System Reconfiguration // Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change / ed. by J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2022. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_38.

Grinin L., Grinin A. Deepening of the World-System Crisis, Reconfiguration of the World System and Their Potential Impact on Destabilization and Environmental Degradation // Journal of World-System's Research. 2025. Vol. 31. No. 1. Pp. 19–38. DOI: 10.5195/JWSR.2025.1326/.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. A Quantitative Analysis of Worldwide Long-Term Technology Growth : From 40,000 BCE to the Early 22nd Century // *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. Vol. 155. 119955. DOI: 10.1016/j.techfore.2020.119955.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. *Cybernetic Revolution and Global Aging. Humankind on the Way to Cybernetic Society, or the Next Hundred Years*. Cham : Springer, 2024. DOI: 10.1007/978-3-031-56764-3.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. The Rebalancing of the World Economy, the Rise of the Global South, and Other Processes // *The Great Convergence and the World System Reconfiguration, World-Systems Evolution and Global Futures* / ed. by R. Dygas. Cham : Springer, 2025.

Grinin L., Grinin A., Malkov S., Korotayev A. Capitalism's Unclear Futures // *World Futures*. 2024. Vol. 80. No. 6–7. Pp. 521–547. DOI: 10.1080/02604027.2024.2335359.

Grinin L., Korotayev A. Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? // *World Futures: The Journal of New Paradigm Research*. 2014. Vol. 70. No. 8. Pp. 515–545.

Grinin L. E., Korotayev A. V. *Great Divergence and Great Convergence: A Global Perspective*. Cham : Springer, 2015.

Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. Which Countries Generate Kondratieff Waves in Global GDP Growth Rate Dynamics in the Contemporary World? // *Journal of Globalization Studies*. 2020. Vol. 11. No. 1. Pp. 33–63. DOI: 10.30884/jogs/2020.01.03.

Korotayev A., Goldstone J., Zinkina J. Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. Vol. 95. Pp. 163–169.

Korotayev A. V., Grinin L. E. The Technological Activity and Competition in the Middle Ages and Modern History: A Quantitative Analysis // *History & Mathematics: Economy, Demography, Culture, and Cosmic Civilizations* / ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd : “Uchitel” Publishing House, 2017. Pp. 78–102.

Korotayev A., de Munck V. Advances in Development Reverse Inequality Trends // *Journal of Globalization Studies*. 2013. Vol. 4. No. 1. Pp. 105–124.

Korotayev A., Zinkina J. On the Structure of the Present-Day Convergence // *Campus-Wide Information Systems*. 2014. Vol. 31. No. 2–3. Pp. 139–152.

Korotayev A., Zinkina J., Borgevolnov J., Malkov A. Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? // *Journal of Globalization Studies*. 2011. Vol. 2. No. 2. Pp. 25–62.

Koswanage N. 2022. How Sri Lanka Landed in a Crisis and What It Means // *Bloomberg*. April 4. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-04/how-sri-lanka-landed-in-a-crisis-and-what-it-means-quicktake>.

Kuznets S. S. *Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread*. New Haven, CT : Yale University Press, 1966.

Randers J. 2052. *A Global Forecast for the Next Forty Years. A Report to the Club of Rome*. White River Junction : Chelsea Green Publishing, 2012.

Schwab K., Malleret Th. *COVID-19: The Great Reset*. N. p.: Forum Publishing, 2020. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf>.

Schwab K., Vanham P. Stakeholder Capitalism. Hoboken, NJ : John Wiley & Sons, 2021.

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. Come on! A Report to the Club of Rome. Cham : Springer, 2018.

UNDP. Human Development Report 2019: Beyond Income, beyond Averages, beyond Today: Inequalities in Human Development in the 21st Century. New York, NY : United Nations Development Programme, 2019.

UNDP. Human Development Report 2020: The Next Frontier – Human Development and the Anthropocene. New York, NY : United Nations Development Programme, 2020.

UNDP. Human Development Report 2021/22: Uncertain Times, Unsettled Lives. New York, NY : United Nations Development Programme, 2022.

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ

МИРОВОЙ ПОРЯДОК И ЕГО БУДУЩЕЕ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ А. Л. ГРИНИНА*

Буровский А. М.**

Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок. История. Современность. Будущее. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2025. 464 с.

Зачем эта книга?

О становлении нового мирового порядка пишет немало авторов. Неудивительно: «...мы находимся в водовороте дестабилизационных событий, которые означают размывание прежнего мирового порядка» [Гринин 2025: 43].

В 1990-е гг., когда установился однополярный американский порядок, вышло много книг, в которых нередко писалось, что этот порядок очень надолго. Среди наиболее известных книг были работы З. Бжезинского «Великая шахматная доска» [Бжезинский 1998] и Ф. Фукуямы [2007] с его «концом истории». В списке литературы только к рецензируемой книге – сотни имен и названий. Были, конечно, и более глубокие произведения, например С. Хантингтон с его «Столкновением цивилизаций» [Хантингтон 2003]. Какую ценность имеет еще одна книга о грядущем мировом порядке? Что нового она может внести? Прежде всего, важно понимать, что сегодня речь идет о том, что текущий, но уже «старый» американский мировой порядок слабеет и постепенно проглядываются контуры нового мирового порядка, уже неамериканского. Поэтому системная разработка вопросов о том, как именно трансформируется мировой порядок, какие силы и процессы вносят вклад в эту трансформацию, на каких направлениях, как и почему обостряется борьба за новый мировой порядок, каким может быть новый мировой порядок, и многих других имеет как важное научное и теоретическое значение, так и важное практическое.

Можно согласиться с автором, что сегодня очень остро встал вопрос о том, каким будет мировой порядок в будущем: станет ли он реинкарнацией американ-

* *Для цитирования:* Буровский А. М. Мировой порядок и его будущее. Размышления над книгой А. Л. Гринина // Век глобализации. 2025. № 4. С. 203–219. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.17.

For citation: Burovsky A. M. World Order and Its Future. Reflections on the Book of A. L. Grinin // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 203–219. DOI: 10.30884/vglob/2025.04.17 (in Russian).

** Буровский Андрей Михайлович – к. и. н., д. ф. н., профессор. E-mail: burovsky@gmail.ru. Andrey M. Burovsky – Ph.D. in History, Dr. Phil., Professor. E-mail: burovsky@gmail.ru.

ского мирового порядка, как предполагают научные и политические апологеты США, или же это будет мировой порядок с новыми формами функционирования, новыми принципами организации и международных отношений. Сегодня решается, по какому курсу пойдут мир и Россия в течение по крайней мере нескольких десятилетий. В настоящее время Мир-Система находится в неустойчивом состоянии, в преддверии высоковероятной бифуркации траекторий развития. Это открывает реальное окно возможностей для усиления влияния мировых и региональных лидеров, в том числе для выработки основ и принципов будущего мирового порядка, облегчает выработку ключевых стратегий развития, в том числе для поиска партнеров и союзников [Гринин 2025: 5].

Почему эта книга полнее?

Естественно, существуют работы, специально посвященные демографии, поколенческим и этническим, цивилизационным и геополитическим проблемам современного мира, – но каждая из них тоже рассматривается отдельно, вне связи с остальными. И почти не учитывается как фактор становления нового мирового порядка.

Такая специализация, в том числе в области футурологии, – одна из важнейших причин, по которым регулярно возникает феномен «черного лебедя» – в картине изменяющегося мира «вдруг» начинает играть роль какой-то совершенно не учтенный фактор, и именно он «оказывается» чрезвычайно важным. Этот фактор «просто» находился за пределами профессиональных интересов, а иногда и за пределами понимания автора, почему его и не заметили.

«Черные лебеди» порхают над футурологами, потому что специалисты не учитывают «недостаточно систематизированные направления» [Гринин 2025: 18]. То есть не учитывают слишком много сторон сложнейших явлений.

Конечно, физически невозможно учесть **все** стороны мироустройства и **все** факторы мировой динамики. Вспомним положение Ильи Пригожина: «Если мы можем предсказать поведение системы, это недостаточно большая система» [Пригожин, Стенгерс 1986].

Но ведь необъятность предмета и объекта не означает, что не следует стремиться к максимально возможной степени понимания и предсказуемости. То есть к созданию максимально точной схемы.

Книга Антона Гринина позволяет видеть дальше, потому что учитывает большее число факторов.

Методология

Важнейшее обстоятельство: для решения поставленных задач автор применяет методологию Мегаистории, или Большой истории. Международная ассоциация Большой истории дает такое определение этому сравнительно новому направлению в науке: «Большая история – это попытка понять целостным междисциплинарным способом историю Вселенной, Земли, жизни и общества».

Большая история не может существовать без междисциплинарного подхода, объединяя естественные и общественные науки для объяснения существующего мира и его истории.

Ученые, занятые созданием Большой истории, не раз обращались к теории мир-систем и к динамике Земшарной мир-системы, применяя характерный для них синтез научного знания [Grinin, Korotayev 2012; 2015; 2016; Гринин 2012; 2022; Гринин Л. Е., Коротаев 2016].

Членами сообщества Большой истории создан интересный термин «реконфигурация Мир-Системы». Они озаботились и его приложением к текущей политической ситуации. К сожалению, «это понятие лишь очень постепенно входит в политологический оборот и используется недостаточно» [Гринин 2025: 40].

Антон Гринин убедительно показывает, что в становлении «многополярного мира» сказываются не только геополитические и политические обстоятельства; что важен не только рост экономики как таковой, но и по меньшей мере семь или восемь других факторов.

Технологическая революция

Автор рецензируемой книги неоднократно писал о «кибернетической революции». Подробнее всего – в прекрасной книге и статьях, вышедших еще в 2015 г. [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; 2015б; 2015в] – и в рецензируемой книге в том числе [Гринин 2025: 174–177].

Теперь автор пишет о «технологических сторонах мирового соперничества» и возвращается к мысли о неизбежном «активнейшем внедрении самоуправляемых систем во все сферы жизни, об усилении борьбы за пересмотр мирового порядка с помощью концентрации усилий в области развития новейших технологий» [Там же: 225].

Естественно, мировое неравенство только усиливается от того, что одни создают новые версии компьютеров и пишут программы, а другие лишь используют созданное не в их стране.

Появление огромного числа индусских, китайских и японских программистов – пока что свидетельство не лидерства этих регионов, а «догоняющей модернизации». Возможно, догнать получится. Возможно, в некотором будущем положение дел изменится, но сегодня лидеры технологического развития живут в странах, населенных европейцами, в первую очередь англосаксами.

Научно-техническое превосходство всегда имеет свои интереснейшие последствия в военном деле. Появление железного оружия произвело революцию во всех сферах производства и, конечно же, в военном деле [Берзин 1984].

И Великий Рим, и Британия смогли стать величайшими империями именно потому, что имели решающее военно-техническое превосходство практически над любым противником. Собственно, это превосходство и сделало страны Европы абсолютным лидером в мире и создателем Земшарной мир-системы XVI–XX вв.

Антон Гринин справедливо указывает, что в ближайшее время боевые столкновения могут принять вид войны кибернетических систем, почти без участия людей. «Сегодня неожиданно для многих на передний план вышли беспилотные летательные аппараты (БПЛА) в связи с военными действиями» [Гринин 2025: 227].

Чтение этого места в очередной раз вызывает уважение к автору: мир почти не заметил реалий азербайджано-армянской войны 2020 г. Хорошо, что Антон Гринин анализирует и ее последствия.

Как бывает очень часто, фантасты предсказали нечто задолго до его практического воплощения в жизнь. Самолеты, управляемые по радио, становятся советским ноу-хау в романе Александра Казанцева, опубликованном в 1937 г. в периодической печати и вышедшем в 1941 г. отдельным изданием [Казанцев 1941].

«Понятно, что далеко не все и не во всем смогут сделать рывок в этом направлении, соответственно, это усиливает борьбу за место в мировом порядке» [Гринин 2025: 227].

Впрочем, электронное оружие – не единственный источник военно-технического превосходства. Я не знаю, существует ли тектоническое и климатическое оружие, – но если существует, то не в Буркино-Фасо и даже не в Китае, не в Иране и не в России.

Вот о чем пишет А. Л. Гринин – об использовании интерфейсов и искусственного интеллекта как «информационно-идеологического оружия колоссальной мощности» [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015г; Grinin L. *et al.* 2023].

И это оружие тоже разрабатывается не в Алжире и не в Таиланде.

Вполне очевидно, что создание нового мирового порядка уже проходит и будет проходить через череду войн. Остается надеяться, что все-таки не мировых.

Конец абсолютного доминирования Запада

Чрезвычайно интересны теории С. Хантингтона и его последователей о Великой дивергенции, то есть о стремительном расхождении уровней развития Европы и стран, населенных европейцами. Впрочем, писали об этом и до него [Померанц 2017; Frank 2001].

Еще интереснее, а для нашей темы и актуальнее теории Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева о реконфигурации Мир-Системы и ускорении этой реконфигурации [Grinin, Korotayev 2015].

С точки зрения этих авторов, разрыв в уровнях развития в XX в. сменяется конвергенцией – то есть «выравниванием» уровней развития между условным «Западом» и всем остальным миром, что и порождает Великую реконфигурацию Земшарной мир-системы [Гринин 2016а; 2016б; 2016в; Гринин и др. 2024].

О том, что Великой дивергенции наступает конец, не приходится спорить. Абсолютный мировой лидер XVII – начала XX в., европейская цивилизация, утрачивает лидерство. Все формы мироустройства от Великих географических открытий и до Первой мировой войны – Вестфальская, Венская, Вашингтонская – были вариантами «европейского мирового порядка». Эти системы и становились земшарными, потому что именно европейские державы делили мир и организовывали Земшарную мир-систему.

Даже двуполярный мир США – СССР 1945–1991 гг. был миром, в котором господствовали две сверхдержавы, принадлежащие европейской цивилизации.

Характерно, что все остальные факторы становления нового мирового порядка (далее – НМП), приводимые Антоном Грининым, – именно об усилении стран Незапада.

Демографические факторы в мировом тренде

Гринин справедливо пишет: «При сильном государстве даже бедное и не очень грамотное, но многочисленное население становится немалой силой. Представьте, что СССР продолжал бы существование, имея население заметно боль-

шее, чем в США. Геополитический расклад сегодня был бы иным. Или если бы в России проживало не 146, а 250 млн человек. Пусть вес РФ и не был бы таким, как у гипотетического СССР, но был бы явно выше, чем сегодня» [Гринин 2025: 245].

Словом, чтобы претендовать на роль самостоятельного «центра силы», страна должна быть достаточно крупной и населенной.

Напомню: сделав колоссальный рывок в XVI в., сравнительно небольшая Голландия уступила место мирового лидера Англии. И региональный лидер, и тем более мировой лидер во все времена – это крупная страна с многочисленным населением.

В XX в. Япония с 1931 г. громила Китай, причем любую из его армий, но оккупировать страну не могла чисто физически.

Сегодня страны Запада теряют демографическое лидерство, и это тоже предопределяет предсказанный Шпенглером «закат Европы» [Шпенглер 1993].

Возражу автору книги только в одном: «Упадок, наблюдающийся в демографии Европы (феномен, не имеющий precedентов в человеческой истории, поскольку все это происходит в отсутствие войн, эпидемий и естественных катаклизмов), неизбежно создаст огромные, возможно, даже неразрешимые проблемы» [Гринин 2025: 226].

Не соглашусь, что «феномен не имеет precedентов». В Римской империи III–V вв. по Р. Х. наблюдалось то же самое: сокращение «титульного» населения ромеев-римлян, кризис их традиционной культуры, замещение коренных римлян мигрантами.

Фактор миграции

Конечно же, «миграция – это далеко не один только экономический аспект, но также политический, культурный, гуманитарный, социальный, юридический и – что особенно важно для нашей темы – геополитический» [Там же: 255].

Осмелюсь провести ту же аналогию: Римское государство было вынуждено ввозить в Италию рабов, потому что ромеи становились администраторами и воинами вне Италии. Въезжали и «экономически» активные сирийцы, греки, жители Малой Азии и Северной Африки. К V в. ромеи из господствующего этноса превратились в рыхлую массу людей, стремящихся потреблять, а не строить государство, что и предопределило судьбу Западной Римской империи.

Поколенческие и половые факторы

Сама западная цивилизация не просто «стареет». В ней проявляется, во-первых, воинствующий феминизм. Если в США 64 % женщин фертильного возраста не собираются иметь детей, «феминизм, возведенный на уровень высшей идеологии, все активнее ведет общество к депопуляции» [Гринин 2025: 273].

Во-вторых, стремительный рост сексуальных меньшинств.

В-третьих, странное даже с биологической точки зрения отвращение к детям. Причем, что хуже всего, чем младше респондент, тем больше он находит причин отказаться от создания полноценной семьи [Серебряный 2024].

«Есть радикальные мнения, что приход поколения Z – хочет оно того сознательно или нет – приведет к полному разрушению сложившейся в XX в. деловой этики, отношения к работе, деньгам, карьере и прочим вещам, на которых столе-

тиями была построена стабильность мировой экономики и общества» [Гринин 2025: 273].

Если эта оценка справедлива, перед нами ярко выраженный пример самоубийства цивилизации: ее вырождения.

С чем намного труднее согласиться: «История не знает подобных прецедентов <...> В истории уже имели место кризисы семьи, в частности в Античности» [Гринин 2025: 272].

Идеология биологического вырождения и цивилизационного самоубийства стремительно разрастается, представлена все большим числом все более причудливых вариантов.

Автор статьи написал книгу «Гендерная революция» [Буровский 2025б]. Я старался охватить как можно большее число явлений, но книга устарела буквально к моменту выхода.

Идеологические факторы: этнокультурные, религиозные и прочие

Антон Гринин справедливо пишет о том, что мировое соперничество выигрывает не только более сильный в экономическом и военно-техническом смысле, но и тот, кто сможет предложить более привлекательный образ будущего. В идеале, конечно, привлекательный для всех людей – разных цивилизаций, культур, полов и возрастов, гендерных и политических предпочтений.

Но насколько реалистично создание такой всеобъемлющей идеологии? Пока что мы видим столкновения идеологий как часть соперничества за мировое господство.

Применительно к России – «каким будет новый порядок, во многом зависит от целей, которые будет ставить РФ, и от правильности внешней политики России» [Гринин 2025: 43].

Глобализация и многополярность

Автор книги приводит в целом общеизвестные факты о существовании в прошлом и двуполярных, и многополярных вариантов Земшарной мир-системы. Современное положение дел – с 1991 г., с крушения СССР, Мир-Система сделалась однополярной.

Сравнить положение США можно и с положением Римской империи IV–V вв., и с положением Афинской архэ. В этом втором случае страны Европы, Австралия, Канада и Новая Зеландия должны рассматриваться как аналог неравноправных союзников Афин.

Реконфигурация Мир-Системы, как подчеркивалось в работе А. Л. Гринина, – «это процесс, в ходе которого меняется баланс сил в мире... и начинает трансформироваться новый мировой порядок» [Гринин 2025: 369].

На глазах распадается даже казавшийся нерушимым союз США и Европы.

В уже давней работе мы с соавтором пытались проанализировать не «идеологию для масс», политкорректности и толерантности, а реальную идеологию мондиализма [Буровский, Якуцени 2009]. Отнюдь не будучи сторонником этой системы, отмечу – однополярный мир имеет множество преимуществ.

Глобальная экономика позволяет использовать ресурсы всего земного шара, создавая единую логистическую систему. Грубо говоря – все становится доступ-

нее и дешевле. Неправдоподобный рост уровня жизни с 1990-х гг. – прямое следствие экономического глобализма.

От «замыкания в себе» проигрывает любая страна в любую эпоху. Цивилизации доколумбовой Америки оказались оторваны от остального человечества не по доброй воле. Но что изоляция сыграла для них роковую роль – это факт.

Самоизоляция громадного цивилизованного Китая к XIX в. сделала его настолько отсталым, что огромная страна оказалась бессильна против агрессии не только союзов европейцев, но и любой европейской страны, включая Россию.

В общем, объединение – всегда хорошо, а замкнутость – всегда отсталость и деградация. Сложность в том, что можно придумать любые идеальные решения, но в реальной жизни глобализм – это не «концерт держав» и не правление мудрых благодетелей человечества. Это жестокий диктат даже не государств, а надгосударственных сил, действующий исключительно в своих эгоистических интересах. Причем интересах, понимаемых исключительно примитивно: как сохранение привычного уровня потребления.

В результате «присоединиться к глобализму» для любого государства страны и народа означает не «войти в систему» и даже не «занять низовые позиции в системе». Это означает «быть сожранным системой», что далеко не одно и то же.

Закат Европы

Земшарную мир-систему создала нововременная цивилизация Европы. Она – прямая наследница и Античности, и христианской цивилизации V–XVI вв., которую мы напрасно называем «средневековой»^{***}. Эта цивилизация не только «открыла» весь земной шар, но и заложила основы как Земшарной мир-системы, так и начала техногенной цивилизации.

Основы этой цивилизации можно выразить в виде нескольких простых тезисов:

1. Мир – склад полезнейших, причем не связанных между собой явлений, феноменов и процессов.

2. Все эти процессы могут быть познаны, изучены и поставлены на службу человеку.

3. «Склад» природы неиссякаем, заведомо хватит на всех. Главное – изучать и трудиться.

Европейская цивилизация получила смертельный удар в огне Первой мировой войны, Вторая мировая ее окончательно добила. То есть цивилизация-то никуда не исчезла, но уже в 1945 г. в числе членов Совета Безопасности ООН появился и Китай. К 1960-м многие неевропейские страны приобрели могущество, как минимум равное странам Европы.

Это тоже можно осмыслить в категориях теории догоняющей модернизации. Европа первой создала техногенную цивилизацию. Сегодня техногенная цивилизация – всемирная.

Осознала ли это сама Европа – не уверен, но это произошло.

^{***} Представление о неких «средних» веках между высокой культурой Античности и «возрождением» придуманы в XIV–XV вв. и не имеют никакого отношения к реальности. Это отдельная тема, которую я не буду здесь поднимать, но и говорить о Средних веках как времени упадка у меня нет причин.

Каким бы ни стал мир грядущего – однополярным или стополярным, европейская цивилизация обречена быть только одной из техногенных цивилизаций не очень прекрасного, но «зато» нового мира.

Постмодернизм

Антон Гринин убедительно пишет о деградации европейской цивилизации. Он полагает, что «после прохождения пика достижений неизбежно наступает декаданс. Декаданс связан с упадком нравов, но, что еще хуже, с идеологическим возвеличиванием и открытым превозношением этих нарушений, пропагандой их и стремлением сделать их нормой. Декаданс обычно также связан с разрушением семьи и сокращением рождаемости» [Гринин 2025: 255–256].

То, что А. Л. Гринин назвал декадансом, точнее назвать культурой постмодернизма.

Модернизм – жизнь за счет постоянного созидания и в уважении к знанию, умению, созиданию.

Постмодернизм – жизнь за счет того, что уже сделано.

Уже давно у людей с дефицитом ума и энергии появлялись странные идеи – упразднить всю и всяческую иерархию. Как шутили в эпоху Хрущева, в пору одежды «унисекс» и шлакоблочного строительства: уже соединили ванную с туалетом... Остается соединить мужчину с женщиной и пол с потолком.

Этому тоже полная аналогия в поздней Римской империи. Во многом – и в Российской империи начала XX в. Загнивание цивилизации выражается в том, что для «хорошей», то есть сытой, жизни больше не надо «слишком много» трудиться – тем более совершать сверхусилия.

Рим времен Октавиана раздавил бы варваров, не очень заметив. Рим IV–V вв. просто не хотел что бы то ни было делать.

Новая цивилизация

Мы живем в Новой глобальной цивилизации, – дочерней от европейской цивилизации XVII – начала XX в., но тем не менее совсем другой.

В 1960-е гг. произошло пять важнейших событий:

– Человек вышел за пределы планета Земля. Цивилизация начала превращаться в космическую.

– Появились глобальные деньги. Вместе с ними появилась и глобальная сверхбуржуазия.

– Богатства транснациональных монополий достигли уровня богатств крупных и сильных государств. «Стандарт ойл» и «Дженерал моторс» стали богаче Италии и Испании, так же богаты, как Франция, и почти так же, как Германия.

– Наступил конец так называемого колониализма. Все, никакого приоритета Европы и европейцев. Европа – мировой паразит. Европейцы – колонизаторы и кровопийцы. Ура политкорректности! Да здравствует толерантность!

– Стало известно, что ресурсы земного шара не беспредельны. Грубо говоря – на всех не хватит [Медоуз и др. 1991].

С тех пор экономическая, а с ней и политическая власть принадлежит космополитичному слою очень богатых людей. Буржуи XIX в. – просто пауперы в сравнении с ними.

Буржуа и сверхбуржуазия

В конце 1930-х гг. Фердинанд Ландберг сделал вывод о существовании в США «сверхбогачей» и заговорил о «60 правящих семействах Америки» [Ландберг 1948; 1971].

Сегодня сверхбогачи живут вовсе не только в США. Это не буржуа... Это сверхбуржуа. Они в сотни раз богаче всех императоров всей человеческой истории. И у них другая психология.

Знание было – сила. Знание давало деньги и власть. Знать было престижно. Хозяева жизни поддерживали и развивали эту систему ценностей, потому что сами ее разделяли. И они верили в прогресс.

Сверхбуржуазии тоже нужен прогресс. Но прогресс – управляемый. Ручной. Технонаука ведущих фирм Земли создает новые направления производства. На наших глазах родился компьютер, мобильная связь и особый мобильный компьютер – айфон. Гибрид компьютера, телефона, фото- и кинокамеры. Появление 3D-принтера... Появление космических программ... Появление... впрочем, продолжать можно долго. Но все это – прирученный прогресс. Его делают громадные коллективы, получающие зарплату. Инженер – обычный служащий. Пролетарий, знающий свое место.

Буржуа было много – 5, 10, 15 % населения Европы. Даже для самой себя буржуазии было нужно много университетов, много врачей, много инженеров и техников.

Сверхбуржуазия – 0,001 % населения Земли. Ей не нужно так много специалистов. И никакой они не авангард. Они – умные, которые сумели урвать, а все остальные – просто быдло. В том числе и представители народов, из которых вышли сверхбуржуа.

Сверхбуржуазия твердо знает – уж она-то получит медицинскую помощь, которую мы привыкаем по-хамски именовать «медицинское обслуживание». На них профессуры вполне хватит. Причем профессора прибегут сами, толкаясь и лягаясь по дороге. «А вот кому лучшее, что у нас есть?!?!»

Остальные пусть лечатся у колдунов и бабок-шептунный.

Уже сегодня ведутся исследования, позволяющие продлить активную жизнь лет до 120–140. Вопрос, кто воспользуется плодами сих недешевых изысканий. Нам, помиравшим в 80, реально «светит» истеблишмент, который в 120 лет выглядит и ведет себя как 60-летний.

Так же точно сверхбуржуазия знает, что всегда получит хорошее образование. Она всегда получит доступ к новым знаниям – независимо от того, имеют ли эти знания другие.

Подробнее я развиваю эти идеи в других статьях [Буровский 2020; 2022; Буровский, Лужецкий 2022].

Деградация? Нет, становление новой цивилизации

Бесспорно, что «очевидны признаки деградации западной политической системы, демократии, прав человека, идеологии», что западные «элиты для сохранения своего господства все заметнее и уже на юридическом и институциональном уровне нарушают базовые права граждан и Конституцию» [Гринин 2025: 255].

Но разве речь идет только о политической демократии? С середины XIX в. человек западного мира привыкал к социальным гарантиям: к доступной научной медицине, образованию, существованию социальных лифтов. Начиная с 1960-х гг. государство начинает все больше сворачивать свои обязательства.

Что означает фактический отказ от материального благосостояния большинства, доступной медицины, образования, социальной защищенности, равенства перед законом? Это отказ от достижений европейской цивилизации.

Большинство населения стран Европы стоит перед совершенно реальным «опусканием» большинства на уровень в лучшем случае Древнего Востока [Буровский 2025a].

Европейская цивилизация исходила из того, что «когда-нибудь» все станут такими же, как европейцы, по уровню и образования, и квалификации, и доходов.

Теперь «им самим мало». Идеология проста – не развивайтесь. Зачем? Вы так прекрасно танцуете. А если захотите не только танцевать, мы быстро пошлем канонерки. Муаммар Каддафи вон захотел, и Саддам Хусейн тоже. Нет, ребята, вы водите хороводы... Вон у вас какие красивые кокошники.

Естественно, «в мире растет антиамериканизм и стремление как-то ограничить американские волюнтаризм и конъюнктурность в отношении устоявшихся традиций и норм международной жизни, а также силу влияния любых внутриамериканских изменений на остальной мир» [Гринин 2025: 319].

Только «американизм» тут, скорее всего, и ни при чем. Для сверхбуржуазии 90 % населения Соединенных Штатов – такое же быдло, как и все остальные. Пусть работают за похлебку, лечатся у шаманов, читают комиксы, едят жуков, смотрят идиотские сериалы, считают землю плоской, убивают ведьм и помирают в 60. Их совершенно не жаль, сверхбуржуазия не отождествляет себя ни с какими народами.

Идеология для быдла

В национальных государствах XVII–XX вв. нарастал императив приобщения к культуре и цивилизации возможно большего числа людей.

Но к XXI в. победил вовсе не он, – именно потому, что национальные буржуазии заменила космополитичная сверхбуржуазия.

Знание – по-прежнему сила, но оно в руках сверхбуржуа, владельцев несметных капиталов. Им не нужно, чтобы знания попадали в другие руки... именно потому, что оно – сила. Кто же дает в руки туземца винтовку? Пусть бегают с каменным топором. Владыки Новой глобальной цивилизации пропагандируют иррациональные, а потому и безвредные ценности, частично под видом «научных».

В том числе для жителей западных стран.

Сверхбуржуазия – люди трезвейшего ума. Она исключительно для «окормления» народных масс применяет «миссионерство» ЛГБТ и политкорректности, по силе сравнимое с миссионерством испанской инквизиции, которое в итоге привело к упадку испанской империи; замена принципа меритократии в продвижении кадров на принцип «анкеты», объединяющий худшие черты сословных монархий и социализма; дряхление и коррумпированность элит; цензура и «культура отмены», характерная для тоталитарных режимов; замена знаний в образовании на идеологию и ряд других пороков» [Там же: 279].

Проконстатирую, что в западном мире, в том числе в США, мы видим три тренда: глобалистский, элитный; постмодернистский, массовый «народный»; и консервативный – среднего класса. Этот последний, прибежище психически нормальных американцев, – наш естественный союзник. Если носителей этого тренда окажется слишком мало, их ждет судьба Азия и жертвенного римского мальчика, имени которого не сохранила история.

Варианты грядущего

Описав и проанализировав многочисленные и разнообразные факторы глобального соперничества, Антон Гринин предлагает и возможные сценарии грядущего. В общей сложности их, по Гринину, восемь. Некоторые довольно близки, и я приведу их в зависимости от этой близости.

1. Парадигма абсолютного лидера, то есть США.

2. «Мировой концерт, где США будет не первым среди равных, а одним из равных» [Гринин 2025: 321]. То есть господство США вместе со своими союзниками (как афинская архэ).

3. «Формирование мирового правительства, связанное с тотальным контролем над бизнесом и населением, связанным с учетом “углеродного следа” каждого человека, а также, соответственно, контролем над его потреблением и концентрацией власти и контроля над распределением финансовых потоков в масштабах всего мира».

4. Очень близкий вариант: «Цифровое регулирование, закономерно ведущее человечество в “цифровой концлагерь”» [Grinin L., Grinin A. 2023].

5. Многополярный, или многоузловой, мир, в котором сосуществуют разные центры силы. Такой «мир» предполагают или биполярный – США и Китай в роли сверхдержав, или трех-, четырехполярный, где к этим центрам добавляются Россия и Европа.

Возможен и многополярный мир, «с некоторым количеством полюсов (США, ЕС, РФ, Индия и, возможно, другие)» или с «отсутствием определенного фиксированного числа независимых полюсов», число которых может меняться [Гринин 2025: 324].

О «новых полюсах» пишут и другие теоретики [Ильин, Леонова 2015; Ильин, Розанов 2015; Ильин, Леонова 2019].

6. «Достигшая зрелости и не имеющая антагонистических противоречий Мир-Система». Как она может не иметь противоречий, мне непонятно. Понятно ли авторам идеи – надо спрашивать у них.

7. Неизвестный пока в истории гибридный миропорядок. В этом гибридном миропорядке будут гибко, подвижно сочетаться носители и характеристики однополярности [Гринин 2025: 226].

В общем, две идеальные модели, где всем хорошо и все справедливо. Как можно достигнуть сего идеала и кто его будет организовывать, ответов нет.

Возможно, я плохой человек и страшный пессимист, но уверен – никто этих жалких призывов и не услышит. В политике господствуют интересы, а не призывы «сделать хорошо».

Перспектива Большой войны

Конечно же, в числе прогнозов – «глобальная война, катастрофа или нечто подобное с различными исходами» [Там же: 319].

Перспективу Большой войны рассматривали и мы с соавтором в 2009 г. [Буровский, Якуцени 2009]. С тех пор такая вероятность только стала более реальной, появились новые «очаги» международного напряжения.

Только ведь прогноз Большой войны совершенно не исключает ни одного из первых семи. Если Большая война принесет колоссальные разрушения и гибель миллиардов, но после нее сохраняются современные страны и государства, продолжится техногенная цивилизация – реализуется один из первых возможных сценариев.

Что вероятнее всего?

Естественно, в футурологии самым сложным считается давать удаленные прогнозы. В нашем случае все наоборот: как ни парадоксально, но труднее всего делать именно прогнозы кратковременные, и чем «кратковременнее», тем они менее точны.

В долгосрочных прогнозах повседневная турбулентность не очень важна. Независимо от характера Камалы Харрис или Джексона и от того, захватит ли Китай Тайвань, возникновение многополярного мира – абсолютная неизбежность.

Многополярный мир неизбежно будет устроен очень сложно. Даже «двухполярный мир» 1945–1991 гг. включал, кроме двух сверхдержав, и ряд великих держав, которые играли роль, сравнимую с местом сверхдержав в мироустройстве.

Вероятнее всего, некий «гибридный миропорядок», который будет и правда вариантом совершенно невиданной новой многополярности.

Такого пока никогда не было, потому что разные «полюсы» относятся к разным цивилизациям. Начало этому положено уже к концу XX в., когда в числе великих держав мы видим и Китай, и Японию, и нарастающее влияние Южной Кореи, Индии и Турции.

Вероятный многополярный мир середины – конца XXI в. неизбежно еще более сложен и противоречив.

Во-первых, неизбежно повсеместное падение уровня жизни. Все «центры силы», то есть все мир-системы, – и сверхдержавы, и великие державы, те и другие со своими союзниками, стараются быть экономически автономными. Уже для того, чтобы быть максимально независимыми. Все можно произвести везде – но всегда получится дороже.

К тому же неизбежен высокий уровень милитаризации. Стремительный рост уровня жизни и потребления в 1990-е – 2010-е гг. вызван, помимо прочего, и минимизацией расходов на оборону.

Вероятно, нас ждет такой же уровень потребления, какой нам знаком по жизни в 1960–1980-е гг., – что далеко не голод и даже не «большие нехватки».

Во-вторых, нас ждет постоянное столкновение цивилизационных культур и представлений. То есть постоянное присутствие «других» в жизни всех популяций, стран и народов.

Проще всего сказать, что такого и правда никогда еще не было. Было.

Многие историки придают большое значение тому, что бизкумена Древнего Переднего Востока и античного Средиземноморья объединяла очень разные народы с различными общественными и политическими системами, религиями и традициями [Померанц 1995; Ру 2003].

В Земшарной мир-системе XVII–XX вв. тоже сталкивались различные европейские народы. Трудно утверждать, что ирландцы мирно сосуществовали с англичанами, а поляки – с украинцами и русскими. Но эти народы, конечно, намного более близки в расовом, языковом, культурном и религиозном отношении, чем любой их них – к любому из «колониальных».

Уже сегодняшняя ситуация ближе к «древневосточной», чем к более привычной нам европейской XVII – начала XX в. Устанавливается не иерархия, скорее конкуренция и взаимное проникновение чрезвычайно разных культур.

Откровенный страх перед многополярностью встречается часто – однополярность пропагандируется как некое «спокойное» состояние мирового социума. Многополярность – как конфликтное.

Но участие народов всего мира в развитии мировой цивилизации, столкновения одинаковых по силе и разных по культуре имеет свои весьма положительные стороны.

Есть веские причины полагать, что стремительное развитие именно «запада Евразии» [Буровский 2011] вызвано, в частности, столкновением народов и государств – разных, но находящихся примерно на одном экономическом и военно-технологическом уровне. Всем приходилось и многое заимствовать, и научиться быть терпимее.

Индусская и китайская цивилизация развивались как единый центр посреди варварской периферии. Что и определило и замедленные темпы развития, и высокий уровень ксенофобии.

В общем, грядущее мироустройство не оставляет места для идиллической любви народов друг с другом. Конфликты неизбежны, вплоть до военных. Но непрекрасный новый мир предполагает интенсивный обмен идеями и технологиями, а тем самым – ускоренное развитие всех.

Многополярность – реальный путь прогресса народов, каждый из которых боится, что его обгонят другие.

Самое страшное

Распад любой цивилизации чреват утратой уже достигнутого уровня сложности. «Закат Европы» чреват двумя страшноватыми тенденциями: варваризацией и постмодернизмом. Это две основные линии упрощения, а если по-научному – примитивизации.

Так и на развалинах Римской империи «неэкономические признаки» стали намного важнее собственности, квалификации и интеллекта. Стало важнее родиться в семье земельного собственника или принадлежать к племенной знати, чем иметь даже выдающиеся способности.

Независимо от того, выгодно ли это глобалистам, непрекрасный новый мир неизбежно несет примитивизацию культуры: общей и профессиональной.

Распад норм и принципов европейской цивилизации сменяется и дополняется распадом традиционных основ вообще всех цивилизаций. Дико понимаемая «свобода» не имеет семьи, совокупляясь с кем угодно, – удобна и не требует усилий. Как и «свобода» быть малограмотным; искренне считать, что «космос придумали для распила бабла» и что из Европы в Южную Америку можно приехать на автобусе.

И при этом все мир-системы будут сбрасывать даже те обязательства, которые имеют сегодня – в области образования, медицины, пропаганды научных знаний, даже поддержания порядка.

На всех не хватит.

Фатальное отсутствие идей

Возможно, самое неприятное в современном положении человечества – отсутствие новых идей. Действительно, что предложить человечеству? Какое мироустройство?

Для каждой отдельно взятой мир-системы и каждого региона отлично «работает» патриотизм. Но «патриотизм как противопоставление всемирному не может работать. И Д. Трамп сегодня это превосходно демонстрирует» [Гринин 2025: 266].

Идея национального государства? Как соединить ее с принятием более широкой общности?

Трампизм провозгласил возвращение к идее американской территориальной империи. «Завоюем Гренландию, присоединим Канаду». Идея империи имеет ряд преимуществ по сравнению с идеей национального государства, но и она принадлежит прошлому.

Идея консервативных ценностей – семьи, брака, личной порядочности, важности образования и труда – прекрасна, но требует множества «поправок» и тоже принадлежит уже состоявшейся истории.

Что может стать идеей, объединяющей консервативные ценности, патриотизм и земшарное мироустройство?

«Для влияния на мировой порядок нужно систематически работать над идеологией, которая бы одинаково подходила и к национальной идее, и к движению в сторону унификации человечества».

«Сегодня очень многие увлеклись идеей противостояния России Западу, самой сущностью конфликта. В короткой перспективе это очень важно. Но не менее важно, а в более дальней перспективе – даже важнее найти, что же Россия сможет предложить миру» [Гринин 2025: 265].

Антон Гринин полагает, что «у России есть две важные основы: 1) стремление к тому, чтобы оказаться примером для других обществ; 2) традиции интернационализма» [Там же: 264].

«Если Россия найдет что предложить миру в виде развернутой идеологии, интересной для многих, то ее авторитет повысится» [Там же: 266].

А без таких идей «ни о каком российском лидерстве речи быть не может» [Там же: 373].

Справедливо. Но таких идей нет ни у кого, а значит – претендовать на лидерство не может никто. Что печально.

В заключение подчеркну еще раз: работа Антона Гринина отличается от других использованием большего массива разнородных сведений, более системным подходом и глубиной проделанного анализа.

Благодаря методологии Большой истории автор более системно видит, как трансформируется существующий мировой порядок, какие факторы влияют на

его изменения. Он строит вероятные модели нового, уже не американского, мирового порядка.

Считаю важным отметить еще и то, что работа Антона Гринина имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение.

Литература

Берзин Э. О. Вслед за железной революцией // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 2. С. 184–194.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : Международные отношения, 1998.

Буровский А. М. Запад Евразии: Основное поле культурной эволюции // Биосфера. 2011. Т. 3. № 2. С. 304–335.

Буровский А. М. Новая глобальная цивилизация // Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества: сб. статей Международного научного конгресса. М. : МГУ, 2020. С. 384–394.

Буровский А. М. Мир двухполярный, однополярный, многополярный и беспоплярный // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2022. № 1. С. 36–54.

Буровский А. М. Мир, в котором мы живем. М. : Тион, 2025а.

Буровский А. М. Гендерная революция. М. : Тион, 2025б.

Буровский А. М. Лужецкий И. Г. Глобальные город и деревня // Международная научная ассамблея «Глобальные вызовы международного сотрудничества»: сб. статей. М. : МГУ ФГП, 2022.

Буровский А., Якуцени С. Большая война. Красноярск : Андрей Буровский, 2009.

Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок. История. Современность. Будущее. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2025.

Гринин Л. Е. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего) // История и современность. 2012. № 2. С. 3–27.

Гринин Л. Е. Глобальные процессы и контуры нового мирового порядка // Восточно-европейский научный вестник. 2016а. № 2(6). С. 16–26.

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 2. Возможности и перспективы формирования нового мирового порядка // Век глобализации. 2016б. № 1–2. С. 3–18.

Гринин Л. Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016в. № 1. С. 20–63.

Гринин Л. Е. Революции в XXI столетии и их роль в дестабилизации и реконфигурации Мир-Системы // История и современность. 2022. № 1. С. 3–40.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Историческая психология и социология истории. 2015а. № 8(1). С. 172–197.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // История и Математика: футурологические и методологические аспекты: ежегодник / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград : Учитель, 2015б. С. 8–30.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Кондратьевские волны: наследие и современность / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко. Волгоград : Учитель, 2015в. С. 83–106.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). Волгоград : Учитель, 2015г.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Коротаев А. В. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка // Политическая наука. 2024. № 2. С. 124–150.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Арабский кризис и реконфигурация Мир-Системы // Арабский кризис: Угрозы большой войны / под ред. А. М. Васильева. М. : URSS, 2016. С. 286–329.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Тенденции развития глобализационных политических процессов // Век глобализации. 2015. № 1(15). С. 21–35.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Политическая глобалистика: учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2019.

Ильин И. В., Розанов А. С. Глобальное управление и дипломатия в нестабильном мире: Об итогах IV Международного научного конгресса «Глобалистика 2015» // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2015. № 3–4. С. 3–15.

Казанцев А. П. Пылающий остров: Роман. М. : Детиздат, 1941.

Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М. : Наука, 1986.

Ландберг Ф. 60 семейств Америки. М. : Изд-во ин. лит-ры, 1948.

Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. М. : Прогресс, 1971.

Медоуз Д. Х. Медоуз Д. Л., Рендерс Й., Беренс Ш В. Пределы роста. М. : Изд-во МГУ, 1991.

Померанц Г. С. Выход из транса. М. : Лики культуры, 1995.

Померанц К. Великое расхождение. Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М. : Дело, 2017.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986.

Ру Ж. Великие цивилизации Междуречья. Древняя Месопотамия: Царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия. 2700–100 гг. до н. э. М. : Центрполиграф, 2003.

Серебряный И. Нет детей – нет людей [Электронный ресурс] : Эксперт. 2024. 20 августа. URL: <https://expert.ru/v-mire/net-detey-net-lyudey/> (дата обращения: 25.09.2024).

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2007.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Шпенглер О. Закат Европы. М. : Мысль, 1993.

Frank A. Review of the Great Divergence // *Journal of Asian Studies*. 2001. Vol. 60. No. 1. Pp. 180–182.

Grinin L., Grinin A. Analyzing Social Self-Organization and Historical Dynamics Future Cybernetic W-Society: Socio-Political Aspects // *Reconsidering the Limits to Growth: A Report to the Russian Association of the Club of Rome* / ed. by V. Sadovnichy, A. Akaev, I. Ilyin, S. Malkov, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2023. Pp. 491–519. DOI: 10.1007/978-3-031-34999-7_22.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. Future Political Change. Toward a More Efficient World Order // *Reconsidering the Limits to Growth. A Report to the Club of Rome* / ed. by V. Sadovnichy, A. Akaev, I. Ilyin, S. Malkov, L. Grinin, A. Korotayev. Cham : Springer, 2023.

Grinin L., Korotayev A. Does “Arab Spring” Mean The Beginning Of World System Reconfiguration? // *World Futures: The Journal of Global Education*. 2012. Vol. 68(7). Pp. 471–505.

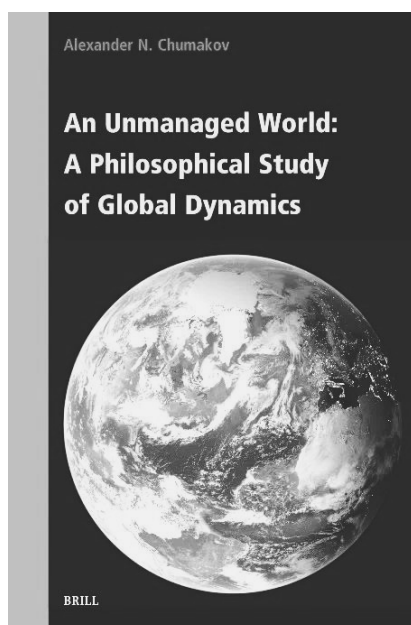
Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. Cham; Heidelberg; New York; Dordrecht; London : Springer International Publishing, 2015.

Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Konvergence. A Global Perspective. Heidelberg; New York; Dordrecht; London : Springer, 2015.

Grinin L. E., Korotayev A. V. MENA Region and the Possible Beginning of World System Reconfiguration // *Comparative Political and Economic Perspectives on the MENA Region* / ed. by M. M. Erdoğan, B. Christiansen. Hershey, PA : Information Science Reference, an Imprint of IGI Global, 2016. Pp. 28–58.

Alexander N. Chumakov. An Unmanaged World: A Philosophical Study of Global Dynamics. Leiden; Boston : Brill, 2026

ISSN 2406-0070
ISBN 978-90-04-74476-9 (hardback)
ISBN 978-90-04-74606-0 (e-book)
DOI 10.1163/9789004746060



This book is devoted to the philosophical analysis of the most important problems of world development and the prospects of global management. Based on the rich factual material and a holistic understanding of the world, the author shows how modern globalization has made not individual territories and regions an arena of interaction, but the entire space of the Earth. As a result, humanity has encountered many global problems. At the same time, the global world is only weakly regulated, but completely deprived of management. This gives rise to the most acute contradictions in the world community. How to change the situation? According to the author, people must learn to “think – globally, and act – together”! It is concluded that humanity is facing the need for a global civilizational revolution aimed at the formation of planetary civil society and the transition in international relations from the “right of power” to the “power of law”.

Эта книга посвящена философскому анализу наиболее важных проблем мирового развития и перспективам глобального управления. Опираясь на богатый фактический материал и целостное понимание мира, автор показывает, как со-
Век глобализации 4/2025 220–222

временная глобализация сделала ареной взаимодействия людей уже не отдельные территории и регионы, а все пространство Земли. В итоге человечество столкнулось с множеством глобальных проблем. При этом глобальный мир только слабо регулируется, но совсем лишен управления. Это порождает острейшие противоречия в мировом сообществе. Как изменить ситуацию? По мнению автора, люди должны научиться «мыслить – глобально, а действовать – совместно!» Делается вывод, что человечество стоит перед необходимостью глобальной цивилизационной революции, направленной на формирование планетарного гражданского общества и переход в международных отношениях от «права силы» к «силе права».

Contents

Acknowledgements ix

Note on Transliteration xii

Introduction 1

1 Realities of the Twenty-First Century 7

- 1 Showcases and Backyards of the Global World 7
- 2 Origins and Nature of Modern Conflicts 18
- 3 Global Problems: the Main Threats of the Twenty-First Century 24
- 4 Natural Resources as a Factor in World Politics 37
- 5 National and Universal: Conflict of Interests 42
- 6 Risks and Consequences of Inadequate Perception of the Global World 47

2 World Community in Global Dynamics 50

- 1 Modern Contours of World Civilization 50
- 2 Unity and Diversity of the Global World 52
- 3 On the Threshold of Fundamental Transformations 56
- 4 Cultural and Civilizational Differences as a Source of Confrontation 59
- 5 Sociocultural Faults of the World Community 62
- 6 Megatrends and Global Challenges of Our Time 73
- 7 Interest as a Determining Factor in Social Relations 77
- 8 The Nature of Social Existence: the Struggle for Survival 81
- 9 Geopolitical Confrontation and Lessons of the Cold War 86
- 10 International Community: Inequality of Opportunities 95
- 11 Potentials of Countries According to Basic Criteria 98
- 12 Alliances as a Factor in Protecting and Pursuing Interests 104

3 The Global World: the Problem of Management 108

- 1 The New World Order Is the Imperative of the Times 108
- 2 The Global World as a Systemic Reality 116
- 3 Theoretical Aspects of Management 118
- 4 Features of Managing Social Systems 126
- 5 Types of Social Systems and Forms of Their Management 131
- 6 Local and Regional Aspects of Management 142

- 7 Management as an Urgent Problem 152
- 8 World Government and the Limits of Management 162
- 9 Network Management in Light of the Latest Technologies 174

4 In Search of Adequate Solutions 182

- 1 Forms and Methods of Resolving Contradictions in the Global World 182
- 2 Crisis Is a Signal of Unresolved Pressing Problems 186
- 3 “Soft Power” as a Factor of Influence and a Way to Realize One’s Interests 199
- 4 Sanctions as a New Tool of Global Policy 206
- 5 Conflict of Interests: Opportunities for Dialogue in the Modern World 211
- 6 Polycentrism and Prospects for Global Development 219

Afterword 229

Bibliography 233

Index 243

ЮБИЛЕИ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ЧУМАКОВУ – 75 ЛЕТ



1 октября 2025 г. исполнилось 75 лет доктору философских наук, профессору МГУ имени М. В. Ломоносова, главному редактору журнала «Век глобализации» Александру Николаевичу Чумакову.

А. Н. Чумаков – философ, теоретик и организатор науки, специалист в области глобалистики, автор более 700 научных публикаций, в том числе на английском, китайском, немецком, французском, турецком, польском, румынском и других иностранных языках. Он является автором общей теории глобализации, в сфере его научных интересов: социальная философия, теория и методология глобалистики, философия и культурно-цивилизационные аспекты глобализации. Александр Николаевич – автор, ответственный редактор и член редколлегий более 100 монографий, книг, учебников, хрестоматий, справочных изданий, ученый с мировым именем.

А. Н. Чумаков является бессменным главным редактором нашего журнала с момента его основания. Его профессионализм, широчайшая эрудиция, увлеченность и организаторский талант и сделали наш журнал таким, каким знают его читатели в российском научном мире и за рубежом. Следует упомянуть и выдающиеся человеческие качества Александра Николаевича: его доброту, чуткость, отзывчивость, трудолюбие.

Редакционная коллегия и международный редакционный совет журнала «Век глобализации» от всей души поздравляют Александра Николаевича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, благополучия, новых творческих и профессиональных успехов!

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14); сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Кляйн Н. Доктрина шока. М. : Добрая книга, 2011.

Лукашук В. И. Homo Consumens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.

Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/> 2003/1/2a Bek.pdf (дата обращения: 14.03.2011).

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

Статьи, имеющие признаки сгенерированных (написанные с помощью нейросети), к публикации в журнале не допускаются.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк), ключевые слова к ней и авторская справка на русском и английском языках, а также данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

Журнал «Век глобализации» внесен в список журналов, входящих в базу данных RSCI, а также в перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК.

«Век глобализации».
4(56), 2025. – 224 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Корректор *Р. Ш. Эсанли*

Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»
400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-04-08, 42-17-71.

E-mail: peruch@mail.ru, jurnal-uch@mail.ru

Подписано в печать 15.12.2025. Дата выхода: 12.01.2026

Формат 70×100/00.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.

Тираж 1000 экз.

Оригинал-макет предоставлен издательством.

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5
Заказ № 220665.